

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

НИКОЛАЙ МЕТЕЛЬСКИЙ
ПРИЗРАЧНЫЙ
УЧЕНИК

Annotation

Эта книга о младенце, что родился драблом — магом-калекой, неспособным творить волшебство. О ребенке, чья вселенная рухнула со смертью матери. О юноше, лишенном всех талантов, кроме одного. Он мечник школы, которой нет в его мире. Призрачный ученик несуществующей школы. Среди магов, среди гениев, окруженный силой. Его зовут Окава Кеншин. И не говорите потом, что не слышали это имя.

Николай Метельский

Призрачный ученик

© Метельский Н. А., 2017

© Художественное оформление, «Издательство Альфа-книга», 2017

* * *

Великий дух Громового Дракона лениво парил над старинным особняком рода Окава. Этой ночью в одной из его комнат на свет опять появилась новая жизнь. Очередной младенец, родившийся на его глазах. Мальчик. У девочки, что, казалось, всего мгновение назад сама была новорожденной. Люди... они слишком быстро взрослеют. Еще вчера эта девчонка гонялась за его хвостом, а уже сегодня дарит жизнь новому ребенку. Еще одно дитя, что может попасть под критерии великого выбора. Великий дух, великая сила, великая потеря. Любой, рожденный рядом с великим духом, выполняет одно из условий, а значит, на любого, рожденного в этой семье, может пасть выбор.

— Драбл? — услышал дракон, если слово «услышал» вообще можно применить к духу.

— Мне жаль, господин, — раздался рядом с первым женский голос.

Повитуха рода Окава. Человеческая женщина, чей взгляд может пробрать даже старшего духа.

— Мой внук — драбл... — произнес потерянно мужчина.

Что ж, значит, великой силы ему не видать, и даже если будет великая потеря, под выбор ребенок все равно не попадет. Дракону нравился этот мир, и он не против, чтобы этот мир спасли, но пусть спасителями будут не Окава. Несколько сотен лет взаимовыгодного сотрудничества сблизили их достаточно, чтобы дракон не желал этому роду выбора.

— Отец? — обеспокоенно спросила измотанная родами женщина, когда старший Окава чуть ли не ворвался в комнату. — Что-то случилось?

А мужчина словно врезался в стену, услышав этот вопрос.

— Твой сын драбл, — произнес он, отведя взгляд.

— Что?

— Твой. Сын. Драбл. Мне жаль, но от него придется избавиться. Сдадим его в приют, найдем хорошую семью — не важно как, но в роду я его не оставлю.

— Ты... не посмеешь...

— Он драбл! — выкрикнул Окава, выплескивая накопившиеся эмоции. — Мало мне было того, что ты связалась с обычным человеком, мало того, что он сдох в банальной автокатастрофе, так он еще и внука моего драблом заделал!

— Верни мне сына. Сейчас же верни сына! — начала впадать в истерику роженица. — Ты не посмеешь отнять его у меня! Не посмеешь! Принесите мне сына!

— Твой сын, — навис над ней отец, — не станет поганить наш род, — припечатал он, глядя в глаза дочери.

— Значит, я уйду с ним, — кажется, даже успокоилась она.

— Ты... — не поверил в услышанное Окава.

— Я не брошу своего ребенка.

— Ты... Да ты... Да как ты?.. — все набирал и набирал в грудь воздух ее отец. — Отлично, — выдохнул он резко. — Будь по-твоему. Мне хватит и сына. Как придешь в себя, выметайся из этого дома.

Неожиданно. Давно дракон не встречался с подобным. Драбл, конечно, не лучшая реклама для магического рода, но что-то Макото перегнул палку. Выкидывать на улицу и внука и дочь — реклама тоже не очень. Как правило, детей, родившихся недомагами, задвигали куда подальше, пряча от посторонних, но избавляться полностью? Все-таки

родная кровь. Ох, Макото, Макото, ты всегда был слишком импульсивен. А твоя дочь — вся в тебя.

Ну хоть твой сын лишен этого недостатка. Великой силы ребенок!

Глава 1

Самая красивая в мире мама как-то сказала мне, собирая в детский сад:

— Мужчина должен быть чистым, умным и немного пафосным.

После чего нацепила на меня панаму и поднялась с корточек.

Что такое пафос, я в то время не понимал, а со всем остальным... я старался, честно. Но в том возрасте результат был далек от совершенства.

Вообще дети очень впечатлительные существа. У меня в памяти отложилось множество высказываний матери, которые в будущем сильно повлияли на мой характер и поведение. Не помню, например, что было в то утро и почему она упомянула чистоту, не помню ничего из того дня, но конкретно этот момент врезался в память накрепко. Крепче всего остального. Возможно потому, что именно это утро я вспоминал, когда в крематории сгорала... сгорала моя вселенная.

Вся моя жизнь рухнула с ее смертью. Автокатастрофа. Банальность. Максимум, чего можно дожидаться от домохозяек, узнавших о ней из утренних новостей, — это охов и ахов. Такие вещи быстро забываются, ибо это обыденность и случилось не с вами. Где-то там. А вот я с тех пор очень четко понял, насколько близка к нам всякого рода обыденность.

Всем, что связано с похоронами, занимался дядя Ичиро. Я этого мужика до того случая и не видел-то ни разу, хотя он утверждал обратное. Дескать, до моего пятилетия часто навещал нас с мамой, а последние три года жил в Корее, переехав туда по делам. Ах да, мама умерла, когда мне было восемь лет. Так что допускаю, что все так и есть. Даже более того — с высоты прожитых лет могу с уверенностью сказать, что Ичиро-сан^[1] говорил правду, но в тот момент он был для меня абсолютно чужим человеком.

Все то время, что шли похороны, дядя Ичиро готовил дом, в котором нам предстояло жить. Это я позднее узнал, почему ему вообще пришлось о чем-то хлопотать, а не заселяться в свой старей, а тогда принял все как есть, без удивлений. Да мне и плевать было. На очень многое мне тогда было плевать. Однако этот дом... на какое-то время ему удалось вывести меня из апатии. Для меня, восьмилетнего, этот дом показался жутким. Трехэтажный, староевропейской архитектуры, вписанный между стандартным для нашей страны трехэтажным строением, в котором снимают жилье люди среднего достатка, и особняком в традиционном стиле. Я такого сочетания рядом стоящих зданий за свою короткую жизнь не видел ни разу, так тут еще и какие-то непонятные тени вокруг нашего дома, страшный силуэт в одном из окон второго этажа и огромный паук с меня размером, замерший на балконе третьего.

А я, хочу отметить, привык, что вокруг нашего с мамой дома никаких духов даже близко никогда не наблюдалось. В свое время, когда я рассказал ей о том, что вижу... всякое, она очень сильно настаивала, чтобы я никому об этом не говорил, а на самих духов и всякую потустороннюю фигню не обращал внимания. Если на них не пялиться, то и они на тебя не будут обращать внимания. Но как быть теперь? Если вон тот паук начнет бегать по всему дому... В общем, мне было страшно. Мама велела никому не рассказывать и не показывать виду, что я в курсе о ёкаях^[2], но раньше и мама была рядом.

— Правда, славный домик? — спросил дядя Ичиро, когда мы вышли из машины. — Пришлось повозиться, выкупая его, но зато теперь он только наш. Пойдем, — попытался он слегка подтолкнуть меня в спину, — ты наверняка устал... Кен-чан^[3]? Что-то не так? —

отреагировал он на мое нежелание идти вперед.

Мама велела никому и ничего не рассказывать...

— Мне не нравится этот дом. Верните меня в старый.

— Малыш... — присел дядя передо мной на корточки. — Ох, — вздохнул он, прикрыв на мгновение глаза. — Этот дом очень хороший, Кен-чан, просто дай ему возможность понравиться тебе. Он больше твоего старого, расположен в интересном месте, и тут есть подключение к Интернету, — поднял он указательный палец. Мама почему-то не любила Интернет, но я почти уговорил ее... — А хочешь, мы заведем какую-нибудь зверушку?

Я хотел. Точно помню, что хотел. Но мама говорила, что питомец — это ответственность. Ухаживать, мыть, кормить. Раньше я всегда знал — если что, самая лучшая мама на свете поможет с этим, покормит, если я забуду, вымоет, если убегу гулять, — а как оно все будет с этим незнакомым мужиком, черт его знает.

— Здесь нет двора, где я буду тренироваться?

— Точно! Ты же занимаешься кендо^[4]. А двор тебе не нужен — мы сделаем для тебя настоящий тренировочный зал! Хочешь? Тренажеры, экипировку — все, что твоя душа пожелает.

Он слишком многое предлагал. Ладно питомец, но Интернет и хороший тренировочный зал... Я еще раз окинул взглядом дом и, на этот раз не заметив ни теней, ни паука, ни силуэта в окне, со вздохом сдался.

— А самый лучший компьютер?

— Будет компьютер, — кивнул он в ответ. — И ноутбук будет.

— А вы, я смотрю, богаченький, дядя Ичиро, — взглянул я на него подозрительно.

— Для любимого племянника мне ничего не жалко, — произнес он напыщенно.

Оставалось надеяться, что плюсы перевесят минусы. Точнее, таким был общий настрой, а уж что я тогда в точности подумал, сейчас не вспомню.

Внутри дом оказался просторным — правда, меня смутила одетая в фиолетовое кимоно девочка лет одиннадцати, стоящая в холле, на которую дядя совершенно не обратил внимания. Я тоже не стал задерживать на ней взгляд, но что-то с этим, конечно, надо было делать. Ничего не имею против ёкаев, но постоянно изображать, что я их не вижу, когда они всего в шаге от меня, казалось тогда сложным.

Комната мне досталась большая. Примерно как гостиная в прошлом доме. Объем добавляло и небольшое количество мебели. Рабочий стол, кресло на колесиках, шкаф, пара полок на стенах да кровать. Если подумать, то все то же самое, что и в моей прежней комнате, но там это уменьшало и так небольшое помещение, а здесь показывало простор. Вещи, как сказал дядя Ичиро, должны привезти завтра, а пока, усевшись на кровать, я вновь начал бороться с тоской. Мама всегда говорила, что тоска — это для слабаков, а мужчина должен быть сильным. Это настоящий мужик должен быть чистым, умным и немного пафосным, но если ты слабак, то ты и вовсе не мужчина. Поэтому я боролся. Тогда было не понятно, как именно это делать, но что я знал точно — мужчины не плачут. И я всеми силами старался удержать слезы. В огромной пустой комнате, в непонятном доме, принадлежащем какому-то незнакомцу, один на один со всеми своими горестями, сделать это было непросто. Но я боролся. И, несомненно, проиграл бы эту борьбу, если бы не дядя Ичиро. Как не раз за все эти дни, как множество раз позже, он появился в самый ответственный момент, когда мне была нужна хоть какая-то поддержка.

— Кен-чан! — ворвался он в комнату. — Смотри, что я нашел в своих вещах!

— Катана? — расширились у меня глаза, глядя на то, что именно держит в руке Ичиро-сан.

— Ага, — подошел он ко мне, присаживаясь рядом. — Я в детстве, как и многие мальчишки, грезил самураями и всякими острыми железками. Так вот, чтобы я не отрезал себе чего лишнего кухонным ножом, моя мама, твоя бабушка, купила мне эту катану. По факту она настоящая, только лезвие затуплено. Эх, чего я только с ней не делал, — покачал он головой, усмехнувшись. — Но после того как уже твоя мама, которая тогда оканчивала старшую школу, хорошенько меня ею же отлупила, я забросил катану к себе в комнату и больше о ней не вспоминал. А тут, видимо, перевезли все скопом, заодно и меч не забыв. Держи, — положил он мне его на руки.

— Круто... — прошептал я, оценивая приятную тяжесть. — Старый, — провел рукой по ножнам.

— Ну, хех, — почесал затылок Ичиро-сан. — На самом деле — нет. Просто я не слишком за ним следил, вот он и подрастrepался.

— И я могу... — посмотрел я ему в лицо.

— Конечно, — улыбнулся он. — Теперь этот меч принадлежит тебе. Им пользовался я, им пользовалась Хана... пусть и один раз, но ой-ой-ой как!.. Теперь им можешь пользоваться ты. Он, конечно, еще тебе не по руке, но какие твои годы? Послезавтра, как разберем твои вещи, можем сходить за покупками. Купим тебе компьютер, одежду кое-какую, заодно и боккэны^[5] по руке посмотрим.

— Спасибо, — все не мог оторваться я от меча. — Боккэны? — поднял голову, когда до меня дошли слова Ичиро-сана.

— Ну да, — кивнул он с улыбкой. — Ты ведь занимаешься кендо как-никак. Я-то в свое время просто бегал с мечом за... кхм-кхм... — неожиданно прокашлялся он, покраснев. — В общем, хулиганил.

— С мечом нельзя хулиганить, — покачал я головой.

— Ну... как бы... да... Но я уже сполна получил за это.

— И я просто хожу в кружок. Там даже боккэнов на всех не хватает.

— Прискорбно, — покивал дядя серьезно. — Но зато теперь у тебя есть свой меч.

— Спасибо, дядя Ичиро, — поблагодарил я его еще раз.

— Не за что, Кеншин, — погладил он меня по голове. — Твоя мама была для меня... — прикрыл он глаза. — Наверное, можно сказать, что у твоего дяди сестринский комплекс, — улыбнулся он грустно.

— Мы справимся, дядя Ичиро, — накрыл я его руку своей ладонью. — Вот увидишь. Мы должны бороться с тоской, мама всегда говорила, что тоска — это для слабаков.

— Ох, малыш, — обнял он меня, — конечно, справимся. Куда ж мы, два мужика, денемся? — произнес он, отстранившись. — А теперь пойдем сначала поедим, а потом я покажу тебе дом.

Все та же девочка, стоящая в углу кухни, только на этот раз — еще и в фартуке, удивила изрядно. Подумал тогда еще, что это возмутительно — дядя старался, делал обед, а она тут хозяйку изображает. Будто это она все приготовила! А мысль, что Ичиро-сан просто не успел бы что-то приготовить, даже не посетила мою голову. Молодой был, неопытный. Еще и огромный паук, мелькнувший на лестнице, меня отвлек.

Обед в целом был отличный. Особенно мне понравилась свинина, обжаренная в каком-то соусе. Мама не сказать что совсем не умела готовить, но получалось это у нее так себе.

Кроме омлета. Омлет у мамы был бесподобным. После еды я хотел было помыть посуду, но дядя Ичиро просто отмахнулся, сказав, что сам как-нибудь потом это сделает, а сейчас лучше пойти осмотреть дом.

Кухня была на первом этаже, там же находились ванная, туалет, подсобка, общий холл, дверь с выходом в гараж и спуск в подвал — абсолютно пустой. На втором этаже были наши с дядей комнаты, общая гостиная, в центре которой, прямо на спинке дивана, устроился натуральный ямабуси тэнгу^[6] и уставился в телевизор, по которому шло какое-то ток-шоу. Огромный, с красной кожей, длинным носом, крыльями ворона и одеждой отшельников ямабуси.

— Опять я забыл телевизор выключить, — вздохнул Ичиро-сан. — А и ладно, — махнул он рукой.

Тэнгу лишь бросил на нас взгляд и вновь обратил все свое внимание на экран.

Паук, скорее всего, цучигумо^[7], но может быть и кумо^[8], что хуже, или и вовсе что-то третье. Непонятная девочка, которая может оказаться вообще чем угодно, и тэнгу — любитель ток-шоу... Это прямо дом ужаса какой-то! А еще нельзя забывать о всякой мелочи, которая попадает то тут то там. Особенно удивил глаз с руками и ногами, который подметал в коридоре. Пару раз встретил маленьких светящихся полупрозрачных духов, что парили в воздухе. Интересно, кого я еще не видел?

— Дядя Ичиро, а вы давно тут живете? — спросил я.

Мы в этот момент как раз поднимались на третий этаж, и он шел впереди меня.

— Четыре дня.

Мама говорила, что ругаться нехорошо. Вслух — совсем плохо, а про себя — начало конца. Этого я не понял, но звучало внушительно. Ну а если по делу, то все ужасно. Четыре дня он тут вполне мог выживать, учитывая, что большую часть времени проводил либо со мной, либо занимаясь похоронами. Но что будет, когда мы поселимся тут на постоянной основе? Да нас просто съедят! Наверное, придется рискнуть и рассказать ему о том, что я вижу.

— Дядя Ичиро... — начал я неуверенно.

И замолчал, не зная, что говорить.

— Ты что-то хотел? — спросил он, так и не дождавшись продолжения.

В этот момент мы поднялись на третий этаж, где напротив лестницы стояло огромное двухметровое зеркало, изнутри которого смотрел какой-то дряхлый старик, одетый в одни джинсы.

— Нет, — все же произнес я. — Потом.

Интересно, это призрак или цукумогами, он же — дух предмета? Мне было страшновато. И любопытно. Но страшновато все-таки больше.

— Дядя Ичиро, может, сходим в магазин за... — начал я лихорадочно придумывать, за чем можно сходить, — за телефоном. А то я свой потерял.

На секунду я испугался, что перегнул палку, все-таки мобильный телефон — это вам не готовый бенто^[9], но вспомнил, что дядя, похоже, обеспеченный человек. Да и покупать на самом деле ничего не надо, главное — отойти от дома подальше.

— Почему бы и нет? — пожал он с улыбкой плечами. — Давай тогда обойдем побыстрому третий этаж и сгоняем до ближайшего супермаркета, — направился он вглубь коридора.

Я уж хотел было настоять, но Ичиро-сан не мама, нельзя давить на незнакомого

человека, он может и... не знаю. Оттого еще неуютнее и страшнее говорить о ёкаях в доме. Ведь наверняка не поверит. От этой мысли настроение упало еще ниже, хотя, казалось бы, куда там ниже.

— Он нас видит, Ичиро, — раздался сзади какой-то скрипящий голос.

А у меня еще сильнее затряслись поджилки.

— Мы посоветовались и пришли к единому мнению — он нас точно видит.

Второй голос был басом. Мне почему-то сразу пришел на ум тот самый тэнгу.

— Сомнений нет, господин, — подтвердил детский голос.

После такого... даже нет — после того, как дядя Ичиро медленно обернулся и посмотрел мне за спину, мне стало по-настоящему страшно. А может, он на самом деле никакой не брат мамы, может, он специально меня сюда привез, чтобы скормить этим монстрам? Не зря же мама наказывала скрывать эту способность? Но бежать было некуда. Я стоял посреди коридора, позади монстры, впереди — дядя Ичиро... или кто он там. Может, он и сам ёкай. Даже пятиться некуда. Прижавшись спиной к стене, я перевел затравленный взгляд с дяди на троицу ёкаев — девочку, тэнгу и паука. Последний висел на потолке, а тэнгу был таким огромным, что перекрывал своим телом весь коридор, буквально нависая над девочкой.

— Прочь! — неожиданно рывкнул дядя Ичиро. — Вон отсюда!

Девочка исчезла мгновенно, а паук убежал с такой скоростью, что, моргни я в тот момент, посчитал бы, что он просто испарился.

— Да мы что, мы ничего, — пробормотал тэнгу, растворяясь в воздухе самым последним.

— Кен-чан, малыш, успокойся, — медленно подошел ко мне дядя и, присев на корточки, что сделало его чуть ниже меня, начал успокаивать: — Тебе ничто не угрожает, эти оболтусы пальцем тебя не тронут. Никто в этом доме не тронет тебя. Наоборот — каждый из них жизнь положит на твою защиту.

— Ты их видишь, — сфокусировал я на нем взгляд.

— Конечно, вижу, это ведь мои слуги.

— Ты их тоже видишь, — вновь огляделся я, опасаясь, что монстры где-то рядом.

— Вижу, Кен-чан. Они действительно существуют, — успокаивал он меня.

— Тогда нам надо бежать! — зашептал я эмоционально. — Это ведь монстры, если они вернуться...

— Успокойся, малыш, — обнял он меня. — Успокойся. Никто тебя не обидит. Как я могу допустить, чтобы обидели моего любимого племянника? Сколько бы их ни было, дядя Ичиро защитит тебя.

— Они слушались тебя, — немного даже обиженно произнес я, когда слегка подуспокоился.

— Они мои слуги, Кен-чан, — отстранился он. — Коки — дзашики-вараши^[10]. Она теперь будет заведовать тут всеми хозяйственными вещами и общей защитой. Куфу — тэнгу. На нем внешняя защита дома. А Джоки — цучигумо. Он отлавливает мелких духовных паразитов и заправляет внутренней защитой. Еще есть Кохана — юки-онна^[11]. Она у нас занимает пост официальной служанки. Сейчас ее тут нет, так как она занята улаживанием различной бумажной волокиты. Ну и твои вещи сюда привезет именно Кохана.

— А... А эти... — путались мои мысли.

— Тут полно всякой мелочи, но в основном они все в подчинении у Коки. На самом деле

ее зовут Кокиримунэ, но я как-то привык уже называть ее Коки.

— А зеркало?

— У старика нет имени, — усмехнулся он. — Столько лет прожил, а не сподобился завести. Это просто цукумогами — дух зеркала. Хотя пара полезных фокусов и у него найдется.

— Кхм, кхм, — прокашлялся я, окончательно взяв себя в руки. То, как я себя сейчас вел, уж точно не было пафосно, а мама говорила, что мужчина должен быть немного пафосным. — Значит, этот дом полностью забит ёкаями, а ты их видишь и даже управляешь ими.

— Именно, — кивнул дядя Ичиро.

— А меня научишь?

— Я... — замялся он. — Я не могу, Кен-чан. И никто не сможет. К сожалению, ты не сможешь этому научиться, — тяжело вздохнул он.

Конечно же я расстроился. И, само собой, не поверил, что меня не сможет обучить никто. Ведь мир такой огромный, наверняка найдется хоть один мастер. То, что этому не смогу научиться именно я, вообще прошло мимо моего сознания.

— Мама всегда говорила, что, если упорно тренироваться, даже из бездарного мечника может что-то получиться. А я не бездарный.

— Эх, — вздохнул он еще раз. И, поднявшись с корточек, взлохматил мне волосы. — Пойдем на кухню. Под чай и говорить удобней.

На кухне, посадив меня за стол, дядя стал мотаться туда-сюда, словно неприкаянный, но через какое-то время все же вздохнул и, повернувшись ко мне, спросил:

— Кен-чан, ты не против, если я позову Коки?

— Не, все нормально, дядя Ичиро.

— Коки, — произнес он в пустоту, и сразу после этого из воздуха появилась девочка в кимоно. — Чай, — кивнул он на стол, за которым я сидел, после чего, собственно, уже и присоединился ко мне.

Ну а дзашики-вараши начала то исчезать, то появляться в разных частях кухни.

— С чего бы начать? — устроился Ичиро-сан поудобней на стуле. — Магия существует! — поднял он палец. — Но это ты, я думаю, и так понял. Не буду забивать тебе голову процентным соотношением магов к количеству людей в целом, скажу только, что магов гораздо меньше, чем немагов, и то, что мы разбросаны по разным странам, создает впечатление, что нас еще меньше. На деле же во всем мире магов примерно миллионов сорок, а это уже приличных размеров страна. Правительства большинства государств о нас прекрасно известно, но у нас с ними что-то вроде пакта о невмешательстве. Они могут нагадить нам, мы можем им, так что приходится сосуществовать. Про это я тебе как-нибудь в другой раз расскажу. Когда подрастешь и наберешься необходимых знаний в школе.

— В школе рассказывают про магию? — удивился я.

— Нет, — усмехнулся дядя Ичиро. — В школе рассказывают про математику. Давай об этом потом, Кен-чан.

— Давай, — согласился я.

— Так вот, — задумался он на мгновение. — Маги — это те же самые люди, только у них резерв... Мм... Любой человек в мире может накапливать ману, но у простых людей этой маны очень мало. Очень. Тем маги и отличаются от них — у нас маны очень много. У кого-то прудик, у кого-то океан, а вот у простых людей — всего лишь кружка. Резерв, то

самое место у человека, где скапливается мана, наполняется из... извне. Чтобы тебе было понятней — из воздуха. Мана собирается внутри нас, после чего мы можем ее использовать. Делаем мы это с помощью каналов... Ну... представь, что у магов множество невидимых рук. У простых людей они тоже есть, но их мало, они слабые, да и пальцев у тех рук нет. А вот у тебя... У тебя, Кен-чан, как у любого нормального мага — хороший резерв. Но почти нет каналов. Два-три, может, четыре. Ты способен на несколько фокусов, но не более. Ты как мечник без рук. Точнее, с одной рукой, на которой всего один палец. Даже меч не удержишь.

Это было обидно. Не смертельно, конечно, но неприятно. Нельзя сказать, что я все понял и принял, но тема с мечниками была мне близка и, что хотел донести до меня дядя Ичиро, я понял. Нельзя стать мечником, если у тебя нет рук. Или бегуном без ног. Хотя нельзя сказать, что я прямо-таки впал в глухое уныние. Я ведь ничего не терял. Жил как-то без этого — и дальше буду жить. Вон, у нас в классе у всех есть Интернет, а у меня нет. И что? Сам компьютер есть, игры мне мама всегда покупала. Фильмы, музыка, парки развлечений, одежда, еда. У меня было все, что и у других. А отсутствие Интернета можно и пережить.

Стоп, тогда получается...

— Почему мне все это не рассказала мама? — пришел мне вдруг в голову вопрос. — Или она не была магом? Она была, как я?

— Нет, — отвел Ичиро-сан взгляд. — Она была сильной волшебницей.

— Тогда почему не рассказала?

— Не хотела, чтобы ты переживал. Она очень любила тебя. Больше жизни. И не хотела, чтобы ты чувствовал себя калекой. Я тоже этого не хочу, потому и не рассказывал тебе ничего. Кто же знал, что ты можешь видеть духов!

— Мама знала, — понурился я.

— Когда-нибудь ей пришлось бы раскрыться, но к тому времени ты бы... — замолчал он, подбирая слова.

— Стал сильнее? — буркнул я.

— В каком-то смысле, — согласился дядя Ичиро. — Сильнее духовно и психологически, более привычен к простой жизни. Ты бы не переживал так сильно.

— Да мне и сейчас все равно, — пожал я плечами, изображая безразличие.

— Вот прямо совсем? — улыбнулся он в ответ.

— Немного обидно, — засмутился я. — Совсем чуть-чуть.

— Значит, ты уже взрослый для понимания, что жизнь вовсе не ограничена магией, — произнес он, все так же улыбаясь. А я про себя подтвердил, что да, я взрослый.

Тут как раз Коки-сан и чай перед нами поставила.

— Значит, это мама отгоняла от нашего дома всех ёкаев?

А вот в то, что мама волшебница, поверить почему-то до сих пор сложно. Она у меня, конечно, самая лучшая, но чудес за ней замечено не было.

— Да, это так, — подтвердил дядя Ичиро. — Ваш дом и окрестности были очень неплохо защищены. Хана могла бы и лучше, но тут уже все в деньги упирается.

— Мы не бедствовали, — нахмурился я.

— Но и миллионерами не были, — произнес он мягко. — Кен-чан, пойми, я сейчас говорю о том, что твоя мама не работала в полную «мощность», вот и все.

— А маги пользуются такими же деньгами, как и мы? — пришла мне в голову мысль.

— Да-а-а... — протянул дядя Ичиро осторожно. — А не должны?

Я на это только плечами смущенно пожал. Недавно смотрел фильм про якудза, так они там между собой золотыми монетами расплачивались. И если даже у якудза есть свои деньги, то почему магам их не иметь?

И тут меня озарила очередная мысль.

— Дядя Ичиро, если вы можете приказывать своим ёкаям, то можете приказать тэнгу научить меня драться мечом?

— Мм... — удивился дядя Ичиро. — Ну... могу, в принципе...

— Да! — вскинул я руки.

— Тебе так нравится фехтование?

— Ага! — кивнул я. — Когда-нибудь я стану мастером фехтования, — произнес я уверенно.

Плевать на магию, меч — вот что главное в жизни! Как сейчас помню день, когда загорелся этой идеей. Мы тогда с мамой гуляли по гипермаркету, а на втором этаже здания находился магазин антиквариата, где я впервые и увидел на подставке катану. Настоящую. Смертоносную. Мне было всего шесть лет, но я четко осознал тогда, что хочу уметь ею пользоваться. Не владеть, а именно уметь использовать. Может, предпосылки к моей одержимости были и раньше, но самым ранним моментом, связанным с мечами и фехтованием, было именно то посещение гипермаркета.

— Что ж, достойная цель, — покивал важно дядя Ичиро. — Обязательно поговорю с Куфу. А сейчас можно уже и осмотреть третий этаж. Потом сходим в магазин за твоим новым телефоном.

— Дядя Ичиро, — смутился я. — На самом деле, я ничего не терял, просто... — покосился я на дзашики-вараши. — Хотел рассказать вам о ёкаях в доме, но их тут так много...

— Ясенько, — усмехнулся по-доброму дядя Ичиро. — А ты смекалистый парень! И смелый. Что ж, тогда давай просто осмотрим до конца дом, а потом погуляем по окрестностям.

Самую большую комнату на третьем этаже дядя Ичиро отдал мне под тренировочный зал.

— Круто! — пробежался я по помещению, оценив его размеры.

Вот уж где можно махать боккэном и не бояться что-нибудь разбить. Сюда и тэнгу поместится, точнее, он тоже сможет махать здесь мечом и не опасаться что-нибудь разбить.

— Это еще что, — посмеивался дядя Ичиро, наблюдая за мной. — Позже я увеличу размер комнаты.

— Это как? — остановился я посреди помещения.

— Немного магии, немного магических ресурсов и куча работы.

— Ты крут, дядя Ичиро! — подлетел я к нему.

— Ну, хе-хе... есть такое, — засмутился он.

После осмотра дома, во время которого мне еще и чердак показали, — как и подвал, абсолютно пустой, к слову, — дядя Ичиро повел меня на прогулку. Вроде как познакомиться с окрестностями. Зашли в ближайший продуктовый, книжный, салон сотовой связи. Посмотрели, какие автобусы идут с ближайшей остановки. Зашли в семейное кафе. Осмотрели пару детских площадок, заглянули на спортивную.

— Сколько тут, оказывается, всего, — произнес я, когда мы вышли из аптеки.

— И правда, неожиданно, — согласился дядя Ичиро.

Дело-то не в том, что это все есть, а в том, что это все — рядом с нашим жилищем.

— И как вы только нашли этот дом?

— Я? — удивился он чему-то. — Так это не я. Это Кохана^[12]. Сегодня ты с ней уже вряд ли познакомишься, а вот завтра с утра — обязательно.

— А этот «цветочек» — та самая юки-онна?

— Ну да, как я и говорил, — осмотрелся он, выбирая дальнейшее направление. — Не волнуйся, она добрая. Когда трезвая. Но пить я ей редко разрешаю. Пойдем туда. Кохана — очень ценная слуга, ты еще успеешь в этом убедиться.

Еще через полчаса ходьбы я был готов признаться, что устал. Это, конечно, не помужски, но скрывать уже сил не было.

— А не заскочить ли нам вон в тот кафе-бар? — спросил неожиданно дядя Ичиро. — А то я что-то подустал уже ходить. Как ты на это смотришь?

— Ну, раз вы устали, дядя Ичиро, то почему бы и нет?

Правда, у самого входа он остановился и, проведя рукой по косяку двери, пробормотал:

— Неплохая работа.

Внутри это был обычный кафе-бар — множество столов со стульями и барная стойка, за которой стоял... минотавр.

— Человеки, — обрадовалась голова на длинной шее, развернувшаяся в нашу сторону, в то время как тело даже не шевельнулось.

— Хо-о-о... парочка вкусных людишек, — произнес сидящий ближе всего к нам ёкай. Точнее, как произнес? Звук от него шел, но вот лица у этого типа, а значит и рта, не было.

— Эй, народ! Сегодня обед сам пожаловал к нам! — выкрикнул... каппа^[13]. Натуральный каппа, одетый в спортивный костюм. Причем он не удовлетворился произведенным шумом, а, встав из-за стола, подошел к нам. Этот ёкай и так-то выглядел накачаным громилой, а уж рядом и вовсе подавлял. — Ну что, вкусняшка, — обратился он к дяде Ичиро, — с чего начнем?

— Кхм, кхм, — раздалось прямо над нами. — Я очень надеюсь, что ты не шутишь и мы сейчас устроим отличный мордобой.

Подняв голову, я офигел. Казалось бы, сегодня день такой, пора уже перестать удивляться, но я-то как раз не удивился, а просто офигел. Прямо над нами, в основном над дядей Ичиро конечно, на каком-то облаке парила обезьяна, одетая в непонятные доспехи. И с улыбкой поигрывала посохом.

— Я бы с удовольствием, — зачастил каппа, — но вчера поранил палец, да и артрит что-то разыгрался. Вы уж тут как-нибудь сами. А я, пожалуй, пойду. Всего хорошего, — коротко поклонился он под конец.

Проводив каппу грустным взглядом, обезьяна оглядела остальной зал, в котором все вдруг стали смотреть куда угодно, но только не на нас.

— Как обычно, понимаешь, — растворился он в воздухе.

— Ли Пень — старший дух из Китая, — пояснил мне дядя. — Весьма драчлив, но, если не нарываться, первым не полезет. Знал бы ты, чего мне стоило заключить с ним контракт, — покачал он головой. — И не волнуйся, местные просто пугали нас, без причины они не нападут. Хотя в одиночку тебе сюда лучше не заходить.

Свободных столиков не было, но, подойдя к одному из них, за которым сидела парочка рогато-волосатых ёкаев, дядя успел только прокашляться.

— Поняли, уходим, — произнес один из них.

После чего оба очень быстро освободили нам место. Я тоже так хочу.

Как только мы уселись, из ниоткуда появилась какая-то тетка в кимоно, фартуке и с медицинской маской, очень быстро убрала со стола, не забыв его протереть.

— Что желаете? — спросила она, после того как закончила.

— Эм... а меню? — спросил дядя.

— А, точно. Я сейчас. — Не прошло и минуты, как она вернулась, держа в руках буклет. — Прощу, — протянула она его дяде. — Меню для людей.

— Хм, — задумался дядя. — Давайте две «Неаполитано», кофе и сок. Апельсиновый будешь, Кен-чан?

— А можно мне тоже кофе? — сколько соков ни пробовал, но что-то они мне не очень нравились.

— Два кофе, — вернул дядя буклет тетке. — Ты как? — спросил он меня, когда тетка отошла. — Не сильно напрягает атмосфера?

— Эй, эй, эй! — раздалось из глубины помещения. — Мы ж вас пальцем не трогали!

— А я вообще в вашу сторону не смотрел! — пропищал кто-то примерно оттуда же.

— А ну, цыц! — рявкнул минотавр за барной стойкой. — Покоритель никого просто так не трогает!

— Покоритель? — удивился я шепотом.

— Да вот, — скромно улыбнулся дядя, — прилипло прозвище пару лет назад.

— Круто! — все так же шепотом восхитился я.

Я определенно хочу быть как дядя.

— Так что не волнуйся, — произнес дядя в полный голос. — Уж племянника Покорителя тут никто не тронет.

— Порвем любого, кто посмеет! — пропищали все оттуда же.

А зал поддержал голос одобрительным гулом. Как позже уточнил дядя, чтобы у меня не было никаких иллюзий, это был банальный страх. Мол, с ним даже старшие духи говорят на равных, а не как обычно, так что простые ёкаи его и вовсе боятся. Заработать уважение духов можно, но сложно и получается, только если лично с ними общаешься, а народная молва среди них разносит лишь страх.

В общем, день вышел весьма познавательным и эмоционально насыщенным. Дядя не отходил от меня до самого вечера, так что в сон я провалился быстро, без лишних мыслей о том, по какой причине я вообще оказался в новом доме.

Глава 2

— Кеншин-сан, — разбудил меня женский голос.

— Ну, ма-а-ам... — спрятался я под одеяло. Мне же сегодня не надо в школу, так чего она...

Резко откинув одеяло, я сел на кровати. Ну да, откуда здесь маме взяться, она же... Зажмурившись, попытался справиться с навалившейся тоской.

— Кеншин-сан?

Слегка успокоившись, задал вопрос:

— Вы ведь Кохана-сан, да?

— Именно так, Кеншин-сан. Недостойная Кохана приветствует молодого господина, — поклонилась красивая брюнетка примерно одного возраста с дядей. — Ичиро-сама^[14] просил разбудить вас, так как скоро завтрак.

И правда красивая, первый взгляд не обманул. А еще у нее кимоно интересное. Вроде черное, но с плеч на рукава и немного на грудь спускается множество белых цветов, создавая впечатление, будто это снег.

— Уже встаю, — вздохнул я.

Мама всегда говорила — тот, кто проигрывает утру, ничего не добьется в жизни. Сегодня еще один день без нее, и я не собираюсь проигрывать ни утру, ни горю — ничему. Мужчина должен быть сильным!

Вставая с кровати, отметил, что коробки с вещами уже в моей комнате. Надо будет сегодня разобрать. Ну или сегодня и завтра. Выйдя из комнаты, невольно стал свидетелем, как чуть дальше по коридору какой-то благообразный мужчина в коричневом кимоно держит над открытым ртом извивающегося бесформенного и прозрачного духа. Досматривать, что там произойдет дальше, я не стал, а, резко отвернувшись, поспешил вниз на кухню. Тем не менее успел услышать рывканье Коханы, вышедшей из комнаты вслед за мной:

— Джокишимас! Ну не при детях же!

Это был Джоки? Тот самый паук-цучигумо? И что он тогда в виде паука вчера бегал? Пугал только.

Зайдя на кухню, я сразу же увидел сидящего за общим столом дядю. Коки тоже была тут. Одетая в кимоно и фартук, она перемещалась по кухне короткими исчезновениями-появлениями. Телепортация. Но я тогда таких слов не знал и просто отметил ее действия краем сознания.

— Ёу, Кен-чан, — махнул мне рукой дядя Ичиро. — Как спалось? Присаживайся — Коки почти приготовила завтрак.

— Доброе утро, дядя Ичиро, — присел я за стол.

— Ну и как тебе Кохана? — спросил он с любопытством.

— Нормально, — пожал я плечами. — А что?

— Красотка, да? — подмигнул он. — А еще она неплохо ладит с людьми, занимается всей бумажной волокитой, нашла этот дом и перевезла сюда наши с тобой вещи. На ней — обеспечение продуктами и необходимыми мелочами. Она умна, сильна и красива, так что можно не опасаться посылать ее с деликатными заданиями.

Гораздо позже я выяснил, что именно имел в виду дядя Ичиро. Оказывается, он время от времени расплачивался ее телом с другими духами и людьми. Только не спешите

возмущаться, как я в первое мгновение. Дело в том, что юки-онны — из тех ёкаев женского пола, что относятся к сексу крайне легкомысленно. Он для них — как для тэнгу пакость людям сделать. Да они, в общем-то, и рождены для того, чтобы соблазнять путников, попутно превращая их в сосульку. Последнее, оказавшись в подчинении у дяди, Кохана делает редко и только по приказу, поэтому переспать с кем-то для нее совершенно не проблема. Подозреваю, дядя тоже время от времени пользуется ее услугами. Но кроме постельных задач, как и сказал дядя Ичиро, Кохана очень сильна для своего уровня. Еще не старший дух, но уже где-то около того. Так что если нужно провести силовую акцию, а сам дядя Ичиро присутствовать не может, то командует группой именно она.

— А чем тогда занимаетесь вы, дядя Ичиро? — задал я резонный вопрос.

— Я?... Мм... пафосно отдаю приказы, — ответил он несколько растерянно. — Это ведь тоже надо уметь делать.

Даже для меня тогдашнего это звучало как-то не очень, но дядя произнес заветное слово. Весь смысл пафоса я тогда не понимал, так что со скрипом принял его ответ, решив, что пафос действительно штука сложная.

— Дядя Ичиро, — спросил я его, — а когда тэнгу начнет учить меня фехтованию?

— И с чего тэнгу должен это делать? — раздался бас у меня за спиной. Да так неожиданно, что я вздрогнул.

— Ну ты ведь не хочешь обидеть моего племянника своим отказом учить его? — спросил дядя Ичиро, глядя мне за спину. Я решил не оглядываться. Как крутой самурай, которому плевать, что у него там за спиной, и который всегда успевает среагировать.

— Очень хочу. — Вот тут я немного напрягся.

— То есть ты и меня хочешь обидеть? — вскинул брови дядя, как мне тогда казалось, в настоящем удивлении.

— Так бы и сказал, что это приказ, — буркнули у меня за спиной. И тут же с усмешкой добавили: — Пафосный.

— Иди лучше прогуляйся, — отмахнулся от него дядя Ичиро. И сказал уже мне: — Учить он тебя начнет, как только мы тут обустроимся. Мм... — задумался он. — Через пару недель, думаю.

— Но это долго, — расстроился я.

— Извини, Кен-чан, — мягко произнес дядя, — но раньше я не успею закончить со всеми ритуалами.

— Какими ритуалами? — заинтересовался я.

— Защитными в основном, — ответил дядя. — О, омлетик, — потер он ладони, когда перед нами поставили тарелки.

И сразу за этим на стол стали выкладывать остальное. Суп, салаты, соленья, рис, соусы, пару видов рыбы — в общем, все как полагается. Нормальный японский завтрак.

— Спасибо, Кокиримунэ-сан, — поблагодарил я дзашики-вараши.

— И чай не забудь, — оглядел стол дядя. На что получил тяжкий вздох в ответ. — Не, ну а вдруг и правда забыла? Кхм, да. Так вот, Кен-чан, — повернулся он ко мне. — Прежде всего необходимо позаботиться о защите дома. Коки, конечно, прошла привязку к месту, но она еще слишком молода, чтобы представлять угрозу для любого из старших духов. А ведь среди них тоже есть более слабые и более сильные. Потом необходимо раскинуть следящую сеть на пару ближайших кварталов. После чего пройтись по окрестностям ножками и проверить, насколько я могу ее увеличить. Все же беспричинно ссориться с соседями не стоит. На

подконтрольной территории тоже необходимо позаботиться о защите, чтобы врагам даже приблизиться к нам было сложно. Все это время внешняя защита будет висеть исключительно на Куфу, и времени на твое обучение у него просто не будет. Мне потом еще благоустройством самого дома заниматься, но это уже к делу не относится, — вздохнул он под конец.

— Жаль, я не могу помочь, — тоже не удержался я от вздоха.

— Не волнуйся, Кен-чан, — улыбнулся дядя. — Само твое существование придает мне сил. Так что просто будь рядом и хорошо учись.

— А когда я вернусь в школу? — вспомнил я.

— Да хоть завтра, — удивился он такому вопросу. — Но советую сначала разобраться с вещами.

— Прогуливать школу не по-мужски.

— Это мама сказала? — спросил дядя.

— Ага.

— А про бардак в комнате она что-нибудь говорила?

— Да, — поежился я. — Грозилась показать технику Тысячи материнских подзатыльников.

— Оу, — вздрогнул он в ответ. — Я как-то отхватил Сотню сестринских.

— А я — Великий удар по заднице.

— Сурово, — покивал дядя. — Вот и не будем ее разочаровывать. Сначала разберись в комнате, а потом и в школу можно идти.

Разбор коробок занял весь оставшийся день. И это притом, что я занимался только своими вещами. Как сказала Кохана, она перевезла вообще все, но остальное сейчас находится на чердаке. Потом еще забегала вместе с дорогушим, по ее словам, ноутбуком, а заодно и Интернет подключила. Свой старый компьютер я к тому моменту уже распаковал, но поставить системный блок на стол сил не хватало, так что она мне и с ним помогла. Правда, поставила его у стола. Сказала, что в новой комнате места больше, чем в старой, и его можно не экономить. В итоге к вечеру все было готово, а значит, завтра можно идти в школу. Не то чтобы я был фанатом учебы, но прогуливать не по-мужски.

Проблема была только в одном — как до школы добираться? Город, может, и тот же, но район-то совершенно другой! Я даже не знаю, насколько она далеко от нового дома. Как выяснилось, возить в школу меня будет дядя лично, благо машину ему Кохана купила, когда он из Кореи вернулся. Ну а если вдруг что, отвезти меня сможет и сама юки-онна.

Учился я в третьем классе младшей школы «Одаяка». Типичное заведение для нашей страны, даже и не знаю, что о ней еще сказать. Учителей-женщин больше, чем учителей-мужчин, а среди учеников преобладали мальчишки. Несколько кружков спортивной направленности, в том числе и кружок кендо. Уж не знаю, повезло ли мне с этим или мама такую школу подобрала, но кружок этот был, и я в нем состоял. Помимо меня там были еще тридцать два парня и две девчонки, и если кто-то думает, что девчонок задирали, то вы забыли себя в этом возрасте, а точнее — более раннее развитие девочек. То есть если кто не понял, задирали нас именно они, а тот, кто пытался надувать щеки, быстро получал в бубен. Понятное дело, задирали нас не из-за физиологии, а из-за характера, но физиология позволяла... настоять на своем.

В классе меня почти не беспокоили, видимо, учителя объяснили детям, почему я отсутствовал пять дней, но один случай я осветить обязан.

— А это правда, что твоя мама умерла? — спросила меня одноклассница на одной из перемен.

Уэда Саюри — плотная черноволосая девочка, занимающаяся вместе со мной в кружке кендо.

— Да, — ответил я, стараясь не показать, как мне плохо от этого вопроса.

— Плохо, — вздохнула она. — У меня вон тоже вчера приставка сломалась.

Да, она ребенок, и сейчас я прекрасно понимаю, что она всего лишь хотела поддержать и просто не осознавала, что говорит. Но тогда я слышал лишь то, что мою маму сравнили с приставкой. Смерть моей мамы сравнили с какой-то сломанной приставкой! Конечно же я ударил и конечно же в итоге оказался виноват. И напал именно я, и жертвой стала девочка. Наверное, если бы Саюри не была шокирована столь неожиданным нападением и ответила, — а она, черт возьми, всегда отвечала, — все спустили бы на тормозах, а так мы вместе с ней и нашей классной руководительницей оказались у директора. Серьезные меры никто не принимал — отчитали, наказали месяцем уборки класса да отпустили. Даже родню в школу не вызывали. Только вот мало мне было этого, так Саюри еще и хорошенько отделала меня на занятиях в кружке кендо, поэтому дядину машину после школы я ждал в полном раздрае.

А на следующий день, еще до первого урока, классная руководительница вновь привела меня к директору. На этот раз помимо него там находилась и какая-то тетка. Судя по тому что рядом с ней стояла Саюри, это была ее мать. Причину вызова я понял сразу, стоило только бросить взгляд на девочку, у которой на скуле красовался синяк.

— Я требую вызвать сюда его родителей! — заявила тетка неожиданно. — А пока пусть извиняется передо мной за то, что сделал с моей дочерью.

— У него нет родителей, Уэда-сан... — начал директор, но его прервала тетка:

— Так он из этих? Ну тогда все понятно. Шляется где хочет, девочек избивает, потом воровать начнет, наркотики — и вот перед нами очередной отброс общества, загрязняющий нацию своим присутствием. Ладно. Пусть он сирота, но какие-то опекуны у него должны быть? Пусть ответственный за него приедет сюда.

Помню, еще подумал тогда, что она несет какой-то бред. Но главное вычленить сумел — эта тетка хочет, чтобы я извинился за то, что ударил ее дочь. Но я не собирался этого делать — она получила по заслугам. И пусть я не хотел вызова в школу дяди, однако сдаваться так просто тоже был не намерен.

— Уэда-сан... — вздохнул директор, но был снова прерван:

— Я все еще жду извинений от этого крысеньша. Ну же! Пусть не думает, что ему все позволено.

К такому меня мама не готовила.

Будь я постарше, будь мы хотя бы в средней школе — и я опустил бы ту женщину ниже уровня моря. Закопал бы в бетон морально. Но в восемь лет я даже не до конца понимал, что такое пафос. Зато точно знал, что сделать в этой ситуации ничего не могу, поэтому я просто поднял голову, перестав смотреть на всех исподлобья, расправил плечи и сцепил руки за спиной. Никаких никому извинений. Пусть делают что хотят.

— Нет, вы посмотрите на него, он тут еще гордость свою смеет показывать!

— Уэда-сан...

— Да вы только посмотрите...

— Уэда-сан! — прервал ее директор, повысив голос. — Вы перегибаете палку.

— Да как вы смеете! Этот мальчишка избил мою дочь, а вы смеете его защищать?!

— Если вам что-то не нравится, вы можете найти школу получше, — произнес директор спокойно.

— Что-о-о?!

Гораздо позже я узнал, что мама устроила меня в лучшую школу города, которая могла не беспокоиться о двух-трех взбалмошных родителях, те, кто готов платить вместо них, всегда найдутся. Ну и директор у нас был мировым мужиком.

— Мне, как и любому нормальному человеку, не нравится, когда на меня повышают голос и прерывают... кхм. Дети, подождите нас за дверью, а лучше идите на урок.

— Но подождите...

— У нас с вами есть о чем поговорить, Уэда-сан, детям же пора идти учиться.

В итоге дядю Ичиро все-таки вызвали, и, дожидаясь его после уроков возле директорского кабинета, я прикидывал, как меня накажут дома. Выйдя из кабинета и подойдя ко мне, дядя несколько секунд молчал, после чего задал вопрос:

— Ну и за что ты ее ударил?

— Она сравнила смерть мамы со своей сломанной приставкой, — буркнул я в ответ.

— Что? — не понял он.

— Сказала, что смерть мамы — это плохо, и у нее вон тоже беда — приставка сломалась.

— М-да, — потер переносицу дядя Ичиро. — Ты понимаешь, что она не имела в виду ничего плохого?

— Понимаю, — отвел я взгляд.

— Кеншин, — присел он на корточки рядом. — Нельзя все решать кулаками. Если конфликт можно решить словами, то так и надо действовать. Иногда приходится применять силу, но перед этим ты обязан попытаться решить дело миром. Сначала слова, потом действие. Понимаю, девочка сморозила глупость, тебе было обидно, но за это не бьют.

— Очень даже бьют, — не сдавался я, хотя и понимал его правоту.

— Это кто тебе такое сказал? — приподнял он брови.

— В фильмах самураи за такое голову рубили.

— И мама давала тебе смотреть такие фильмы?!

— Мама работала, а я сидел дома. Сидел и смотрел телевизор.

— Кажется, я начинаю жалеть, что подключил твой компьютер к Интернету.

— Это сделала Кохана-сан.

— Да, но... — не нашелся что ответить на это дядя. — Ладно, проехали. Просто поверь мне на слово — по телевизору показывают то, что зрелищно, к реальности это отношения не имеет.

А то я сам не знаю. Мама мне об этом много раз говорила.

— Понятно, — произнес я, лишь бы уже эти нотации закончились.

— О-хо-хо, — поднялся он с корточек. — Ладно, распускатель рук, пойдем домой.

Время шло, как бы банально это ни звучало. Дядя закончил с домом и окрестностями, точнее с тем, что связано с защитой, после чего тэнгу неохотно занялся моим обучением. Я был готов, как показывали в паре фильмов, к долгой и нудной подготовке тела, то есть постоянным физическим нагрузкам и минимуму самих тренировок с мечом, однако Куфу удивил. Боккэн я получил почти сразу, а тело тренировал утром и вечером, тогда как обучал он меня после школы. В средней и старшей школе с этим будет сложнее, так как и уроков

там больше, и клубы, говорят, время отнимают.

Но это — дело будущего, а в тот момент меня больше волновало настоящее, в котором Саюри, после прихода ее матери, совсем берега потеряла. Постоянно задирала, оскорбляла, за месяц сколотила банду из наших ровесников-парней и уже вместе с ними действовала мне на нервы. Главные ее претензии были в том, что я ботаник-зубрила. Учеба всегда давалась мне неплохо, да только и более интересных вещей вокруг было полно, но после смерти мамы...

Мужчина должен быть чистым, умным и немного пафосным. Мама так сказала, и я к этому стремился. С чистотой проблем не было, с пафосом я еще разбирался, а вот с умом мне могла помочь только учеба. Во всяком случае, иного способа стать умным я не знал. Случайный — я тогда особо никуда не целился — удар по челюсти привлек ко мне внимание Саюри, раньше-то мы с ней особо не общались. Выходка ее матери дала почувствовать вседозволенность, ну а мои результаты в учебе оказались просто поводом. Плюс она и раньше была далеко не пай-девочка, просто раньше Саюри еще что-то сдерживало, а тут, видимо, переклинило. Не удивлюсь, если ей и дома по мозгам прошлись. Но это так, сторонние размышления более взрослого меня, а тогда я просто желал дать сдачи. Увы, но я и с ней одной-то вряд ли справился бы, а тут еще и три подельника появились. Словом, все, что я мог, — это желать стать сильнее и пусть не со всеми разом, а хотя бы лично с Саюри разобраться. Благо мы оба ходили в один кружок подходящей направленности. И хоть поединки там были далеки от спортивных, но и просто поколотить ее синаем — еще одним видом тренировочных мечей — я тоже был согласен. Даже с учетом надетой защиты порой бывало больно.

Вот и вкалывал как проклятый и в школе, и дома. Кружок кендо меня с каждым днем все больше разочаровывал. Уже тогда я понимал, что в младшей школе ничему серьезному обучать не будут. Да фиг с ним обучать, там даже с тренировками была беда — дома меня гоняли с мечом гораздо серьезней. Результатов, правда, видно не было, но тут хотя бы обоснование какое-то имелось — всего два месяца прошло! Хотя обидно, конечно, раз за разом получать от девчонки. Махал я синаем и с другими ребятами, но важен мне был лишь один соперник. Немного успокаивали слова Куфу о том, что учит он меня боевому применению меча, а стиль в кендо по большому счету спортивный. Но для меня эти слова были лишь небольшим утешением — детский максимализм уверял меня, что главное — научиться, а уж применить этот стиль я сумею и в кендо. Только вот не получалось.

Переломным моментом в этой истории... Хех, скажу иначе. Переломным моментом в моей жизни я обязан той истории, а сам момент растянулся на длинный и весьма неудачный день. Началось все с того, что Саюри и компания впервые применили ко мне рукоприкладство. Избили — слишком сильно сказано, но отпинали и повозили по полу знатно. Я честно пытался дать сдачи, однако их было четверо, а драться руками меня никто не учил. Продолжилось все в кружке после очередного поражения. Саюри чаще всего выбирала меня своим партнером, ну а мне гордость не позволяла ей отказать. Короче, очередной проигрыш завершился смачным ударом по лодыжке, который уронил меня на пол. Потирая ногу, я слушал стоящую рядом Саюри.

— Слабак! Аж противно. Ты меня ни разу не победил и никогда не победишь.

Кендо — путь меча. Не стиль фехтования, а система воспитания достойных людей. Учитель, заведующий в кружке, постоянно об этом говорит. И где он сейчас? Неужто вот это достойный человек? Было обидно. Я был зол на девчонку, обижен на учителя, обижен на

тэнгу, что так и не научил ничему полезному конкретно в этой ситуации.

— Неудачник, — продолжала она. — Может, тебе сдохнуть уже и отправиться к своей разлюбленной мамочке?

Я почти бросился на нее. Всего чуть-чуть — и я бы зубами впился ей в горло. Но «почти» не считается, поэтому можно сказать, что я пропустил ее слова мимо ушей. Однако что-то такое она у меня на лице прочитала, раз замолчала и просто наблюдала за мной. Хотелось бы сказать, что отшатнулась в ужасе, но, увы, я не герой аниме. В общем, я решил последовать совету дяди и начать со слов, а там уж как все повернется.

— Тебе никогда не стать мастером фехтования, потому что ты девчонка, — поднялся я на ноги и, глядя ей в глаза, продолжил: — И никогда не стать девчонкой, потому что ты хулиганка. Ну и кто тут из нас неудачник, существо?

Не совсем то, о чем говорил дядя Ичиро, но я и не собирался улаживать конфликт. Формально все было как и просили. Начал со слов. Мысли у меня тогда были попроще, но суть вы уловили. Как итог — мне зарядили синаем по голове. И это после того, как я снял защитную маску. Но что было по-настоящему обидным, так это то, что Саюри ничего не было за мое путешествие в медпункт с рассеченной бровью.

Первой реакцией дяди Ичиро, когда я вышел из школы, был свист.

— Ого! Кто это тебя так?

— На тренировке, — буркнул я односложно.

— У вас же там вроде защита должна быть.

— Она есть, это просто случайность.

— Случайность, говоришь... — посмотрел он на меня пристально и, покачав головой, оттолкнулся от машины, которую подпирал до этого. — Сильно болит? — направился он к водительской двери, которая была с другой стороны.

— Нет, — открыл я заднюю, забираясь внутрь.

— Надо будет тебе какой-нибудь лечебный амулет сварганить, пусть всякие царапины подлечивает незаметно, — произнес он уже с водительского сиденья.

Я на это только плечами пожал. Вот если бы он сказал о волшебном мече, я бы воодушевился, а какой-то лечебный амулет...

Апогеем этого дня стал разговор с Куфу после того, как он в очередной раз выбил у меня из рук боккэн.

— Это безнадежно, — вздохнул он.

— Вы о чем, Куфу-сан? — подобрал я деревяшку обратно.

— Тебе никогда не стать мечником. Настоящим мечником, — уточнил он, а я так и замер. — Через несколько лет ты, конечно, будешь что-то уметь, ну так животные в цирке тоже умеют всякое — людьми они от этого не становятся.

— Вы врете, — произнес я тихо. И уже громче: — Вы все врете. Я буду мечником, я буду мастером, я...

— Ты обезьяна, которую можно научить паре трюков. Все. Об остальном забудь.

— Вы просто не хотите меня учить, вот и ищете отговорки, — цеплялся я за свою мечту.

— Мальчик, — нахмурился тэнгу, — я никогда не скрывал, что ученики мне не нужны, но твой дядя приказал, и я честно пытался раскрыть твой потенциал. Ты бездарность. Не веришь? Сбегай к Ичиро и попроси его, чтобы я повторил при нем. Хозяину я соврать не смогу. Ну и, заканчивая этот разговор... Я не отказываюсь учить тебя. Пока не поступит другого приказа, я приложу все свои силы, чтобы племянник хозяина был похож хотя бы на

мартышку в цирке.

Я был разбит. Если тэнгу, который несколько сотен лет занимается фехтованием, говорит, что я бездарность... Если мастер меча, который вряд ли будет лгать так нагло, говорит, что я бездарь... То я бездарь. Неспособный к фехтованию бездарь. Саюри была права — я неудачник.

— Эй, парень. Ты это... извини, что так резко, — раздалось у меня за спиной, когда я выходил из тренировочного зала.

Практически на автомате я добрал до своей комнаты. Мыслей не было, а те, что были, просто не хотели выстраиваться в ровную линию. Сейчас я четко понимаю, что если бы Саюри не раскачала мне в тот день психику, я, может, и не поступил бы так, как поступил. Возможно — позже. Быть может, гораздо позже. А может быть, и никогда. Хотя последнее — вряд ли. Но весь смак в том, что, случись это позже, и кто знает, как все повернулось бы в будущем. Время в любом случае было бы потеряно. В общем, из того, что происходило в те несколько минут в моей комнате, я четко помню только ход своих мыслей — мама запретила, но мама умерла. Она была против, но теперь ее нет, и чертов тэнгу хочет отнять последнее, что у меня осталось, — мою мечту. А раз так, мама бы разрешила. Наверняка она смотрит с небес и дает свое разрешение. Ну а уж если разрешает мама, то, черт подери, я стану мечником!

И если не может помочь мастер, значит, надо обратиться к великому мастеру.

Примерно с такими мыслями я и открыл дверцу шкафа.

А в этот момент в подвале дома Окава Ичиро рассчитывал необходимые параметры, чтобы сделать стазис-камеру для некоторых специфических материалов. Настроение у него было не то чтобы благодушным, но пока любимый племянник вроде справляется с проблемами в школе, а если что... он наглядно покажет болезненность перегибов.

— Ичиро-сама! — неожиданно появилась Коки. — Внутри дома — пространственный разрыв!

— Что-о-о? — офигел Ичиро.

— В комнате молодого господина! И он сам тоже там!

После такой информации Ичиро не стал тратить время даже на ругательства. Вылетев из подвала, рывкнул:

— Джоки!

Одновременно с пауком рядом с ним вновь появилась дзашики-вараши:

— Молодой господин исчез из дома!

Хозяин дома все-таки не удержался от ругательств, еще быстрее побежав по лестнице.

Дверь в комнату племянника он просто вынес ногой, но, ворвавшись внутрь, остановился на входе, внимательно осматривая помещение.

— Куфу! — крикнул он.

— Да здесь я, здесь, — раздалось сзади.

— Сейчас время ваших тренировок с Кеншином, почему он оказался у себя в комнате?

— Мм... — замялся тэнгу. — Я просто высказал свое мнение о его способностях, вот он и обиделся.

— Он же ребенок, идиота кусок! Ты решил ему всю мечту испоганить?!

— Что, я теперь и свое мнение не могу высказать? — пробормотал тэнгу.

— Пр-рочь, — прорычал Ичиро, на что Куфу мгновенно испарился. — Коки, где разрыв?

— Закрылся, Ичиро-сама, — ответила дзашики-вараши и, махнув рукой в сторону шкафа, добавила: — Вот здесь он был.

— Господин, — раздался мягкий голос чуть позади Ичиро.

— Кохана... — обернулся он к ней. — Одна ты меня не подводишь, — произнес он, бросив взгляд на открытый кейс в ее руках.

Внутри лежали самые разные инструменты магической специфики, предназначенные для охвата как можно более широкого круга задач. Именно с этого кейса, как правило, начинается его работа с чем-то неизвестным.

— Как я могу подвести своего господина, — склонила голову юки-онна.

— Что ж, — достал он из кейса серебряный гвоздь-сотку, полностью покрытый какой-то гравировкой. — Давай-ка для начала узнаем, что тут такое произошло.

И, присев на одно колено, с силой вогнал гвоздь в пол.

Это случилось, когда мне было шесть лет, почти сразу после того, как я увидел в лавке антиквара катану и загорелся стать фехтовальщиком. Мама тогда возилась на кухне, а я носился по дому, размахивая скатанным в рулон журналом, изображающим меч. В какой-то момент я открыл дверь в одну из комнат и обнаружил за ней совсем не то, что ожидал. Сложно вот так с ходу описать увиденное, но если попробовать сделать это в двух словах, то получится «призрачный мир». Там, за дверным проемом, находилась красивая солнечная комната в традиционном японском стиле или очень похожем на него. В воздухе летали какие-то светящиеся бабочки. Конечно же я вошел внутрь. В дальней части комнаты, прямо на полу, сидел некто, кого я поначалу принял за призрака. Огромный мужчина в кимоно, контур которого слегка светился, а сам он почти незаметно просвечивал. Мне было всего шесть лет, и, само собой, любопытство возобладало над страхом.

— Здравствуй... ученик, — произнес призрака.

И, плавно встав на ноги, быстро подошел ко мне.

— Здравствуйте... — поприветствовал я его скромно и немного испуганно.

— Какой-то ты... прозрачный, — слегка склонился он надо мной.

— Неправда! — возмутился я. — Это вы прозрачный, а я нормальный!

— Даже так? — выпрямился он. — Интересно, — и, подойдя к раздвижной двери, открыл ее, крикнув во все горло: — Док Ше!

Через минуту, которую мы с ним молчали, в комнату забежал... просто призрака. Полупрозрачный человеческий силуэт.

— Звали, учитель? — раздалось со стороны «силуэта». Тут он повернул... пусть будет голову... в мою сторону и с визгом выпрыгнул обратно в дверной проем.

— Эй, ты куда? — спросил тот, кого называли учителем, но, не дождавшись ответа, рывкнул: — А ну стоять! Ко мне! Я. Сказал. Ко мне! — тыкал он рукой в пол рядом с собой. Когда второй призрака осторожно зашел в комнату, постоянно оглядываясь на меня, «учитель» произнес: — Это Док Ше из соседней страны Чжунго, мой маленький визжащий ученичок. Один из многих учеников, — добавил он. — А теперь скажи мне, как ты его видишь? — ткнул он пальцем в Док Ше.

Вопроса я не понял, но ответить попытался:

— Глазами.

«Учитель» на секунду приложил ладонь к лицу, после чего задал еще один вопрос:

— Он для тебя призрака или человек?

— Призрак, — тут же ответил я. — Он весь такой белый и прозрачный, что я даже лицо его не вижу.

— А мое видишь? — последовал еще один вопрос.

— Ваше вижу, — кивнул я.

— Ха! — задрал нос мужчина. — Твой учитель крут, Док Ше, а ты визжун... или визжалка... иди, короче, отсюда, — помахал он рукой, — повизжи где-нибудь.

— Учитель, — произнес с укором Док Ше.

— Иди давай. Тренируйся дальше. — А когда его ученик вышел из комнаты, он ему вслед крикнул: — И повизгивать не забывай!

— Ему наверняка обидно, дядя призрак.

— Я не призрак, — повернулся он ко мне. — И ты — тоже, — ну с этим-то я был согласен на все сто. — Пойдем, — направился он к тому месту, где сидел до этого, и, вновь усевшись, постучал рукой по полу рядом с собой. — Падай рядом, будем умные разговоры вести. Ты ведь взрослый? Осилишь умный разговор?

— Конечно! — подбежал я к нему.

— Итак, — почесал он подбородок после того, как я примостился рядом с ним. — С чего бы начать? Хм... О! Ты избранный! — ткнул он в меня пальцем.

— Кем? — похлопал я глазами.

— Мною! — выпятил он грудь.

— А зачем?

— Чтобы получить лучшего ученика из всех возможных.

— Опять учиться... — сник я. — Не хочу.

— Мм... — растерялся мужчина. — Тебя зовут-то как?

— Ой, извините, — подскочил я на ноги и, поклонившись, произнес: — Окава Кеншин.

— Ну а меня можешь звать Иназума. Или учитель. Приятно познакомиться, Окава Кеншин, — улыбнулся он. — Окава — это имя или фамилия?

— Фамилия, — удивился я.

— Понятно.

— Иназума-сан, а это имя или фамилия? — тоже решил поинтересоваться я.

— Это прозвище, — ответил он. — Фамилию я свою никогда не знал, ибо сирота, а имен было столько, что, считай, и не было. Так что на третьей сотне лет я решил зваться прозвищем, благо его многие знают.

— Триста лет?! — удивился я вновь. — Но столько не живут. Вы обманываете, Иназума-сан.

Он даже не сразу нашелся что ответить.

— Во-первых, — заговорил он наконец, — что за «сан»? Меня зовут Иназума и никак иначе.

— Ну, это... — смешался я. Выдрессировать-то меня выдрессировали, а объяснить толком ничего не объяснили. Так что сказал то, что говорили мне: — Так обращаются к старшим и уважаемым людям.

— Мм... форма уважения, значит. Ладно, называй как хочешь. А то еще начнешь путаться, когда вернешься. Далее — мне не триста лет, мне четыреста с хвостиком. И обычные люди столько действительно не живут. Но! — поднял он палец. — Я не обычный человек, я великий мастер.

— Круто, — произнес я. — А чем вы занимаетесь?

— Я учитель фехтования. Основатель школы меча «Кен-но-иши».

— Хочу! — придвинулся я к нему. — Научите меня!

— Ха-ха-ха, — посмеялся он по-доброму и с улыбкой добавил: — Какой бойкий малыш.

Но не волнуйся, именно для того я вызвал тебя с помощью специального ритуала, чтобы учить. Однако сначала мне надо задать тебе несколько вопросов. Готов?

— Да, — кивнул я, полный предвкушения.

— Что ж... Начнем с вопроса о твоих родителях. Они у тебя есть?

— Конечно, — возмутился я. И тут же смутился. — Правда, только мама. Папа погиб до моего рождения.

— Понятно, — произнес он задумчиво. — По триста лет у вас не живут, так?

— Не-а.

— Значит, великих мастеров нет. А маги у вас есть?

— Это сказки, — даже отмахнулся я. Ведь я взрослый и в такое не верю.

— Еще лучше. Какое положение вы занимаете в обществе?

Вот это я не совсем понял.

— Обычное, — пожал я плечами.

— Хм... Твоя семья... Вы управляете страной?

— Нет, — удивился я вопросу.

— Может быть, городом?

— Нет.

— Своим именем?

— У нас есть дом.

— Ясно... В городе?

— Да.

— Большой? Стоп, не отвечай. Сколько вы можете иметь таких домов... Стоп, молчи, — поднял он руку. — Ты знаешь, кто такие аристократы?

— Конечно.

— Вы аристократы?

— Нет.

— Сколько у вас лошадей?

— Ни одной, — опять он сумел меня удивить.

— То есть вы обычные горожане?

— Ну да.

— Понятно. Что ж, в таком случае слушай меня внимательно. Я собираюсь взять тебя в ученики и стать тебе учителем. Учитель — это не какой-то там инструктор. Я заменю тебе отца, твои успехи — мои успехи. Учитель и ученик — это больше, чем даже друзья. И вот из-за этого я не могу просто взять и забрать тебя у матери. Я не могу вносить разлад в семью ученика. Ты должен будешь вернуться и убедить ее разрешить тебе посещать этот мир. Для этого я расскажу тебе то, что ты ей передашь. Понятно?

Не совсем, но не говорить же это вслух.

— Понятно, — кивнул я.

— Тогда слушай. Ты будешь обучаться у великого мастера, это огромная честь и огромные перспективы. Ты избран великим ритуалом, значит, ты лучший кандидат как минимум в двух мирах и сможешь усвоить все, что я тебе преподам! Из этого следует, что и ты сможешь жить сотни лет. Для обучения у меня необязательно все время находиться здесь,

достаточно просто приходиться на уроки. Хотя бы четыре часа в день. А лучше — восемь. Ты сможешь перемещаться в этот мир и обратно когда захочешь. Здесь — одно из самых безопасных мест в нашем мире, и тебе ничто не угрожает.

— Я не боюсь, — перебил я его.

— Главное, чтобы твоя мать не боялась. И последнее — никакой платы я не требую. Ты... Возможность тебя обучать и есть моя плата. Если у нее есть вопросы, она может передать их через тебя. Но! Если у вас нет ни великих мастеров, ни магов, она может тебе не поверить, так что, если сможешь приходиться ко мне незаметно от матери, ничего ей не говори. Сначала я научу тебя тому, что ты сможешь ей показать. Запомнил?

— Конечно!

— Повтори.

Я не смог. Точнее, не смог повторить все сразу и так гладко, как мой будущий учитель. Поэтому мы просидели еще час, за который он буквально выдрессировал меня.

Тогда я не задавался никакими вопросами, все было понятно и здорово. Например, такой нюанс, как понимание местного языка, даже не пришел мне в голову. Но на будущее могу сказать — все это было возможно благодаря тому самому великому ритуалу, который в свое время умудрился добыть учитель. То есть не он его придумал, он просто разложил специальный свиток, капнул на него своей крови и влил в него те крохи маны, которыми обладал.

Перемещаться между мирами мог только я, и работало это по принципу желания. Надо было отчетливо пожелать вернуться домой, раскрыть любую дверь — и вуаля, на той стороне — другой мир! В обратную сторону работало так же — пожелал, открыл какую-нибудь дверь, и ты вновь у себя дома. Выходишь при этом через ту же дверь, в которую входил в прошлый раз. Вот и я, полный энтузиазма, пожелал вернуться к маме, чтобы рассказать ей дивную историю. Открыл дверь, а за ней... мама. Сидящая на полу прямо напротив меня, растрепанная, заплаканная, глядящая пустым взглядом сквозь меня.

— Чего замер? — спросил учитель. — Я не вижу, что там происходит. Для меня это внутренности шкафа.

— Я... Я пойду...

— Иди, — посмотрел он на меня подозрительно. Похоже, видок от лицемерия заплаканной мамы был у меня тот еще. — И не забывай — я всегда буду ждать тебя.

— До свидания... — бросил я, проходя сквозь портал. И оказался в шаге от мамы.

Подняв на меня ошарашенный взгляд, мама мгновенно заключила в объятия, после чего разрыдалась. Как итог, что бы я ни говорил, как бы ни упрашивал, с меня требовали обещание никогда больше не ходить в тот мир и никому про него не рассказывать. Если учесть, какой вид имела мама, долго ей меня убеждать не пришлось. Я очень четко чувствовал, как она была напугана моим внезапным исчезновением, и мне это крайне не нравилось. Я даже пару раз тогда сам чуть не расплакался, хотя очень гордился тем, что не делал этого уже года два.

Кстати, именно после того случая я стал видеть духов и призраков.

И вот я снова здесь. Мамы больше нет, обещание нарушено, а дядя Ичиро — совсем из другой весовой категории, нежели мама. Ему никаких обещаний из меня не выбить, а про удержание и вовсе молчу. Напомню: для меня любая дверь ведет сюда: рано или поздно я бы вырвался и уже вряд ли бы вернулся. Во всяком случае, в ближайшие годы. Но один шанс я ему дам — все-таки брат мамы.

Учитель находился на том же месте, что и в прошлый раз, только теперь он полулежал, положив голову на согнутую в локте руку, и читал какой-то свиток. Когда я появился в его комнате, он поднял голову.

— Ну ничего себе! — произнес он удивленно. — И ста лет не прошло. Неужто сумел уговорить мать? Всего-то за два года, — усмехнулся он.

— Мама умерла, — произнес я спокойно. — Остался только дядя, но он не сможет удержать меня дома.

— Страсти-то какие, — принял он сидячее положение. — Ну подходи, присаживайся, — хлопнул он по полу рядом с собой. — Заодно Расскажи, как тебе жилось все это время.

— Еще раз, — потер переносицу учитель. — Какой-то монстр, проживший несколько сотен лет и думающий, что он мечник, назвал моего ученика... бездарем.

— Да, — подтвердил я.

— Хотелось бы мне с ним пообщаться, — пробормотал он. — Хотя ладно, зато ты вернулся. Но скажи мне, ученик...

— Учите... — отодвинулась в сторону дверь комнаты, — и-и-и!

— Визжалик, — покачал головой Учитель. — Я уж думал, он за два года успокоился. Как считаешь, он сам вернется или придется потом искать его?

Я только плечами пожал. Откуда мне знать? Я этого типа второй раз в жизни вижу. Правда, на этот раз — немного четче. Уже могу понять, что у него длинные волосы, убранные в хвост.

— У-учит-тель... — осторожно переступил порог Док Ше. — П-продукты приб... прибыли.

— Справедливости ради, — посмотрел на меня учитель, — Док Ше родом из Чжунго, а там с призраками все сурово.

— Я не призрак, — все же решил уточнить я.

— Знаю, но выглядишь для нас именно как призрак.

А они — для меня. Удивительная особенность.

— Мама говорила, — вспомнил я неожиданно, — что страх — это естественная реакция человека и это нормально. А вот показывать свой страх посторонним — это слабость. А мужчина не может быть слабым.

— Визгляк, — произнес учитель, приложив ладонь к лицу, — беги отсюда, а то у меня сейчас столько новых прозвищ для тебя в голове появилось. — Само собой, Док Ше очень быстро смылся. — Эх, — убрал учитель руку от лица. — Шутки шутками, но Док Ше — один из самых перспективных моих учеников. Учти это. Гений, если не сравнивать с великим мной. Но я верю в ритуал, ученик, и верю, что ты еще лучше. А всякие там монстры пусть идут... — покосился он на меня. — Идут куда подальше. Твоя судьба — стать еще одним великим мастером школы «Кен-но-иши». Вторым после меня, основателя. И то, что ты из другого мира, — только в плюс. Кто еще у нас может похвастаться, что его школа существует в двух мирах. Ну пока это не так, конечно, — поправил он себя, — но я надеюсь, что ты не подведешь меня и создашь школу меча стиля «Кен-но-иши» в своем мире.

— Конечно, учитель, — подтвердил я на полном серьезе.

До этого момента я ни о чем таком не думал, но звучало крайне заманчиво. Открыть свое додзё^[15]. Свою школу... Это ли не достойная цель в жизни? Стать мастером... великим мастером меча — это мечта, а школа — цель.

— Вот и отлично, — вздохнул учитель. — Теперь к сложному. Я соболезную твоей потере, малыш. Пусть у меня никогда не было родителей, но что такое потеря близких, я знаю. И считаю, что разлад в семье недопустим. Точнее, считаю недопустимым, чтобы его причиной стало обучение у меня. Поэтому мы вновь попытаемся договориться, но уже с твоим дядей.

— А если он будет против, как мама? — спросил я.

— Это будет плохо. Но я вполне могу подождать до твоего совершеннолетия.

— А у нас говорят, что чем раньше начинаешь, тем сильнее будешь потом.

— Не совсем так, — заметил учитель. — Хотя боги его знают, какие у вас там боевые искусства. Стоп, — задумался он. — Понятно. Про возраст у вас так говорят, скорее всего, те, кто не знаком ни с магией, ни с Волей. У нас проще. Да, время ты потеряешь и в ритм войти сложнее, но тому, что дает настоящую силу, плевать на возраст, — произнес он, после чего задумался. — М-да, как бы попроще? Дело даже не в том, что Воля дает какую-то силу, а в том, что человек с Волей сам делает себя сильным. Понял? Конечно, не понял. Ладно, об этом потом, сначала — твой дядя. Брат матери, я правильно понял?

— Да, — ответил я слегка разочарованно. Хотелось побольше узнать об этой таинственной Воле.

— По глазам вижу, что ты умираешь от любопытства. Но давай все же сначала разберемся с твоим родственником, — и, глянув на то, как я сник, продолжил: — Ох, ладно. Но очень коротко и обобщающе. Мана — это некая энергия, которой пользуется маг. Топливо для его чудес. А Воля... это, собственно, воля. Сумеешь пересилить само мироздание, сломать законы природы — и ты получишь желаемое. Чем сильнее твоя Воля, тем более глубокие законы ты сможешь сломать. Или использовать. Воля далеко не всегда ломает. Я практик, малыш, так что не жди от меня развернутой лекции, как в школах магии.

— У вас тут даже школы магии есть?

— В нашей стране — нет, — усмехнулся учитель, — а вот в соседней Чжунго — есть. У Островной империи есть, у королевства Грифона, у Великого княжества есть. У нас все по старинке — семья, клан, личный учитель. Но пока у Рассветной империи есть семь великих школ, в одной из которых ты находишься, все эти маги не более чем смазка для наших мечей. Даже не так. Пока вообще есть выбравшие путь Воли, маги никогда не станут силой. Но давай все же вернемся к нашей проблеме.

Велев мне повторить много раз то, что надо говорить дяде, учитель отправил меня домой. Все тот же шкаф в комнате учителя привел меня в шкаф уже в моей комнате. Пройдя сквозь портал, я нос к носу встретился с дядей Ичиро и Коханой. Оба сидели на полу рядом с какой-то пентаграммой, по всей комнате в произвольном, казалось, порядке в пол были вбиты огромные гвозди, у одной из стен стояло зеркало-цукумогами со все тем же стариком внутри, а под потолком летали бумажки в форме человечков. Видимо, шикигами^[16]. Подняв голову, дядя пристально посмотрел на меня, в то время как Кохана вскочила и к чему-то приготовилась.

— Кеншин, где ты был? — спросил строго дядя.

Я напрягся.

— Ходил к учителю, — ответил я, глядя на него из-под бровей.

— Куда? — удивился он.

— К учителю.

— К какому еще учителю?

— Тэнгу сказал, что я бездарь, но он всего лишь жалкий монстр. Один из сотен тысяч. Слабак. А таких, как учитель, всего девять на весь мир. Его мир, — уточнил я. — И он готов меня учить. Я стану великим мечником.

— Кен-чан, — провел дядя ладонью по лицу. — Давай по порядку. Ты был в другом мире?

— Да.

— Как ты туда попал?

Ну, это просто.

— Учитель провел великий ритуал, призывающий идеального для него ученика. Теперь я могу ходить к нему и учиться фехтованию.

— И ты взял и поверил какому-то незнакомцу? — спросил дядя.

И этот вопрос мы обсудили.

— Но ведь я здесь? Он призвал меня два года назад, но отправил обратно, чтобы учебу одобрила мама. Она не одобрила. — Тут дядя явно что-то хотел сказать, но удержался. — Потом тэнгу назвал меня бездарем...

— Я прибью этого придурка, — прервал меня дядя.

— И я пошел к учителю, — все же закончил я предложение. — Но он знал, что вы будете беспокоиться, и опять отправил меня обратно, чтобы я уговорил вас разрешить мне учиться у него.

— Нет! — резко произнес дядя Ичиро.

— Он сказал, что вполне может подождать до моего совершеннолетия.

— Вот пусть и ждет, — заметил дядя.

— Но я не хочу ждать!

— Окава Кеншин, я сказал: никаких путешествий в другой мир!

— Вы не мама! — крикнул я. — И вы не удержите меня!

— Это мы еще посмотрим!

После этих слов я обиделся и разозлился, поэтому, даже не отвечая, просто развернулся и решительно потянулся к дверной ручке шкафа. Только вот сделать ничего не успел, будучи перехвачен Коханой, за мгновение переместившейся ко мне вплотную.

— Отпусти! — начал я вырываться.

— Простите, молодой господин, но Ичиро-сама будет расстроен, если вы уйдете.

— Отпусти меня, я все равно уйду! — не сдавался я.

— Молодой господин, успокойтесь, — увещевала меня Кохана.

А я в тот момент вспомнил слова учителя: «Твоя Воля ломает законы природы». Я абсолютно не понимал, что стоит за этим утверждением, но уж что такое сила воли, осознавал и в свои восемь лет. Поэтому я брыкался до последнего, и в какой-то момент, когда я понял, что не вырвусь, но отказался сдаваться, Кохана отлетела прочь от моего очередного толчка локтем. Просто отлетела. Как снаряд из пушки врезалась в стену и осталась там стоять на подгибающихся ногах. А мы с дядей Ичиро ошарашенно на нее смотрели.

Первым пришел в себя именно я. Наверное потому, что не так хорошо осознавал, насколько произошедшее невероятно.

— Я буду великим мастером, — произнес я с абсолютной уверенностью. — Учителю четыреста лет, он может ровнять горы с землей, и я стану таким же сильным. Лучше, чем он! И вы меня не остановите, дядя Ичиро.

Под конец фразы я даже немного загордился от того, как складно у меня получилось сказать.

— Так, я понял, — потер он лицо ладонями. — Кен-чан, давай успокоимся и поговорим о том, что произошло, как взрослые. Пойдем, — поднялся он наконец на ноги. — Серьезные разговоры лучше вести за чашкой чая. Ты в порядке, Кохана?

— В порядке, Ичиро-сама, — произнесла юки-онна.

За те несколько секунд, что прошли с момента ее полета к стене, она сумела прийти в

себя и выглядела так, будто ничего не произошло. Только приближаться не спешила.

Немного подумав, я решил пойти с дядей на кухню. В конце концов, учитель настаивает, чтобы конфликтов в семье не было, а уйти я могу через любую дверь. Поэтому, кивнув с серьезным, как мне казалось, видом, я пошел вслед за дядей Ичиро. Спустившись на первый этаж, зашли на кухню, где я уселся за общий стол и приготовился слушать, что мне скажут.

— Коки, чай, — произнес дядя, после чего обратился уже ко мне: — Рассказывай.

Это меня немного сбilo с толку, так как я почему-то приготовился, что говорить будут мне. Быстро прокрутив в голове то, что говорил мне учитель, решил начать с самого начала:

— Первый раз я попал к учителю два года назад...

Рассказ получился на удивление длинным. Не на час, конечно, но продлился дольше, чем я ожидал. По-быстрому все пересказать не получилось. Где-то я сам не мог подобрать слова, где-то дядя постоянно уточнял, и в итоге я сумел закончить лишь минут через двадцать.

— Интересная история, — откинулся он на спинку стула, крутя стоящую на столе пустую чашку. — Твою маму я более чем понимаю — ты даже не представляешь, как я волновался, когда в твоей комнате появился разрыв пространства, а потом ты просто исчез из дома. Мне десяти минут хватило, чтобы почти рехнуться от беспокойства, Кен-чан.

— Извините, — буркнул я, не удержавшись. Мне действительно стало стыдно, правда, сожаления я не испытывал.

— Да что уж теперь, — вздохнул дядя и, придвинувшись ближе и положив локти на стол, продолжил: — Ты пойми, Кен-чан, после смерти твоей мамы именно ты стал для меня самым важным в жизни. Как я могу позволить дорогому мне человеку шастать неизвестно где, общаясь при этом неизвестно с кем? А если с тобой там что-то случится?

— Учитель — великий мастер, и его школа — самое безопасное место в мире, — решил я уточнить то, о чем уже рассказывал.

— Но это по словам человека, которого ты видел всего два раза в жизни, а я так и вовсе ни разу, — ответил он мне. — Даже если этот твой мастер не врет, откуда нам знать, что он банально не заблуждается? Не существует идеальных людей, — и через секунду дополнил: — Кроме твоей мамы, конечно.

Для восьмилетнего мальчика слова дяди звучали логично и весомо, но тут вновь выиграла моя упертость, которую я тогда решил называть волей.

— Я все равно стану мастером меча. Великим мастером.

— О господи, — вздохнул он в ответ и вновь откинулся на спинку стула. — Пусть так, — произнес дядя через несколько секунд и, опять облокотившись на стол, мягко продолжил: — Кен-чан, давай отложим этот разговор на пару дней. Только обещай мне никуда не уходить в это время. Всего лишь два дня, обещаешь?

Два дня для меня были тогда целой вечностью, но отказать ему я почему-то не смог.

В школу меня на следующий день не пустили. Дядя не стал ходить вокруг да около, а просто пояснил, что, в отличие от Коханы, люди — очень хрупкие существа, и если я вновь не рассчитаю силу, кто-то может и умереть. О таком я даже не задумывался, так что после слов дяди стало немного страшно — я ведь уже предвкушал, как отлуплю Саюри, когда мы сойдемся с ней в кружке кендо. Она, конечно, плохая, но не до такой же степени! Так что ни на следующий, ни через день я в школу не пошел. Поначалу думал, что найду себе занятие, но уже к обеду первого дня изнывал от скуки. Интернет, игры, махание мечом — ничто не помогало. В какой-то момент я просто сел на пол перед шкафом в своей комнате и выпал из

реальности. Уж и не помню, о чем тогда думал, а может, мечтал, но прервал мое времяпрепровождение дядя. Тогда я думал, это случайность была, что он просто зашел ко мне, но позже пришлось признать, что за мной банально присматривали, и когда ему доложили, что я сижу и молча пялюсь на «тот самый» шкаф, он решил не подвергать мое честное слово испытаниям.

— Кен-чан? — обратил на себя внимание вошедший в комнату дядя. — Как ты смотришь на то, чтобы посетить Южную Корею?

— Что? — повернулся я к нему.

— Южная Корея, Сеул. Хочешь там побывать?

Я не то чтобы не хотел, просто было лень куда-то там ехать. К тому же у меня школа.

— Не, — отвернулся я от него, — слишком долго.

— Так в том и интерес, что сделаем мы это всего за несколько секунд. За одну секунду. Всего лишь один шаг — и ты в Корее.

Любопытство разом подскочило на недосягаемую высоту. Один шаг — и ты аж в Корее? Правда, с глобусом у меня тогда были напряженные отношения, но то, что это далеко, я был уверен на все сто. Почти Китай! Но вместе с любопытством проснулась и подозрительность. Оформлена она была крайне размыто, но силу с ходу набрала приличную. В общем, я одновременно и хотел, и не хотел попасть в Корею. Или, если быть совсем точным, — но об этом я тогда не задумывался — мне хотелось узнать, как именно собирается перемещаться дядя. Мне было любопытно! А причины не важны. Как выяснилось, лететь или плыть в Корею не было необходимости — оказывается, зеркало-цукумогами может связываться с другими зеркалами, если на них стоит специальная метка, после чего просто создает связанный с тем зеркалом пространственный туннель. Мог и без метки, но там и силушку свою нужно было приложить не в пример больше, и настройка происходила дольше, и защита почти любая мешала настройке, и... в общем, дело это было нелегкое. Упрощенную версию всего этого дядя рассказал мне чуть позже. Переход выглядел как обычное окно. Зеркальную поверхность заволочло туманом, а когда он рассеялся, ни старика, ни даже стекла не было. С этой стороны — наша гостиная, а с той — какой-то рабочий кабинет.

— Пошли? — спросил дядя, улыбнувшись. И, слегка наклонившись, шагнул на ту сторону.

Как-то это не круто. Если бы не портал в другой мир, который выглядел почти так же, то я точно повосхищался бы, а так...

Кабинет оказался комнатой в современном двухэтажном доме, который располагался в богатом районе Сеула. Приличного размера двор утопал в зелени, а в гараже стояли две машины черного цвета. Тогда я не разбирался в марках, но по секрету скажу, что это были дорогие «порше». Дядя вообще имел к данной марке слабость — у нас дома у него тоже «порше», но классом пониже, чтобы не смущать родителей моих предполагаемых друзей.

В корейском доме дяди тоже обитали дзашики-вараши. Аж две штуки. Сестры-близняшки, на глаз — постарше Коки. И более общительные. Вся внутренняя и внешняя защита была завязана на них, но, как сказал дядя, дзашики-вараши все-таки мирные духи, не боевые, и такой вариант защиты неоптимален, но пока здесь никто не живет, сойдет и так. Кроме них сильных духов тут не обитало, а всякой мелочовки было не меньше, чем у нас.

Из достопримечательностей Сеула я в тот день посетил только какой-то там известный ресторан для богачей, который славится своей традиционной корейской кухней. А под вечер мы, вновь сделав всего один шаг, переместились домой в Японию. В целом было прикольно.

На следующий день меня вновь не пустили в школу, однако в обед дядя сумел поднять мне настроение.

— Сегодня ты сможешь навестить своего учителя, — обрадовал он меня смещением графика.

— Здорово! — подбежал я к нему. В тот момент я находился в тренировочном зале и бездумно махал мечом, который мне подарил дядя Ичиро. — А когда?

— Иди в душ, переоденься и подходи в свою комнату.

Я даже ответить не потрудился, на полной скорости рванув в ванную. Ополоснувшись, переодевшись в детское кимоно, я все так же быстро помчался к себе, где меня уже ждал дядя.

— Уже можно? Вы отпускаете меня? Разрешаете обучаться у учителя?

— Помедленней, малыш, — с улыбкой поднял руки дядя. — Да. Можно. Отпускаю. А вот с разрешением обучаться решу после разговора с этим твоим учителем.

— Что? — не понял я. — Но учитель сказал, что только я могу перемещаться через портал. И язык того мира знаю только я — из-за ритуала. Вы даже переписываться не сможете.

— Вот видишь, не стоит бездумно верить первому встречному. Да, переместиться во плоти я не смогу, но твой дядя, Кен-чан, — самый крутой крутяк в мире! Есть мало задач, которые мне не по плечу после необходимой подготовки. Я точно круче этого твоего учителя.

— Ну... — замялся я. С одной стороны — вряд ли, а с другой — если он действительно сможет сделать то, о чем говорит...

— Эй, — слегка толкнул он меня в плечо, — это было обидно. Не надо сомневаться в великом брате твоей великой мамы.

Шах и мат. В таком ключе я о ситуации как-то не думал. Ладно.

— Вы оба круты, дядя Ичиро, но мама круче.

— Ну это неоспоримо, — подтвердил он.

После этого меня поставили в какую-то пентаграмму и дали в руки непонятный прозрачный камень. Сам дядя встал в другую пентаграмму. Несколько слов на непонятном языке, какой-то туман, появившийся из ниоткуда, — и между камнем и дядей образовалась едва видимая белая нить.

— А вам не больно, дядя Ичиро? — спросил я, когда все закончилось.

— Что? — не понял дядя.

— Ну... эта нитка вам прямо в грудь уходит. Это не больно?

— Нитка? Стой, подожди, — поднял он руку. — Ты видишь... связь духа... связь камня со мной?

— Наверное, — пожал я плечами и добавил, будто это все объясняет: — Нитка.

— Нить выходит из моей груди и уходит в камень, я правильно тебя понял?

— Ага, — кивнул я.

— А что ты видел во время ритуала?

— Туман в камень втянулся.

— Как интересно, — задумался дядя. — «Туман» и я видел, а вот связующую нить...

Вот отстой! — схватился он за голову и присел на корточки.

— Дядя Ичиро? — удивился я такому его поведению.

— А? — глянул он на меня. — А, не обращай внимания, — поднялся он на ноги. — После возвращения мы обстоятельно обсудим, что ты можешь видеть, а что нет. А сейчас

иди.

Подойдя к шкафу, я пожелал попасть к учителю и, открыв дверцу, увидел за ней его комнату. Самого учителя там, правда, не было. Обернувшись, я глянул на дядю, после чего сделал шаг вперед. Выйдя из шкафа уже в другом мире, оглядел пустую комнату. Неожиданно — я почему-то был уверен, что хозяин комнаты сидит здесь сутками напролет и занят одним лишь ожиданием своего великого ученика. И что теперь делать? Бродить по чужому дому как-то невежливо, а ждать его тут скучно. Наверное, стоит все-таки поискать. За дверью находился длинный коридор, который оканчивался с одной стороны комнатой учителя, а с другой — стеной. Перед нею можно было повернуть либо вправо, либо влево. Я повернул налево. В этом коридоре были двери, ведущие в непонятные помещения, а в конце — еще один поворот направо. Там-то я и встретил первых обитателей дома. Два тускло светящихся, полупрозрачных силуэта вышли из очередного коридора метрах в пяти от меня. Один встал как вкопанный, а второй начал медленно пятиться назад, после чего резко сорвался с места, скрывшись за углом. Думаю, лучше вернуться обратно. Эти два призрака... ну или кто они там, наверняка расскажут обо мне учителю, а мне лучше вернуться в его комнату, пока совсем не заплутал в этом лабиринте коридоров. А эти двое, кстати, не визжали.

Перед последним поворотом в коридор, ведущий к комнате учителя, справа от меня дверь резко ушла в сторону. От удивления я остановился, а появившийся передо мной призрак с визгом отскочил назад.

— Здравствуйте, Док Ше-сан, — поклонился я ему, после чего потопал дальше.

Вернувшись в комнату учителя, приготовился ждать. Минут через десять, которые мне показались вечностью, дверь в комнату отъехала в сторону и в нее вошел учитель.

— Пришел-таки? — усмехнулся он с порога. — Сумел договориться с родней? Или сбежал?

— Договорился, — подскочил я к нему. — Дядя просил передать вам вот это, — достал я из кармашка рукава камень.

— Ого. Заинтересовал, — хмыкнул учитель, забирая его у меня.

Почти сразу после этого рядом со мной появился дядя. Такой же прозрачный, как и учитель, только вокруг него... как бы это сказать? Ну вот представьте — прозрачный мужик в еще более прозрачном скафандре. Дядю обволакивала какая-то субстанция, которая была еще более прозрачной, чем он сам.

— Ичиро, как я понимаю, — произнес учитель.

— Окава Ичиро к вашим услугам, — немного язвительно склонился дядя. — А вы, значит, тот самый учитель, который пользуется непонятными ритуалами?

— Он самый. И этому ритуалу — тысячелетия. Единственная польза от магов. Да и то — не их придумка.

— А чья, позвольте спросить?

— Откуда мне знать? Я стар, но не настолько.

— Неизвестно откуда взятый ритуал, который ваши маги могут только копировать? Прелестно.

— Из твоих уст это действительно звучит не очень...

— «Не очень»? — прервал его дядя. — Ты знаешь, что такое сингулярно-поточное преобразование Лядера?

— Чё?

— А может быть, в курсе о кривой ладоидного поиска?

— Что ты мне дичь какую-то загоняешь?

— Ты ничего не знаешь о магии! Ни-че-го! Ты не в курсе, как устроен этот ритуал, ты без понятия, к каким он может привести последствиям, и при этом для тебя все просто «не очень»?

— Как же вы, маги, все похожи, — скривился учитель, — даже в другом мире. Этот ритуал используют очень долго, и пока что-то негативных последствий не замечено.

— Конечно, призывают-то детей, скорей всего, — скривился в ответ дядя. — Вы вот никогда не думали, что система поиска ритуала может быть примитивна?

— Ты рехнулся? У меня даже в голове не укладываются все те нюансы при выборе ученика под конкретного учителя. Ритуал не может быть примитивен.

— Не ритуал, а встроенный в него поиск. Никто ведь о нем ничего не знает. Может, там всего два-три критерия и мощный блок преобразования... Короче, — прервал сам себя дядя, — подбирается ребенок по паре критериев, например, необходимые плотность шестой оболочки духа и объем четвертой, после чего призываемый преобразуется под нужды призывателя. Это все утрировано, наверняка там критериев поиска больше, но смысл, думаю, понятен. И это только один возможный нюанс. Тебе-то хорошо — провел ритуал и жди, а ребенку, может, всю жизнь ломают. Была предрасположенность стать великим целителем, а стал мечником, причем, скорей всего, лишь того стиля, который использует учитель. Не мечник даже, в широком смысле слова. Ты вот дашь гарантию, что одержимость Кеншина не навеяна ритуалом?

— Он мечтал об этом еще до прихода ко мне, — ответил хмурающийся учитель.

— А с чего ты взял, что активация ритуала, поиск и перемещение происходят мгновенно и в одно и то же время?

— Этого я знать не могу, — выдавил из себя учитель.

— Теперь задай себе вопрос: зачем мне разрешать племяннику учиться у такого безответственного человека? Про которого я еще и не знаю ничего?

— Паршивые маги... — пробормотал тот в ответ. — Думаешь, загнал в угол? — спросил он уже в полный голос. — Ну так я тебе отвечу — потому, что ритуал уже проведен, и с этим ничего не поделаешь. Потому, что в своем мире Кеншин не сможет стать даже магом, а я могу дать ему такую силу, о которой вы, жалкие маги, даже мечтать не смеее.

— Да что ты знаешь о нашей силе? — придвинулся к нему дядя и со слегка безумной улыбкой продолжил, понизив голос: — Я богов покорял, что мне какой-то там вояка?

Дядя в этот момент выглядел жутко... круто! Неимоверный контраст с тем, что я вижу каждый день. Спокойный, с чувством юмора мужчина, вежливый, умный. Сейчас же передо мной стоял отморозок, готовый сойтись с кем угодно и когда угодно. Я понял, что хочу быть похожим на него. Дядя крут!

— Жалкие божки обитают и в нашем мире. Попробуй одолеть высшего демона-лорда. Я это делал, а ты, сопляк?

О! Учитель тоже крут! Но по-своему. Безалаберность и шутки ушли на задний план, сейчас он представлял собой не человека, а огромный монолит. Непоколебимый, уверенный в себе абсолютно, с кружащей вокруг него аурой силы и власти. Крутя-ак... Хочу быть как учитель!

— Отговорки способного только мечом махать.

— Несет жалкий бред чернильная душонка.

Вот тут я и влез, не удержавшись:

— Я тоже хочу мечом махать...

— Ха! — прервал меня учитель.

— ...но и учеба важна.

— Воистину, — подтвердил дядя.

Постояв несколько секунд в молчании, дядя с учителем одновременно повернули головы в мою сторону.

— Твое нахождение здесь зависит от камня или от племянника? — спросил учитель, вновь повернувшись к дяде Ичиро. — Или от того и другого?

— От камня, — ответил тот, успокоившись.

— Вот и отлично. Ученик, — посмотрел он на меня снова, — отправляйся домой и жди возвращения своего дяди. А мы тут с ним пока побеседуем.

— Он прав, Кен-чан, — подтвердил дядя Ичиро, — беги-ка ты домой.

— Ла-адно, — протянул я с сожалением. — Только вы тут не подеритесь.

— Да он меня даже оцарапать не сможет, — усмехнулся дядя. — Тело-то не здесь.

— Зато связь оборву влет, — ответил на это учитель. — Сразу настоящим призраком станешь.

Опасная угроза, но я доверял им обоим достаточно, чтобы не верить в смерть ни одного из них, поэтому просто пожал плечами и спокойно направился к шкафу учителя.

Посреди моей комнаты на коленях сидел дядя Ичиро. Закрытые глаза и напряженная поза как бы говорили, чтобы я его не трогал. Так что пока он не очнулся, я от нечего делать провел день за «Книгой Земли» из серии «Пять Колец» Миямото Мусаси. У меня у самого книг не очень много было, а те, что были, — детская манга и учебники, так что, когда мне стало совсем скучно, в голове что-то щелкнуло и я попросил Коки принести что-нибудь почитать. Она и принесла. Половину иероглифов я просто не понимал — и не из-за древности текста, а банально из-за возраста. Третий класс младшей школы как-никак. Поэтому с «читал» я, пожалуй, погорячился, но чем-то она меня зацепила. Коки, наверное, уже устала постоянно появляться по моему зову, чтобы разъяснить тот или иной иероглиф, а когда я уже хотел было попросить книгу мне просто почитать, зашевелился дядя.

— Ну как?! — подскочил я с кровати.

— Договорились, — отмахнулся он от меня, с трудом вставая на ноги. — Поговорим чуть позже, Кен-чан, сейчас мне надо... — дернулся он, как будто его сейчас вырвет. — Надо привести себя в порядок.

— Хорошо, дядя Ичиро, — согласился я подождать еще немного.

Что я, маленький, что ли? Понимаю, что ему это сейчас надо.

Ждать предстояло долго. Минут через пять после ухода дяди в комнате появилась Коки и сообщила, что в ближайшие пару часов не сможет отвлекаться на мои вызовы. Извинилась, поклонилась и исчезла. А мне что делать? Кохана тоже, скорей всего, с дядей, Куфу пусть лесом идет — не хочу видеть этого тэнгу. Да он и не стремится к общению, постоянно убегая при моем появлении. А Джоки за все то время, что я здесь живу, говорил при мне всего один раз — в самый первый день, когда дядя привез меня в этот дом. Оставался еще старик-цукумогами или просто Старик. Как я выяснил пару недель назад, ёкаи не рождаются с именем, а все, что им дают другие, не важно кто, — для них не более чем прозвища. Имена они находят сами — просто в какой-то момент жизни к ним приходит понимание сути их имени, и уже после этого из известного им набора слов они подбирают наиболее близкое по смыслу. Старик же так и не смог подобрать. Суть имени у него есть, а выразить в словах он

ее не в состоянии. Уже двести лет как мучается. Выяснился также тот факт, что Старик тоже мог принимать человеческую форму, точнее... Тут цукумогами, как по мне, вообще читеры^[17] — они могут создавать себе человеческие тела из ничего. Плотные, реальные, но при этом как бы ненастоящие — уничтожение такого тела самому цукумогами вреда не принесет. Правда, при создании нового тела оно появляется рядом с основным, в данном случае — зеркалом, и если прежнее... прежний клон был уничтожен далеко от основного, пытаться его восстановить бессмысленно. Ну и в целом их клоны не так уж и сильны. Хотя последнее от предмета зависит и от возраста ёкая.

Просидел я рядом с зеркалом около часа, пока не появилась Коки и не сообщила, что дядя Ичиро ждет меня на кухне. Сам дядя, когда я пришел к нему, выглядел как обычно — и не скажешь, что час назад ему было очень плохо. Сидел за столом и попивал нечто оранжевое из высокого прозрачного стакана.

— Этот твой учитель, — произнес он, когда я вошел на кухню, — выжал из меня все соки своими вопросами. Как будто не я к нему за этим пришел.

— Вопросы? — удивился я, присаживаясь напротив него.

— Вроде как чем больше он о тебе знает, тем проще ему обучать, — ответил дядя.

Не зная, что на это сказать, я поинтересовался:

— А когда мне можно будет начать обучение? — и тут же поблагодарил Коки за то, что она принесла мне чай: — Спасибо, Кокиримунэ-сан.

Сделав еще один глоток, дядя скривился и отставил стакан в сторону.

— Какие же эти зелья все-таки отвратные, — произнес он при этом. — Насчет твоего вопроса, — вздохнул он. — Можешь начать с завтрашнего дня. Иназума обещал научить тебя различать, когда бьешь обычно, а когда — с применением этой вашей Воли. Причем за день. Так что послезавтра вернешься в школу. Само собой, ты ни в коем случае не должен демонстрировать свои способности.

— Конечно, — кивнул я важно.

— Кен-чан, — произнес дядя Ичиро с просительной интонацией, — я тебя очень прошу — никто об этом не должен узнать. Абсолютно никто. И про то, что видишь духов, помалкивай. Это не так уж критично, но пусть лучше другие люди об этом не знают. Позже я научу тебя всему, что может освоить драбл. Возможно, некоторыми из этих... приемов, ты сможешь отговориться, если что-то пойдет не так. Перед другими магами, конечно. Но лучше не доводи до этого, — вздохнул он под конец, после чего посмотрел на свой стакан, скривился, но все-таки взял его и сделал еще один глоток.

— И как мне обучаться вместе со школой? А кружок, а уроки?

— Из кружка уйдешь, — ответил дядя. — Пока ты в младшей школе, времени у тебя будет навалом, а потом... придется мне доработать твою тренировочную комнату.

— А как? — стало мне интересно. Тот момент, когда я впервые вошел в комнату, которая стала в два раза больше по сравнению с прежней, был незабываемым. Настоящая магия, а не привычные духи!

— Ускорю время внутри нее. Работа сложная, особенно если мы хотим, чтобы ты при этом не старел быстрее, но нужная. Увеличу ее до максимума, барьеров понапишаю, привяжу к ней духов для тренировки. В общем, сделаем для тебя нормальный тренировочный зал. Такие распространены среди боевых магов, да и небоевые ими пользуются.

— Круто... — произнес я под впечатлением от представленного.

— Но сложно. И дорого. Но чего уж для любимого племянника не сделаешь. К тому же

лично мне это выйдет гораздо дешевле.

— Почему?

— Потому что делать такие залы могут очень немногие, и я — в их числе, а половина платы идет как раз за работу.

— Ты и правда крут, дядя Ичиро! — воскликнул я, не удержавшись.

— А то ж, — посмеялся он довольно. — Ладно, иди уже. На улице погуляй, что ли, а то сидишь дома, как отшельник какой. Только не забудь, — стал он серьезней, — никому ничего не говорить и не показывать. От этого зависит очень многое.

— Я понял, дядя Ичиро, — сказал я торжественно. — Обещаю — от меня никто ничего не узнает.

— Молодец, Кен-чан! Так держать! А теперь беги, а я тут, — покосился он на свой стакан, — дальше лечиться буду.

Попав на следующий день к учителю, я был в невероятном предвкушении — меня научат управлять Волей! Я ведь должен уметь сдерживаться. Но увы, ждал меня лишь облом. Учитель, обещая, что подготовит меня к школе всего за день, немного смухлевал — весь день был потрачен на мою дрессировку. Сначала он вдальбивал в меня правила поведения, например, бить только один раз. Не получилось избавиться от противника за один удар — отступи. Злость не поможет в использовании Воли, но может затмить разум, если я буду бить больше одного раза. Нельзя спешить и действовать на эмоциях — лучше потратить несколько лишних секунд, но точно знать, что ты делаешь. Потом эти правила будут пересмотрены, но пока я себя не контролирую, они для меня закон. Полдня меня пичкали условиями, проверяли, что я запомнил, задавали каверзные вопросы по различным ситуациям, опять пичкали правилами — и вновь вопросы. А когда все закончилось, оставшееся до вечера время провели, обучая, как надо себя держать. Голову выше, но нос не задирать, спину прямо, но грудь не выпячивать, походка должна быть такой, движения — вот такими. Как сказал учитель — многие, глядя на мою тушку, просто не станут приставать, что избавит меня от лишних неприятных ситуаций. Тут главное не перестараться, иначе во мне будут видеть лишь чванливого аристократишку, а именно под аристократа в ближайшем будущем мне и придется маскироваться.

Само собой, знакомые отношение ко мне в одночасье не изменят.

— Где пропадал, прогульщик? — подошла ко мне Саюри перед первым уроком. — Опять кто-то помер?

Как и говорил учитель, я сидел с прямой спиной за своей партой, и когда Саюри задала свой вопрос, я просто бросил на нее взгляд.

— Нет, — ответил я, раскладывая свои вещи.

Помявшись рядом со мной еще какое-то время, девчонка все же ушла, так и не сказав больше ни слова. Зато на перемене после первого урока меня зажали уже все четверо — Саюри и три ее подпевалы. Послушав, как до меня докапываются, я решил бить Саюри. Она тут главная, она меня больше всего бесит, и если уж ударить я могу лишь раз, то лучше всего бить ее. Пока размышлял, приставания почему-то сошли на нет — четверка хулиганов просто стояла рядом и молчала.

— Эй, — толкнула меня Саюри, — не игнорируй нас!

Толчок, наверное, можно использовать как повод. В общем, я ударил. Как мог — слабо и неумело. Только вот я такой был не один — никто из нас тогда, по сути, не умел драться. Саюри сделала пару шагов назад, схватилась за лицо и с наворачивающимися слезами смотрела на меня поверх рук. А я смотрел на нее. Спокойно — во всяком случае, мне тогда так казалось. Молча и не дергаясь. Не сдвинувшись ни на шаг. Я, может, и попытался бы гордо удалиться, но в тот момент был зажат у стены и окружен. Учитель говорил, что отступление — это нормально, главное не побег. Постояв так несколько секунд, Саюри все-таки расплакалась и убежала, а ее команда, неуверенно потоптавшись, переглянувшись и отправилась вслед за ней.

К директору меня, что странно, так и не вызвали. И на следующий день не вызвали. Похоже, мой удар был не такой сильный, как тот, первый, и никаких синяков ее мать не обнаружила, да и Саюри не побежала жаловаться. Пронесло, короче. Сами забияки ко мне

больше не приставали. Ни в тот день, ни через неделю, ни через месяц. Задирать окружающих не перестали, но вот меня больше не трогали. Учитель, поинтересовавшись, как у меня с конфликтами в школе, и выслушав мой рассказ, выдал только одну фразу.

— Чистая победа, — произнес он с усмешкой.

Из кружка я, понятное дело, ушел. Саюри еще какое-то время высказывалась в том ключе, что я трус и сбежал от схваток с ней, но мне было уже плевать. Для себя я решил, что в младшей школе не пойду ни в один кружок, уделяя как можно больше времени обучению «Кен-но-иши», а вот в средней выберу школу с клубом кендо. Да, это отнимет кучу времени, но есть магический тренировочный зал. Как минимум выпасться после уроков я и в другом мире смогу. А вот без кендо открытие своего додзё... нет, не так. Без известности в мире кендо я буду обделен учениками еще очень долго. Если совсем точно, то мне нужна репутация среди мечников, а проще всего ее получить именно через кендо. Я же не хочу носиться триста лет по миру, наработывая авторитет, как мой учитель? Либо, как вариант, придется брать всех подряд, что тоже не очень хорошо. У того же учителя очень высокий конкурс на место, а все потому, что он тщательно подбирает себе учеников. Иначе нельзя — в том мире количество не главный критерий. Правда, в этом мире тоже вполне можно выбирать между качеством и количеством. Я всегда выбирал первое. Ну и чисто теоретически, если не отречься полностью от магической части моего мира, то и тут главное именно качество. Короче, буду продвигаться в иерархии кендо, попутно выигрывая различные турниры, начиная со школьных, и забирая себе все возможные награды.

Все это, как вы, наверное, догадались, мысли отнюдь не восьмилетки, и решение такое приняли, скорее, дядя с учителем, но я как тогда, так и сейчас считаю, что оно было верным.

В декабре, то есть спустя полгода со дня смерти мамы и заселения в новый дом, я познакомился наконец с соседями. Они, в общем-то, заходили познакомиться и поприветствовать новых жильцов, еще когда мы только заселились, да и сам дядя сразу прошелся по окрестностям, но я как-то пропустил эти события. Сказать, что я познакомился со всеми, нельзя, однако с парочкой других детей сошелся. Да и то, наверное, лишь потому, что они тоже были из магических семейств. И тут надо сделать небольшое отступление и рассказать об обществе магов.

Возьмем для примера соседей справа — тех, что из дома в традиционном стиле. Хомура представляют собой стандартную семью среднего класса, обеспеченные, со стабильным доходом. Возраст семейства — около двухсот лет. Уже не новички в магическом мире, но еще и не старый род. Занимаются производством и продажей различных специй и параллельно с этим — магических растений. Доход, как я уже говорил, стабильный, но богачами их не назовешь. Хорошо обеспеченные, скажем так, а по меркам обычных людей — так и вовсе чуть больше чем хорошо. Но главное их богатство — это накопленные за двести лет знания. Причем в этом плане они даже немного опережают другие семьи такого же возраста. Но это так, к слову. В доме постоянно находится глава семейства со своей женой. Их дети вроде и проживают с ними, но зачастую в разъездах. Там же живет и внук стариков, который на два года старше меня.

С другой стороны, слева, если стоять лицом к моему дому, снимает квартиру семейство Икеда. Уже то, что они арендуют жилье вместо того, чтобы купить свой дом, говорит об их достатке. Они не бедняки, нет. Все тот же средний класс, но только по меркам простых людей. Причем крепкий средний класс, не больше, но и не меньше. «Как так? — спросит только узнавший о магии человек. — Как может маг не иметь больших денег?» Все просто,

глава семейства — тридцатитрехлетний маг во втором поколении. Всего лишь! Он даже не молодой, он юнец в мире магов. Точнее, не он, а его семья. Так еще и отца потерял за три года до нашего знакомства, то есть не просто юнец, так еще и один как перст — его жена не волшебница. Ну хоть с сыном, моим ровесником, повезло — все говорит, что из него вырастет неплохой маг. Его отец, кстати, тезка моего дяди — оба Ичиро. Хотя это неудивительно, учитывая распространенность данного имени.

Так вот, возвращаясь к деньгам. А как, по-вашему, может заработать себе на жизнь маг? Грабить банки, морочить головы людям? Напомню — хоть о магах знают многие, но в целом мир о них не в курсе, и менять такое положение дел не хочет никто. Так как им зарабатывать? Если спуститься на землю в реальный мир и отринуть фантазии, то такой вот «молодняк» имеет на руках лишь несколько атакующих заклинаний. Даже простейшие защитные заметно сложнее и доступны не всем — я сейчас говорю именно про магов в первом-втором поколениях. С таким набором не факт, что сможешь банк ограбить, проще все хорошенько продумать и действовать вовсе без магии. А различные ментальные заклинания и вообще все, что связано с влиянием на сознание разумных, не выносятся за пределы семьи или рода. Вот вы бы подарили что-нибудь дорогое, редкое и крайне опасное простому знакомому? Такое хорошим друзьям-то редко дарят. То же самое — и с остальными знаниями, в зависимости от редкости, опасности, сложности в создании и так далее. У таких, как Икеда, просто нет нужных знаний. В нашем мире простая бытовая магия стоит дороже боевой и ее не раздают направо и налево. А всякие там огненные шары и ледяные копья не стоят практически ничего. Вот и идут такие неумехи туда, где подобные возможности востребованы, — в силовые структуры страны и в преступные группировки. Да, да, в правительстве тоже не дураки сидят, нанимают магов на службу, а уж про преступный мир и говорить нечего.

Икеда Ичиро выбрал полицию, куда в основном и берут таких, как он. Специальный отдел по делам магических преступлений. В армии магов очень мало — просто потому, что боец с автоматом так же опасен, а платить ему надо меньше и заменить его проще. Другое дело — маги из старых семей, те могут какой-нибудь город уничтожить и даже не заметить, но такие типы на правительство не работают, в лучшем случае — сотрудничают.

Я к чему все это веду-то? Просто в магическом мире играют роль не сила, а знания. Если у тебя много дури, но нет подходящих заклинаний или других знаний, как эту дурь приложить к делу, то ты простой бедняк. Ну или как Икеда — полицейский из специального отдела. Или якудза, да. Я в этой системе — вообще что-то непонятное. С одной стороны, магию имею, но не могу ее использовать, то есть низший класс. А с другой — мой дядя — один из могущественнейших людей мира. Далекое не самый сильный, но зато спец по духам и порой может то, что с трудом делают сильнейшие. Например, хорошо подготовившись, схлестнуться с китайским божком, забредшим в Корею, и опустить его до духа, после чего выбить клятву верности всему роду. Весть о данном деянии в мгновение ока облетела весь мир, ведь теперь Окава — первый в истории род, имеющий в подчинении — отмечу еще раз: в подчинении — целого бога. Да, сейчас этот божок — слабак, каких миллиарды, но ведь когда-нибудь он вернет свою силу, основа-то у него все же божественная. После того случая дядю и стали называть Покорителем. Добавлю еще кое-что — победить того божка теоретически могли еще несколько человек, те самые сильнейшие, а вот сотворить то, что сделал дядя, не смог бы никто. Он крут, однозначно. Но при этом, как я уже говорил, он далеко не самый сильный в схватке с другими магами.

И вот племянником такого человека я и являюсь. С одной стороны — драбл, с другой — дядя у меня сам Окава Ичиро.

Но вернемся к соседям. Вообще получилось забавно — три дома, три социальных класса. Низший класс, средний и высший. Даже не на одной улице, а буквально впритык друг к другу. Справа, как было сказано, жили Хомура. Вот в их доме я бы поселился с удовольствием — нормальный двухэтажный особнячок в традиционном стиле, не то что наш трехэтажный монстр.

В очередные выходные учитель послал меня куда подальше: мол, я иногда и отдыхать должен. Дядя опять свалил в Корею через Старика, забрав с собой Кохану, а я остался один-одинешенек. Не брать же в расчет тэнгу, которого я недолюбливал, паука, который недолюбливал вообще всех, и дзашики-вараши, с которой особо не общаешься, — она, как бы это сказать... слишком малоэмоциональна. Как с роботом говоришь. Не совсем с роботом, но вы поняли. Остается еще Старик, но старик и есть старик. В общем, брожу я весь из себя грустный по дому, и тут бац — в одно из окон второго этажа, выходящее прямо во двор семьи Хомура, заметил интересную картину. Какой-то парень явно старше меня, но все еще из младшей школьной группы, машет во дворе боккэном. К тому моменту я знал, что наши соседи справа — маги, и о том, что слева одна из семей арендаторов тоже относится к магам, но лично я ни с кем еще не встречался. Хотя нет, чету Икеда я видел, когда они к нам заходили, но сына с ними не было. А посещение стариков Хомура я и вовсе пропустил. Теперь же выясняется, что младший Хомура как минимум балуется с мечом. С боккэном, если точнее, но настоящий меч ему никто и не даст. И мне стало очень любопытно — действительно ли он балуется или все же относится к этому серьезно? Ну и похвастаться тем, чем сам владею, тоже хотелось. Владел я, правда, немногим, но ведь умел же что-то! Учитель меня пока не обучал ката^[18], приходилось довольствоваться отработкой стоек, физическими тренировками и тренировкой реакции. И заниматься я этим буду, как сказал учитель, еще долгие годы. Вроде как основы, без которых никуда. То есть понятно, что и другому буду обучаться, но основы останутся со мной на всю жизнь.

Я потянулся к окну, чтобы открыть его, но тут из ниоткуда появилась Коки и, придержав мою руку, покачала головой.

— Защита, — произнесла она непонятно. После чего провела пальцем по стеклу и открыла окно.

Я покосился на двор соседей, а когда снова взглянул на Коки, она уже куда-то пропала. Ну и ладно. Высунувшись в окно, прокричал:

— Эй, привет! — и даже рукой помахал. Благо наши дома стоят почти вплотную, и расстояние между нами было не таким уж и большим.

Черноволосый, как и я, парень, перестал махать боккэном и повернулся в мою сторону. Постоял так пару секунд, после чего поклонился. Признаться, меня это смутило. Он ведь старше, а ведет себя, будто... даже не знаю. Подумав, что перекрикиваться будет не очень вежливо, да и антипафосно, если так можно сказать, спустился на первый этаж, оделся — декабрь как-никак, и вышел из дома. Подойдя к забору, который оказался слишком высоким, позвал дзашики-вараши:

— Кокиримунэ-сан, — после чего пронеслась мысль, что она может не появиться — я ведь не в доме, но обошлось, не пришлось возвращаться, — можешь принести мне стул, а то высокогато? — покосился я смущенно на каменный забор дома Хомура.

Ни у нас, ни у другого соседнего дома никаких заборов не было. Две секунды спустя

передо мной стоял стул — большой, старинный на вид. Я таких и не видел у нас в доме. Подтащив его поближе к забору, забрался, после чего вновь поздоровался с незнакомым парнем.

— Привет, — положил я руки на забор, поскольку теперь он мне был как раз по грудь.

— Приветствую, Окава-сан, — вновь прервался он, еще раз поклонившись.

— Мм... — немного смутился я. — Меня зовут Окава Кеншин, а тебя?

— Хомура Акира, Окава-сан, — дернул он плечом, поправляя спортивную куртку.

— Хомура-кун^[19], давай не так уважительно, — попросил я его, — все-таки я младше.

— Но ты Окава, — ответил он на это.

— И что? — не понял я.

Акира замялся.

— Ладно, Окава-кун, будь по-твоему, — произнес он наконец.

— Слушай, — не удержался я, задав ему интересующий меня вопрос, — а ты и правда занимаешься с мечом или так... интереса ради?

— Я состою в кружке кендо, а когда пойду в среднюю школу, выберу ту, где есть такой же клуб, — произнес он немного важно.

— Круто, а я из кружка кендо ушел, — произнес я в ответ.

— Почему? — спросил он.

— Ну как бы сказать... — не знал я, что на это ответить.

— Если это секрет, то можешь не говорить, — сказал Акира.

О, придумал.

— Просто там ничему толком не учили, а у нас в доме, — огляделся я по сторонам, — обитает тэнгу, которому несколько сотен лет. Вот я и ушел из кружка, чтобы времени больше было. Уж тэнгу-то научит большему.

— Тэнгу — это да, — покивал Акира, — тэнгу — это повод. А мне вот приходится как всем, — взмахнул он боккэном.

— Я в средней школе тоже пойду в клуб кендо, — продолжил я беседу.

— Зачем? — удивился он.

— Как это? — уже я не понял. — Тэнгу — это, конечно, хорошо, но кендо — это кендо, а кендзюцу^[20] — это кендзюцу. Говорю же, просто в нашей школе вообще ничему почти не учат.

— Тебе повезло, Окава-кун. В магическом мире кендо, даже самый высокий ранг, — это лишь первая ступенька, а настоящее боевое кендзюцу — это уже иной уровень.

— Все равно не понимаю, — помотал я головой. — Если тебе нужна сила, возьми пистолет.

— Думаешь, пистолет поможет в настоящей схватке с магом?

— А меч, думаешь, лучше? — не сдавался я.

— Теперь я ничего не понимаю, — похлопал глазами Акира. — С пистолетом не существует никаких магических техник. Если это не артефакт, конечно, но тогда тебе и техники не нужны.

— А-а-а, понял, — протянул я. — Но я драбл, Хомура-кун, мне все равно, меч или пистолет. Точнее, меч мне нравится больше.

— Драбл? — произнес он тихо. Так, что я его едва расслышал.

— Ага, недомаг, — подтвердил я спокойно.

Мне было плевать на это, я стремился не к магии, а к Воле.

— Это... — замялся Акира, — ты прости, если что.

— Да не важно, — отмахнулся я. — Мне как-то все равно.

В целом мне понравился Акира. Он, конечно, немного важничал, фразы строил повзрослому, но при этом был свойским парнем. От другого десятилетнего мальчишки можно было ожидать и худшего. Про возраст он даже не упомянул ни разу, именно я спросил, сколько ему лет, а когда он узнал, сколько мне, отношение его ничуть не изменилось. Все-таки одинаковые увлечения сближают.

Как я выяснил уже позже, Акира хотел изучить фехтование, чтобы впоследствии стать магическим мечником, то есть техники и заклинания он собирался создавать сам. Немного самоуверенно, на взрослый взгляд, но парню-то было всего десять. Да и родня его поддержала — магической силой и мозгами его природа не обидела, так что, если выйдет хоть что-то, семья получит в руки еще немного знаний. Хотя и запасной плацдарм они наверняка подготовили.

Со вторым своим соседом я познакомился спустя полтора месяца, и произошло это по трагическому стечению обстоятельств. Я тогда с воплями бегал по дому с мечом, подаренным мне дядей еще в первый день моего сюда заселения, пытаюсь найти Куфу. Этот... нехороший тэнгу сожрал все пирожные, привезенные мне дядей аж из Франции, и коварно не хотел получить за это по заслугам. В какой-то момент, когда я искал его на первом этаже, во входную дверь постучали. Я еще удивился — есть же звонок, но все же решил узнать, кто там к нам пожаловал. Этим, как правило, занимается Кохана, но раз уж я рядом... Когда начал открывать дверь, заметил стоящую рядом юки-онну, но не отходить же теперь в сторону. За дверью стоял продрогший парень, примерно мой ровесник, светлые волосы, что для нашей страны редкость, темные штаны, легкая куртка. Уже позднее я узнал, что перед нашей дверью он стоял долго, не решаясь постучаться, а на дворе, напомним, январь. Мы, конечно, не в холодной России живем, но и у нас зима — это зима. До звонка он, оказывается, банально не дотягивался. Я, кстати, тоже, но мне на это было плевать, так как для меня дверь всегда была открыта.

— Я... — начал он. — Можно... с Окава-саном... я... — и неожиданно поклонившись в пояс, чуть не плача, быстро произнес: — Пожалуйста, можно мне поговорить с Окава-саном?

— Конечно, — произнес я, отходя чуть в сторону, — проходи.

Сделал это на автомате, а вот Кохана вряд ли впустила бы его в дом, пришлось бы ждать дядю. Впрочем, юки-онна даже не пикнула, видимо, не посчитала парня угрозой. Дядю дожидаться не стал, а сразу проводил гостя на кухню — там и горячий чай можно найти, там и дядя предпочитает вести серьезные разговоры. Так как мальчишка я не знал, начал делать чай сам. Не показывать же постороннему дзашики-вараши? Только вот я, как и дядя, совершенно не разбирался, что и где лежит, так что, когда пришел дядя Ичиро, я все еще был в поиске. Благо, пришел он быстро.

— Коки, — раздался его голос за спиной, — сделай нам всем чай.

Я удивленно повернулся в сторону дяди, заметив, как Коки уже начала быстро перемещаться по кухне. Знаете, есть в этом какой-то стиль.

— Здравствуйте, Окава-сан, — подскочил со стула парень, лишь пару раз покосившись на дзашики-вараши. — Меня зовут Икеда Такеши, я сын Икеда Ичиро...

— Я знаю, малыш, — остановил его дядя. — Садись. Сейчас будет чай, а потом и разговор.

Чай появился быстро, но горячий, а ждать Такеши не мог, поэтому начал сразу, как

только приложил ладони к чашке.

Как выяснилось, в городе появился какой-то гаденыш, который с начала января стал охотиться на близких родственников полицейских, работающих в специальном отделе по делам магических преступлений. В том самом секретном отделе полиции. И так получилось, что мать Такеши оказалась в числе первых жертв. Ушла с работы, а до дому не добралась. Тело нашли спустя пару дней.

Икеда-старший после этого как с цепи сорвался — сына запер дома, все время пропадал на работе, а когда все же возвращался, вид имел крайне изможденный. Но при этом всегда, каждый день по несколько раз, звонил домой и хоть немного, но общался с сыном. До вчерашнего дня. Последний раз позвонил ближе к обеду, и с тех пор о нем ни слуху ни духу. На работе никто трубку не поднимает и Такеши уверен, что с отцом что-то случилось. Да вот беда — идти за помощью ему просто некуда. Обычный ребенок, скорей всего, и не пошел бы, а вот он рискнул. Отец пару раз говорил, что в доме по соседству живут могущественный маг с племянником и чтобы он лишней раз с ними не пересекался, но когда тревога достигла своего пика, Такеши решил. Долго мялся у двери, но все же постучал.

Сочувствовать ему я начал еще с упоминания о матери, а когда он закончил свою историю и, вскочив, бухнулся на колени, я непроизвольно посмотрел на дядю. Дядя Ичиро крут. Он лучший маг этого мира, что бы он там ни говорил. Я знал, что уж дядя-то точно сможет помочь Такеши. А сам дядя... Знаете, гораздо позже, но далеко не один раз я задумывался о том, а помог бы он Такеши, не будь в тот момент рядом меня? В его кварталах никаких преступлений не было. Маньяк у нас не появлялся, уж за чем за чем, а за территорией, которую маги считают своей, они следят крепко. Случись хоть одно такое преступление в одном из кварталов, которые дядя считает своими, за преступником тут же начал бы охоту сам Покоритель, но... Но за всем остальным, за тем, что не входит в зону влияния, следить должен тот, кто считается хозяином там. В данном случае — государство. Само правительство не против такого подхода к делу, маги не претендуют на их права. Никаких поборов или налогов, никаких непонятных законов, да и к самой территории маги относятся своеобразно — сорваться с места и переехать в другое, сняв свое покровительство с прежнего, им раз плюнуть. Фактически маги относятся к земле как к своему дому, в котором все должно быть чисто и спокойно. Да и власть они в основном распространяют именно на магическую часть мира. Вообще, тема запутанная, несмотря на внешнюю простоту.

Так что да, вопрос до сих пор остается открытым — а помог бы дядя Такеши, если бы рядом не было меня? Или отговорился бы, благо причин можно найти кучу? Но в любом случае нашему гостю повезло — вне зависимости от причины Покоритель решил помочь ребенку.

— Я ничего не обещаю, Такеши-кун, возможно, уже поздно что-то делать, но я выполню твою просьбу и, если смогу, спасу твоего отца. А теперь... Кен-чан, проводи Такеши-куна в гостиную и побудь с ним какое-то время.

— Хорошо, дядя Ичиро. Пойдем, Икеда-кун. Кохана-сан, не могла бы ты принести нам чего-нибудь, — покосился я на так и нетронутую чашку Такеши, — горячего.

— Будет сделано, молодой господин, — поклонилась юки-онна, стоявшая все это время чуть в стороне.

А дядя на мои слова только одобрительно кивнул.

На то, чтобы выяснить, кто, что, куда и почему, дяде потребовалось всего несколько

часов. Уже утром старший Икеда обнимал плачущего сына у нас на кухне. Его дядя, кстати, сумел спасти буквально в последнюю секунду, прервав, точнее даже — не дав сработать какому-то кровавому ритуалу. Прямо как в боевиках по телевизору. Я в основном такие дорамы^[21] и смотрю. Редко в последнее время, но бывает.

Что удивительно, оба Ичиро умудрились сдружиться. Не сразу, конечно, не за одну встречу, но она явно была толчком к их сближению. Сошлись два одиночества, так сказать. Отец-одиночка и дядя... по сути тот же отец-одиночка. А удивительно это было из-за разницы в их положении. Это как если бы какой-нибудь даймё^[22] эпохи Эдо подружился с крестьянином. Высшая сословная ступенька и нижняя, а между ними — пропасть. Но тогда мне это не казалось странным, наоборот — почему бы и нет? В конце концов, один из них спас жизнь другому — чем не основа для дружбы? В аниме такое сплошь и рядом.

Через два месяца я пошел в следующий класс. За это время мы неплохо сошлись с Акирой и присоединившимся к нам Такеши. Насколько это вообще возможно с моим плотным графиком. Общался с ними я в основном по выходным, когда учитель выделял свободное время. Как он говорил, я взял слишком высокий темп, но это неплохо, если давать себе отдых. А ведь мне еще надо было хорошо учиться. Это нужно было именно мне, а не как обычно — учителям и родителям. Мама говорила, что мужчина должен быть умным. Чистым, умным и немного пафосным. С последним у меня, кажется, начинает получаться. Во всяком случае, отношение в классе изменилось, некоторые, даже не особо знакомые ребята стали обращаться более уважительно. А всего-то и нужно было — правильная осанка, спокойствие и неспешность. Я все еще учился быть пафосным, но первый результат уже был виден.

Налицо был и прогресс в моих занятиях по фехтованию. Мышцы уже давно не болели, движения отработаны до автоматизма, выдыхался я меньше. Даже по сравнению с занятиями у тэнгу учитель с ходу задал такую планку, что я еще долго не мог выполнить его нормативы, которые он до сих пор поднимает, но теперь я уже легче это переношу. Начал учить ката — эталонные движения в боевом искусстве, формирующиеся в итоге в ту или иную технику. Если вникнуть в смысл слова «ката», то понимаешь, что это идеальное название. Не «прием», не «движение», а «литейная форма». Всего в стиле «Кен-но-иши» больше пятидесяти ката, и, как сказал учитель, я выучу их все. И отработаю до уровня рефлексов. Но на практике, в бою, используется от пяти до пятнадцати ката, и именно эти пятнадцать основных «литейных форм» я и буду отрабатывать в первую очередь. Помимо этого — еще пять ката, которые мне могут пригодиться в моем мире, где Волей я пользоваться должен... аккуратно.

Глядя на нас с Акирой, к мечу пристрастился и Такеши, хотя поначалу относился к этому скептически — отец ему не раз говорил, что боевые заклинания и техники не главное в этом мире, а вот бытовые и ремесленные надо собирать где только можно. Однако Акира как-то популярно разъяснил, что если твои техники не просто боевые, а суперразрушительные, то все остальное придет само собой. Правда, умолчал о том, что до суперразрушительных, если не останавливаться в развитии, смогут добраться в лучшем случае его внуки, а на деле — праправнуки. Но тут все понятно — Акира не пытался что-то скрыть, просто в его семье уже успел укорениться менталитет долгосрочного развития, и он все переводил именно на эти рельсы. В конкретном случае он и не рассчитывал добиться на своем пути каких-то выдающихся результатов, его целью было заложить основу для своих детей и внуков. И это уже в десять лет, заметьте. Такеши был более практичен, считая: если

не можешь чего-то достигнуть, то лучше сконцентрироваться на чем-то попроще. Осознал ситуацию он лишь через несколько лет, но к тому времени бросать все стало как-то обидно. Ну и стоит упомянуть, что когда мы проводили время вместе, то делали это дома у Акиры, так как у Такеши не было свободного места, а у меня оба друга сильно напрягались. Как сказал Акира: если долго там находиться, дом начинал «давить» на них. Я этого не понимал и постоянно раздражался, когда заходила об этом речь. Ведь насколько было бы круче заниматься в моем тренировочном зале.

А девятого апреля, на третий день после начала учебного года, у дяди Ичиро наступил день рождения. Ему исполнилось двадцать восемь лет. Для меня тогда что двадцать восемь, что тридцать восемь особой роли не играло, но сейчас я понимаю, насколько он был молод. Ведь когда я родился, ему было всего девятнадцать. То есть поясню мысль: взять меня на воспитание — это нормально, в двадцать восемь лет вполне можно. Но дело в том, что к своим годам он уже был одним из известнейших магов мира. Получается, он прошел путь от никому не известного мага до одного из выдающихся за... от силы, лет за десять. Сомневаюсь, что до этого он чем-то выделялся. Даже учителю потребовалось две сотни лет, чтобы о нем заговорили. Хотя там ни самолетов, ни телефонов, ни Интернета нет, так что вопрос спорный, но лично я думаю, что дядя в этом плане покруче учителя будет.

Изначально дядя Ичиро не хотел отмечать праздник, ведь в этом случае пришлось бы приглашать гостей, дабы не обидеть... общество. И тут одно из двух — либо оставить меня дома и пойти праздновать в родовой особняк, либо взять меня с собой. В первом случае это будет выглядеть некрасиво по отношению ко мне, во втором — я должен буду окунуться в высшее магическое общество. Я, драбл, — в высшем магическом обществе. Как минимум он боялся, что неспособность колдовать там, где все поголовно маги, и подчас могущественные, сильно испортит мне настроение. Мол, я могу почувствовать себя отбросом. Ну а как максимум — маги могут и сами не сдержаться и показать свое ко мне отношение. Конечно, травить племянника именинника никто бы не стал, но именно показать отношение очень даже могли. Особенно учитывая, что находиться рядом постоянно он просто не сможет.

Но мне было любопытно. Целая куча магов в одном месте, и не где-нибудь, а на дне рождения моего крутейшего дяди. В общем, он сдался. Я пообещал сильно обидеться, и он сдался. Наверное, дядя даже пожалел под конец разговора, что решил со мной посоветоваться, но, как по мне, он тогда себя просто накручивал. Выбрал бы другой вариант, и накрутка пошла бы по другой причине.

Сам прием в честь дня рождения должен был проходить вечером, так что отпрашиваться пришлось только у учителя, а вот школьный табель посещаемости остался цел и невредим. Не хотелось бы пятнать его с самого начала учебного года. Друзья на новость лишь завистливо повздыхали, в их представлении — как и в моем, к слову, — праздник такого уровня просто обязан быть грандиозным. Высшее общество как-никак! К которому я себя не относил, отчего Акира только головой качал. Для него мое мнение по этому вопросу всегда было вторично. С Такеши в этом плане сложнее — он вроде и не показывал виду, что его это волнует, но на моей памяти он со мной ни разу не спорил, в отличие от того же Акиры. И всегда был на моей стороне, из-за чего младший Хомура часто бесился. Что ж, его можно понять. Когда тебе в лицо говорят: «Я ничего не понимаю, но Кеншин прав», — это реально должно бесить.

В особняк главы рода Окава мы попали при помощи Старика. Один шаг — и ты на солнечной Окинаве. Сам дом находился в уединенном месте на юге острова и представлял

собой классический синдэн-дзукури — «спально-дворцовый» стиль периода Хэйан. Огромный комплекс строений, связанных между собой переходами, во дворе — большое озеро с островками, между которыми перекинута мостики. Правда, тогда мне на название стиля и особенности архитектуры было плевать, но то, что в аниме вновь не соврали и аристократы реально живут в таких домах, я для себя отметил.

— А сейчас соберись, Кен-чан. Включи свой пафосный видок и покажи всем, что тебя ничем не удивить, — произнес дядя, когда мы вышли из зеркала и остановились в какой-то огромной комнате. — Сейчас я познакомлю тебя с дедом, они с твоей мамой, как ты знаешь, расстались не в лучших отношениях, так что приготовься к придишкам. И помни — что бы ни случилось, кто бы что ни говорил, я всегда буду на твоей стороне. Не подведи меня.

— Твой племянник лучший, дядя Ичиро, — расправил я плечи и приподнял голову. — Тебе не придется стыдиться.

— Я знаю, малыш. Я знаю.

Пока дядя меня куда-то вел, я осматривал дом и удивлялся, что здесь живут лишь отец дяди и его мать — слишком много пространства для двух человек. Дедом я местного хозяина не считал — после рассказа дяди Ичиро о том, как маму выгнали из дома, теплых чувств к нему у меня не было. Думаю, дядя и не стал бы рассказывать, но учитель как-то раз решил уточнить — а знаю ли я почему... Видимо, именно он потребовал у дяди прояснить мне ситуацию, а иначе не факт, что я дождался бы объяснений. При этом, упоминая своего отца, дядя постоянно делал упор на то, что он мой дед, так что, сдаётся мне, надежды помирить нас он не терял.

Меня поначалу удивило, что по пути нам никто из людей не встретился, но дядя пояснил, что мы пришли сюда за два часа до назначенного срока, поэтому никого из гостей еще не было. Я не терял времени, незаметно разглядывая дом его отца. Повторюсь, он был слишком большим. Боюсь представить, сколько тут туалетов, а их количество у меня почему-то ассоциировалось с аристократической чванливостью. Один — нормально, два — еще туда-сюда, но вот больше — уже показуха. А уж сколько здесь было духов... и я еще считал, что у нас их много. Здесь присутствовали ёкаи всех форм и размеров — от маленьких прозрачных пузырей, стаями летающих по дому, до чего-то по-настоящему огромного, мелькнувшего в окне. Особенно меня впечатлил звероподобный тип, прохаживающийся по коридору и держащий на плече огромную бензопилу.

Нет, здесь я точно не хотел бы жить.

Отца дяди мы нашли в каком-то огромном зале, который был заставлен скульптурами людей и различных чудовищ.

— Здравствуй, отец, — произнес дядя, когда мы подошли к старику.

Он тут был совершенно один и при нашем приближении даже не повернулся, рассматривая статую двухметровой медузы, которая, казалось, вот-вот оживет и проглотит старика своей раскрытой пастью.

Бросив на нас взгляд, он вновь отвернулся к статуе, одновременно с этим бросив:

— Ну здравствуй. Зачем драбла с собой притащил?

— Потому что он мой племянник, — ответил дядя спокойно.

— И драбл, — бросил через плечо старик.

— Это не имеет значения, — произнес дядя.

— Очень даже имеет, — все же развернулся к нам отец дяди. Точнее — к нему. Меня он игнорировал. — Я могу многое сказать по этому поводу, — продолжил старик, — но если ты такой сентиментальный, лучше подумал бы о том, каково ему здесь будет.

— Пусть только попробуют обидеть Кеншина, — поджал дядя губы.

— Обидеть... — повторил за ним старик, словно пробуя слово на вкус. — Забавное определение. А ты доказать-то сможешь, что его обидели?

А вот на это дядя не ответил. Лично я не понял, как возможно обидеть так, что этого нельзя будет доказать, но они взрослые — им виднее.

— Не поприветствуешь собственного внука? — решил сменить тему дядя.

— А нужно ли? — глянул на меня старик лениво и, переведя взгляд на дядю, продолжил: — Никчемный сын глупой дочери. Скажи спасибо, что я не выкинул его из своего дома.

Вот честно, я обиделся. Не стоило ему трогать маму.

— У меня есть дядя, а кто есть у тебя? — спросил я по возможности спокойно.

— Кеншин, — остановил меня дядя Ичиро и бросил отцу: — Мальчик прав, этак ты скоро и без сына останешься.

— Какие мы суровые, — усмехнулся старик. — Идите, — махнул он рукой, отворачиваясь, и добавил напоследок: — Если бы не ты, мальчишка, у меня и сын был бы сыном, и дочь бы никуда не ушла.

— Не перегибай палку, отец, — произнес сурово дядя. — Пойдем, Кен-чан. Пусть этот старикашка и дальше тут пылится.

Когда мы вышли из зала, я виновато произнес:

— Простите, дядя Ичиро, я правда не хотел влезать в разговор, но он...

— Забудь, — прервал меня он. — Не стоило вообще тебя к нему вести. И на что я только надеялся? — спросил он сам себя. — Ладно, пойдем лучше переоденемся к празднику.

Одели меня по всем канонам японского праздничного этикета — два слоя кимоно, штаны-хакама, халат-хаори, на поясе — белый помпон под названием хаори-химо, двухпальцевые носки — таби, ну и сандалии-зори. Все — серо-белого цвета. Еще и тяжеленный веер в руки сунули. Выглядел я в таком наряде, по моему скромному мнению, весьма представительно, даже несмотря на возраст. И дядя это подтвердил.

— А тебе идет, — покивал он, осматривая меня. — Все девчонки сегодня твои.

— А зачем они мне? — удивился я.

— Мм... — не нашелся что ответить дядя. — Властвовать и доминировать? — пробормотал он тихо. — Ладно, проехали. Пойдем, познакомлю тебя с бабушкой. Она в отличие от деда всегда была на твоей с мамой стороне. Стоп, чуть не забыл, — замер он на секунду. После чего, подойдя к одному из множества столиков той комнаты, где меня одевали, достал что-то из шкапулки. — Вот, — прикрепил он к моему уху клипсу. — Этот артефакт позволит тебе понимать любой из существующих языков, кроме магических. А если у другого человека есть такой же артефакт, то вы и общаться сможете. Но я удивлюсь, если у кого-то из гостей не будет чего-то подобного.

Пожилую женщину в красно-белом кимоно, которой, как я позже узнал, недавно стукнуло пятьдесят четыре года, мы нашли на одном из островков местного озера, где она украшала беседку. Не лично, как вы понимаете, с помощью какой-то безликой тени. Впрочем, заметив наше приближение, она не стала дожидаться, пока мы подойдем, а пошла навстречу, так что встретились мы посреди небольшого моста.

— Ичиро, — обняла она дядю, — как же я соскучилась.

— Мы же вчера виделись, — усмехнулся на это дядя.

— Эх вы, мужчины, не понимаете материнского сердца, — покачала та головой. — А это, значит, маленький Кеншин? — спросила она, глядя на меня с улыбкой. — Какой же ты красавчик! — приобняла она меня, слегка наклонившись.

— Здравствуйте, Чинатсу-сан, — поклонился я, когда меня наконец отпустили.

— Ох, какой вежливый малыш, — приложила она ладонь к щеке.

— А я вас помню, — произнес я неожиданно даже для самого себя. — Вы приходили к маме два года назад.

Почти сразу после того, как я впервые познакомился с учителем. Улыбка женщины стала немного грустной после моих слов, и, проведя рукой по моим волосам, она произнесла:

— Прости, что приходила так редко.

Я, честно говоря, помню только про один раз, но дядя вон тоже говорил, что часто навещал нас раньше. И еще одно — Чинатсу-сан была очень похожа на маму. Да, старше, но даже так эта «похожесть» меня сильно смущала.

— Не грустите, Чинатсу-сан, — улыбнулся я ей. — Вы слишком похожи на маму, а она никогда не грустила.

Сначала она прикрыла глаза, потом поднесла к ним руку, глубоко вздохнула и, вновь посмотрев на меня, сказала:

— Ты прав, Кен-чан, оставим грусть на потом, ведь сегодня у нас праздник.

— Дети... — раздалось чуть сбоку от нас. Я от неожиданности чуть не подпрыгнул. — Всегда поражался их влиянию на взрослых.

— Не подкрадывайся, Кёсахан, — приложила руку к груди Чинатсу-сан, — у меня чуть сердце не остановилось.

Появившийся мужчина был откровенно странным. Крупный, в китайском ципао^[23], с волосами цвета золота, которые стояли торчком, словно шипы. Завершали композицию черные очки как у слепых.

— За столетия, что я тут обитаю, Чи-тян, у меня сложилось устойчивое мнение — дети слишком раздражающие существа, чтобы беспечно перемещаться у них на глазах.

После его слов и дядя, и даже Чинатсу-сан немного засмутились.

— Ты просто слишком добрый, Кёсахан, — решила ответить Чинатсу-сан. — Кстати, знакомься — мой внук Кеншин.

— Приятно познакомиться, Кёсахан-сан, — поклонился я.

А когда разогнулся, он стоял вплотную ко мне. Наверное, только опыт долгого сокрытия своей способности видеть духов позволил мне не отшатнуться от неожиданности.

— Знакомый запах, — произнес он, поведя головой и слегка наклонившись ко мне. — Или не запах... О-о-о! Вспомнил! — выпрямился Кёсахан и, посмотрев сначала на Чинатсу-сан, а потом на дядю, продолжил: — До того как попасть в этот мир, я обитал в другом. Именно там я перешагнул ступень развития, став великим духом. — Он дух? Я был удивлен. Но после того как он медленно снял очки, за которыми прятал не имеющие зрачков слегка светившиеся золотые глаза, пришлось признать, что это похоже на правду. И, черт возьми, он сказал — великий дух?! — В том мире обитают воистину могущественные маги, не то что здесь, но это и понятно, учитывая, с какими монстрами в человеческом обличье им приходится иметь дело, — и, вновь глянув на меня, усмехнулся: — Похоже, сын Ханы-тян все-таки может попасть под выбор.

— Нет! — воскликнули дядя и Чинатсу-сан одновременно.

— Это не остановить, — продолжал усмехаться Кёсахан-сан. — Сама реальность трещит вокруг парня. Даже если вы запрете его в подвале, это лишь ускорит развитие Кеншина.

— Да о чем ты вообще говоришь?! — громко спросила Чинатсу-сан и, повернувшись к дяде, спросила: — Ичиро, ты понимаешь, о чем он?

— Я тебе потом расскажу, мам, — ответил он, не отрывая взгляда от Кёсахана-сана.

— Не волнуйся, — произнес тот, глядя на него, — я не собираюсь трепаться об этом. Думаю, даже твоему отцу лучше ничего не знать. Но потом... потом ты мне обязательно расскажешь, как же так получилось, что в этом мире появился адепт Воли.

— Расскажу, — вздохнул дядя, расслабляясь. — Куда же я денусь.

— Раньше, — перевел на меня взгляд Кёсахан-сан, — я был слишком слаб, чтобы сойтись с такими, как ты, в бою, но теперь... С нетерпением жду, когда ты достигнешь предела в своем развитии.

— Кёсахан... — произнес угрожающе дядя.

Я не совсем понял, что сейчас происходило. Нет, я совсем не понял. Но вот то, что этот дядька бросил мне вызов, до меня дошло.

— У меня нет предела, Кёсахан-сан, — ответил я, глядя ему в глаза.

Ведь учитель тоже всегда хвалится, что нет предела его совершенству, так чем я хуже?

— Ха? Ха-ха-ха! — засмеялся великий дух. — Ха-ха-ха... ох, не могу, — покачал он головой, все еще посмеиваясь. — Предел есть у всего, дитя. Запомни это.

А вот на этот счет у учителя вполне четкая позиция.

— Кроме человека, — ответил я все так же серьезно. — Если он найдет свой путь.

Улыбка с лица Кёсахана-сана исчезла очень быстро. Просто раз — и нет ее.

— Вот и посмотрим, — бросил он, поднимаясь в воздух, где просто растворился, превратившись в дым.

Целое облако дыма. Огромное облако дыма, из которого появился такой же огромный дракон золотого цвета. Китайский, с пушистой кисточкой на кончике длинного хвоста. Сделав над нами пару кругов, он полетел куда-то по своим делам, постепенно растворяясь в воздухе.

— Круто... — произнес я с поднятой головой.

— Ну, теперь мне скажут, о чем говорил Кёсахан? — спросила строго Чинатсу-сан.

— Нет, — ответил дядя Ичиро. — Это дракон может закрыть нас от подслушивания, а я на такое не способен.

— Да кто нас здесь подслушает? — удивилась Чинатсу-сан.

— Да вон хотя бы тот дух, — кивнул дядя на ту самую тень, которой управляла Чинатсу-сан до нашего прихода.

— Да? — добавила она скепсиса в голос. — И кому же он...

— Отцу, — прервал ее дядя Ичиро.

Чинатсу-сан хотела что-то ответить, но все же промолчала. Я на все это реагировал наплевательски — если дяде хочется поиграть в секретность, пусть делает что ему угодно, мне же был интересен именно дракон.

— Дядя Ичиро, а это правда был великий дух?

— Правда, — ответил он мне. — Пойдемте лучше во двор, а то скоро уже начнут гости прибывать.

Когда появились первые гости, дядя оставил меня с местной дзашики-вараши, приятной молодой женщиной лет двадцати на вид. Доброй. Кокиримунэ-сан — молчаливая, сестры в корейском доме дяди — веселые и общительные, а Тетте-сан — добрая. Я весьма удивился, когда узнал, что она была стара уже во времена своей привязки к поместью Окава, а это, на секундочку, шестьсот лет назад случилось. Очень старая — и очень могущественная в своем месте силы. То есть здесь.

— Вы нравитесь духам, молодой господин, — произнесла она с улыбкой, после того как отогнала от меня какого-то летающего змея с крылышками.

Вот уж никогда не замечал.

Когда начали прибывать гости, мы с Тетте-сан находились на заднем дворе поместья, куда все и проходили, после того как перекинутся парой фраз с дядей, встречавшим их на

входе. В передвижениях меня никто не ограничивал, хоть я и не стремился побывать в каждом уголке. В основном, конечно, из-за отца дяди Ичиро. Несмотря на предоставленную мне свободу, Тетте-сан все время была рядом. Именно она и устроила мне нормальную экскурсию по особняку и его территории, рассказав о нем много интересных историй. Но больше всего меня тогда впечатлила история того самого зала со статуями, где мы разговаривали с отцом дяди. Оказывается, все эти каменюки когда-то были настоящими ёкаями, но все в какой-то момент перешли дорогу Окава-сану. Ну или технически правильно было бы сказать — он им перешел дорогу. Отец дяди даже прозвище получил — Скульптор, а за достижения в защите страны от свихнувшихся ёкаев Окава-сан был удостоен приглашения на день рождения императора Акихито. Круто... но мне он все равно не нравится.

Когда мы с Тетте-сан вернулись на задний двор особняка, я понял, что не зря сюда напросился. Дзашики-вараши таскала меня по поместью долго, чтобы какая-то часть гостей успела приехать и собраться в одном месте. И пусть это были пока еще не все гости, но уже такое количество магов выглядело круто. В кой-то веки я лицезрел перед собой сказку, которой может стать магия, а не банальную обыденность, витающую у нас дома. Я видел джинна, точно как в одном американском мультике, красного, в тюрбане и с дымом вместо ног. Я видел женское платье, которое, плавно перетекая, меняет свой фасон. Я видел своих ровесников, которые с воплями перемещались между гостей, как Кокиримунэ-сан на кухне. Чего я только не увидел, оказавшись на заднем дворе поместья Окава. Но затмевал всех огромный золотой дракон, лениво парящий над нашими головами.

— Вы голодны, молодой господин? — спросила меня Тетте-сан.

— Немного, — признался я. — А еще пить хочется.

— В таком случае пойдете — для этого праздника Окава-сама призвал множество духов, специализирующихся на приготовлении еды.

— А я думал, что этим занимаетесь вы, Тетте-сан, — признался я по пути.

— О нет, — улыбнулась она в ответ, — моих умений не хватит на приготовление достойных блюд для события такого уровня. Скажу вам по секрету, дзашики-вараши вообще в этом не сильны. Кое-какого опыта я набралась за годы жизни, но даже среди простых людей найдутся повара, способные меня превзойти.

Пока шли, глаза цеплялись за новые чудеса — две девушки, одна из которых — с настоящими кошачьими ушками, а сзади — два пушистых лисьих хвоста. Или старик, пальцы которого в мгновение ока превратились в лезвия. Или пронесшийся мимо парень, сидящий на облаке. Вокруг было столько всего, что у меня глаза разбежались, а голова, казалось, отвалится от частого кручения.

Не помню, сколько прошло времени, прежде чем дядя нас нашел, но соскучиться я не успел, так что вряд ли много. Пришел он не один, а с какой-то девочкой лет двенадцати-тринадцати. Одета она была в нечто, похожее на традиционную корейскую одежду, к тому же ханбок, так что были у меня подозрения, что она не японка. Да и лицо какое-то не японское... но приятное, это да.

— Не скучал? — спросил подошедший дядя. — Хочу познакомить тебя с этой прелестной девочкой, — на что упомянутая девочка не изменилась в лице, но румянец на щеках появился. — Даан Мин Мэй — яркий цветок клана Даан. А это, — обратился он уже к девочке, — мой любимый племянник, Окава Кеншин, о котором я тебе рассказывал.

— Приятно познакомиться, Даан-сан, — поклонился я ей.

Она, кстати, даже не дернулась изобразить хоть какой-нибудь поклон. Бескультурная

какая-то. Они там все такие, в Корее?

— Ну что ж, мне надо идти, ты присмотришь за Кен-чаном?

— Я ведь уже согласилась, Окава-сан, — ответила девочка. — Зачем спрашивать второй раз?

— Вот и отлично, — улыбнулся дядя. — Не скучайте, найду вас, как только освобожусь. Первое, что спросила Даан, когда дядя отошел подальше, было:

— Ты и правда драбл?

— Ну да, — пожал я плечами.

— Эх, — вздохнула она, — а я думала, он просто шутит. Ты хоть понимаешь, насколько потрясающий Окава-сан? И он мог бы добиться еще большего, если бы ты не ограничивал его.

— Что? — не понял я.

— Ему приходится выделять время и ресурсы на заботу о тебе. Смог бы он добыть своему роду настоящее божество, если бы нянчился с тобой? Да он бы даже не оказался в тот раз в нужном месте, сидя вместе с тобой в этой вашей Японии.

— Ты мне не нравишься, — определился я наконец с тем, что сейчас чувствовал.

— Ха! Ты мне, знаешь ли, тоже! — задрала она нос. — Идем, покажу тебе, чего ты никогда не добьешься.

А дальше меня водили среди гостей и рассказывали, кто на что горазд, не забывая напоминать, что драблу вроде меня никогда не достигнуть подобного. Но тут ведь такое дело... мне и не нужно ничего из этого. Проще говоря, для меня провели интереснейшую экскурсию в мир магии и крутых спецэффектов. Да ради этого я сюда и пришел! Я даже решил ей простить пренебрежительное отношение к нашей стране — в конце концов, она тоже ребенок, да еще и девчонка.

Познакомила она меня и с другими детьми. После третьего такого знакомства я понял, что дети магов мне не нравятся. Все они, узнав, что я драбл, превращались в задавак. А один парень даже поинтересовался, что на этом празднике делает низшее существо. Это было обидно, но победить его за один удар у меня не вышло бы, так что пришлось лишь хмуриться. Вообще я сильно пожалел в тот момент о желании дяди скрыть мою учебу у великого мастера.

— Низшее существо здесь только ты, — неожиданно для меня ответила тому парню Даан, — а это племянник Окава-сана.

— Да я... — вскинулся парень. — Да он всего лишь драбл, что ты его защищаешь?

— Он драбл, а ты — низшее существо, пошел прочь отсюда, — ответила она зло.

Лично я после таких слов точно не сдержался бы, а парень насупился и ушел.

— Круто ты его, — сказал я, когда тот удалился.

— Слабак, — процедила Даан. — Все вы, парни, слабаки.

А вот это было обидно. Я совершенно спокойно отношусь к тому, что недомаг. Плевать на магию. Но к обвинению в слабости с раннего детства относился крайне негативно.

— Я не слабак, — произнес я по возможности спокойно.

— Ты вообще драбл, — ответила она на это. — Если бы не просьба Окава-сана, я бы и слова тому придурку не сказала.

Я в тот момент испытывал двойственные чувства. С одной стороны, я был обижен и жаждал ссоры, а с другой — она показала и рассказала много чего интересного, да и заступилась, как ни крути.

— Все-таки ты мне не нравишься.

— Да мне плевать, — отмахнулась она.

— Да? — пришла мне в голову мысль. — То есть если я пожалуюсь дяде, тебе тоже будет плевать?

— Ябеда, — ответила она тут же, кажется, немного испуганно.

— Обижать младших тоже плохо, но ведь ты обижаешь.

— Ты... — поджала она губы. — Ладно, я приношу извинения за свои слова, но вы, парни, все равно слабаки, — отвернулась она от меня.

И опять она поставила меня в тупик — извинилась и оскорбила одновременно. Как на это реагировать-то?

— Ты просто старше, — произнес я. — Когда я вырасту, все изменится.

— Старше, младше — это просто отговорки, — скорчила она презрительную мину. — А лично ты вообще ни одного мага одолеть не сможешь, что уж про меня говорить.

— Это сейчас, — не сдавался я. — Вот увидишь, когда вырасту, стану самым сильным в мире.

За эти слова я удостоился еще одного презрительного взгляда.

— Если когда-нибудь сможешь победить меня, то гениальная Даан Мин Мэй выйдет за тебя замуж!

— Что? — удивился я ее словам. — Не нужна мне жена!

— У тебя, слабака, ее и не будет, — ответила Даан. — А уж меня тебе в жизни не победить!

Разнял нас незаметно подошедший дядя.

— Неужто маленькая Мин Мэй уже раздумывает над замужеством?

— Нет! — прыжком на месте развернулась она к дяде Ичиро. — То есть да, но не сейчас. И не за него, — указала она на меня пальцем. — И я не маленькая, мне тринадцать!

— Ладно, ладно, ты взрослая, — улыбнулся дядя. — Как вы тут, не скучали? Остались еще силы на безумства?

— Я совершенно не устала, — опять задрала она нос.

Я только плечами пожал. Прошедший день не идет ни в какое сравнение с моими ежедневными физическими тренировками.

— В таком случае, — чуть тише произнес дядя, — что вы думаете насчет того, чтобы поохотиться на великого духа?

— Хочу! — подступила к нему ближе Даан.

— Кен-чан?

— А Кёсахан-сан не против?

— Э... — замер дядя. — Конечно, против, но ведь потому это и охота.

— Ну-у-у... — протянула Даан. — Я-то думала, мы на дикого духа будем охотиться.

— Хех, ты главное им про «дикого» не говори, — усмехнулся дядя Ичиро.

— Ну... я это... не домашнего имела в виду.

— Ох, Мин Мэй, — приложил дядя руку ко лбу, — лучше вообще ничего не говори.

В общем, на «охоту» мы все-таки отправились, прихватив по пути еще нескольких детей. Меня эта беготня не впечатлила, да и не горел я желанием играть с великим духом — считайте, что я на него был обижен, ведь он посмел усомниться в том, что нет предела в развитии. Так что я откололся от компании детей, где был одним из самых младших, и пошел искать дядю Ичиро — он тоже как-то незаметно успел исчезнуть. Найти его, понятное дело,

я сам не сумел, поэтому пришлось позвать Тетте-сан. Но самое интересное, что, когда дядя пришел за мной, я вдруг понял, что не знаю, зачем его искал. Как-то оно само собой получилось, а просить отвести меня во двор было даже для меня, восьмилетнего, слишком глупо.

— Я хочу домой, дядя Ичиро, — сказал я ему, замаявшись.

И понял, что действительно не против. Еды налопался, соков напился, всякого повидал, и что теперь делать, уже не знаю, а дома меня ждут два друга, которым просто необходимо похвастаться тем, что я сегодня видел.

— Устал, малыш? — потрепал он меня по голове. — Ладно, пойдем, отведу тебя домой.

— А можно я переоденусь дома? — спросил я его.

— Конечно, — немного удивился он. — А-а-а... перед друзьями покрасоваться хочешь? — улыбнулся он. — И любишь же ты это дело, — качнул он с усмешкой головой.

Тогда мне оставалось только смущаться, но если бы в тот момент там оказался нынешний я, то обязательно заметил бы, что у меня постоянно перед глазами достойный пример для подражания. Что он, что учитель весьма любят красоваться перед окружающими. Дядя это делает не так очевидно, а учитель... ну, это вообще страшный показушник.

Друзья мой наряд оценили, важно покивав, и завистливо повздыхали при рассказе о самом празднике. Акира еще уточнил, что артефакт-переводчик, который мне выдал дядя, стоит порядка пятидесяти миллионов йен. И хотите верьте, хотите — нет, но после его слов клипса на моем ухе, про которую я и забыть успел, аж гореть стала. Может, мне и было всего восемь лет, почти девять, но цену деньгам я уже знал. Особенно таким деньгам.

Учитель, когда я рассказывал ему о празднике, тоже вздыхал завистливо.

— Эх... Хотел бы я пообщаться с этим твоим драконом. Желательно подальше от населенных пунктов, чтобы никто не помешал... общению.

А через полтора месяца наступил уже мой день рождения.

Закатывать такой же праздник, как и у дяди Ичиро, мы не стали. Нет, дядя мог бы устроить нечто подобное, но у меня не было такого количества друзей и знакомых, а приглашать на праздник незнакомцев я желанием не горел. Даже просто знакомых не хотел. У меня было два друга, и мне этого хватало. Жаль, учителя нельзя было позвать, тогда вообще здорово было бы. Так что праздник получился скромным, насколько он может быть скромным при таком дяде. Из гостей присутствовали только Такеши со своим отцом да Акира со своей семьей. Я, кстати, впервые познакомился с его родителями, до этого они дома почти не появлялись. Были и подарки, которые мне очень понравились. Такеши, например, подарил мне набор для ухода за мечом. И пусть настоящего меча у меня еще не было, но сам подарок оказался... не знаю, как объяснить, не знаю тому причины, но я был очень ему рад. Акира подарил книгу под названием «Законы войны почтенного Суня» или, если в простонародье, «Искусство войны» Сунь Цзы. Я про эту книгу и раньше слышал, но все как-то руки не доходили попросить дядю ее купить. Взрослые тоже делали подарки. Старшие Хомура подарили несколько мешочков специй из их личных запасов — именно благодаря им, как пояснила бабушка Акиры, у них получаются такие вкусные блюда. А так как мы с Такеши частенько у них ужинаем, ценность подарка я оценил мигом. Все-таки Кокиримунэ-сан — средняя повариха, права была Тетте-сан. Родители Акиры подарили камень, под завязку наполненный эссенцией мань, что так любят различные духи. Мне в принципе такое не нужно, но камешек прикольно светился. Отец Такеши подарил нож. С виду — обычный охотничий, но он тоже прикольно светился.

Ну и дядя Ичиро. Его подарок был спорный, но несомненно ценный. Я это, правда, гораздо позже оценил. А тогда это было, как поход в парк развлечений, и не простой, а Диснейленд.

— Ну что, Кен-чан, готов узнать, что я решил тебе подарить? — спросил он, когда все гости разошлись по домам.

— Готов, — ответил я в предвкушении.

— В качестве подарка завтра я свожу тебя в Дом спящих мечей! — произнес он торжественно.

— Куда? — спросил я, хлопая глазами.

— Дом спящих мечей, Кен-чан, — улыбнулся он. — В это место желает попасть каждый мечник в мире, но не каждого туда пустят. Лично я в хороших отношениях с управляющей Домом, так что могу бывать там, когда захочу.

— Круто... — сказал я немного неуверенно.

— Вижу твое непонимание, — усмехнулся дядя. — В таком случае устраивайся поудобней, поведаю тебе еще немного о нашем мире.

— Куда уж удобнее, — проворчал я.

Так как мы сидели на кухне и уже с чашками чая в руках, мне оставалось только показательно повозиться на своем месте.

— Итак, начнем с основ, — сделал глоток чаю дядя. — Как ты думаешь, сколько в нашем мире существует разумных видов?

— Много, — пожал я плечами. — А что такое разумные виды?

— М-да. Ну вот, смотри. Есть люди, это один разумный вид. Есть духи — это другой разумный вид. Сразу уточню — духи бывают очень разными, но все они рождались именно духами и физического тела не имели. Все ёкаи — это духи. Полтергейсты с призраками — тоже духи. Драконы, эльфы, гномы — опять-таки духи. Очень разнообразный вид, но в целом все же один и тот же. Понял, о чем я?

— Понял. Я же не дурак.

— Ну конечно, ты не дурак, мой племянник — точно парень умный. А раз с этим разобрались, назови мне еще разумные виды.

— Ну... — задумался я. — А оборотни — это духи?

— Нет, — улыбнулся дядя.

— Получается, они другой вид?

— Именно, — кивнул он в ответ. — Лисы, волки, собаки, куницы, кошки, еноты, медведи... Много их, — закончил перечисление дядя. — В принципе их, как и магов, мало относительно людей, — но в отличие от нас они часто живут общинами. В этом городе, например, целых три общины оборотней — одна лисья и две волчьи. У них своя магия, только внешне похожая на человеческую. Не хуже, не лучше — просто своя. А еще только оборотни могут иметь потомство от почти любых других разумных видов. Но это так, к слову, — произнес он быстро. — О ком еще ты знаешь? А как минимум об одном ты точно знаешь.

Я задумался. Что бы там дядя ни говорил, но на ум мне ничего не приходило, и, когда я уже готов был сдать, меня словно осенило.

— Боги! — и тут же спустило на землю. — Хотя, они, наверное, к духам относятся.

— Да нет, — улыбнулся дядя, — ты абсолютно прав. Маги до сих пор бьются над вопросом, кто такие боги, но уж то, что их сущность кардинально отличается от духовной,

мы знаем точно. Совершенно другой вид разумных. У них даже степеней развития, как у духов, нет — они могут быть сильнее или слабее, но при этом все равно останутся тем же, чем и родились. Так же как и остальные разумные нашего мира. А вот духи в этом плане уникальны. Итак, мы подошли к последнему виду разумных, обитающих в нашем мире. Скорее всего, ты про них не слышал, но, учитывая твоё увлечение, всё может быть. Попробуешь угадать?

Я честно пробовал — не в моём характере сдаваться, не попробовав, но итог был закономерен. Как бы это странно ни звучало, но тогда я действительно ничего о них не слышал.

— Что-то морское? — выдал я очередную версию. — Какой-нибудь морской народ? Нет? — посмотрел я, как качает головой дядя. — Ну тогда не знаю.

— Это оружие, Кен-чан! — решил сжалиться надо мной дядя Ичиро.

— Оружие? — не понял я.

— Оружие, — кивнул он.

— Какое ещё оружие? — пребывал я в недоумении.

— Любое, у которого есть лезвие, — ответил дядя.

— Не понимаю, — нахмурился я.

— Какой же ты забавный, — потрепал он меня по голове, неожиданно перегнувшись через стол. — Ладно, слушай. Живое оружие, или райбу-ко — «живая сталь» — встречается весьма редко, особенно теперь, после наступления эры огнестрельного. Точнее, не так, — задумался он о чём-то. — С живым оружием в руках даже простой человек уделает противника с автоматом, но если раньше у такого оружия было много работы, то сейчас, когда государства жестко удерживают власть и контролируют применение любого оружия, мечами и копьями особо не помашешь, а магов власти чаще всего не сильно жалуют. Почему — точно не скажу, но вроде как даже боевые маги не часто пользуются райбу-ко по прямому назначению, а последние, как ни крути, всё же оружие. Это их суть.

— А как они выглядят? — спросил я его.

— А, точно, заговорился. Так вот. Райбу-ко — это человек, артефакт и дух одновременно. Ну или оборотень и дух. Совершенно уникальные существа. Мечи, копья, ножи, секиры — всё, что имеет лезвие, может быть живым. Но раз уж ты будущий мечник, будем говорить о мечах. Так вот, такой меч может превратиться в человека. Разумный, имеющий свою собственную магию, набирающийся опыта и способный превращаться в человека меч. Чисто технически они могут жить вечно, но на практике имеются нюансы. Например, очень старые мечи могут просто залечь в спячку, из которой их невозможно вывести. Чем это отличается от смерти, спорят до сих пор, но сами они утверждают, что это именно сон. И если бы не более молодые их собратья, которые тоже бывает засыпают, но потом случается, что и просыпаются, то живому оружию никто бы не верил насчёт их стариков, — прервался он, сделав глоток чая. — Вот мы и подходим к цели нашего завтрашнего похода. Дом спящих мечей — это место, где собираются те мечи, которые хотят отдохнуть от мира и вздремнуть сотню-другую лет. По факту Дом можно назвать бесплатной гостиницей, так как там живут не только те, кто хочет заснуть. Также именно через такие вот Дома можно попытаться найти себе живое оружие. Признав партнера, райбу-ко не предаст, поделится опытом, силой... — покачал дядя головой. — Лучший меч ты вряд ли где найдешь.

— А они что получают? — спросил я его.

Смысл слова «меркантильность» мне поясняли и мама, и учитель. Мама наказывала

никому кроме нее не верить, а учитель после этого объяснил, почему верить можно ему.

— Сложный вопрос, — почесал нос дядя. — У людей есть тяга ко всему хорошему — еде, веселью, любимому делу. Это приносит нам удовлетворение. Живому оружию тоже не чужды такие вещи, только ко всему этому можно прибавить и партнера. Им хорошо, когда их используют по прямому назначению. Как и любые разумные... кроме богов... они могут отказаться от того, что им нравится, однако и у них есть свои маньяки. Ну как обжоры у людей, к примеру. Что еще добавить? Живут они не только в Домах... кстати. У живого оружия всего пять таких Домов по всему миру, и Японии повезло иметь на своей территории один из них. О, еще один факт — на данный момент живое оружие чаще всего встречается... никогда не догадаешься, где именно, — посмотрел он на меня, предлагая очередной раз сыграть в угадайку.

— Полиция? — пожал я плечами.

— Не, ну так неинтересно, — расстроился дядя. — Но, в общем, ты прав. Как ни удивительно, но у простых магов живого оружия больше, чем у потомственных.

— Ну так они его используют по назначению, — пожал я опять плечами. — Заклинаний-то мало знают.

— Я... Я порой поражаюсь прозорливости детей, — покачал головой дядя Ичиро.

Эх, жаль, что я пока не могу поспорить с тем, что я ребенок. Но вот когда вырасту, обязательно поспорю.

— А почему в эти Дома так сложно попасть? И почему тогда простые маги туда попадают чаще потомственных.

— Они и не попадают, — усмехнулся дядя. — У живого оружия тоже, знаешь ли, есть телефоны и знакомые.

— А-а-а... — протянул я разочарованно. Не то чтобы я рассчитывал на какую-то тайну, но не на такую же банальность?

— Попасть трудно, потому что не пускают. Там же куча их соплеменников лежит, которые не проснутся, даже если их похищать начнут. Или уничтожать.

Последнее прозвучало немного зловеще.

— Понятно, — ответил я коротко. После чего, не удержавшись, зевнул.

— Ладно, — вздохнул дядя. — Я много еще чего могу рассказать про живое оружие, благо наш род с Домом мечей уже лет двести сотрудничает, но сейчас тебе лучше пойти спать. Завтра нас ждет поход в интересное местечко, так что беги умываться и в постель.

— Дядя Ичиро, — решил я спросить, вставая со стула. — А можно Акира с Такеши с нами завтра поедут?

— Это... — задумался дядя. — Хм, почему бы и нет? Чем сильнее друзья, тем сильней компания в целом, так? — подмигнул он мне с улыбкой.

Я понял смысл того, что он сказал, но не понял, к чему он это сделал. Впрочем, в тот момент я и вправду почувствовал сильную усталость — все-таки денек был непростым, и праздновали мы до самого вечера. Но поблагодарить его было необходимо.

— Спасибо, дядя Ичиро, — обнял я его. — Вы самый лучший.

— Я стараюсь, Кен-чан. Я правда стараюсь.

Дом спящих мечей не впечатлял. Подозрения у меня появились, уже когда дядя вывел из гаража свою машину, но я все-таки на что-то еще надеялся. До последнего надеялся, даже когда мы свернули на грунтовую дорогу прямо посреди шоссе. Даже когда остановились у ворот каменного забора, я думал, что нечто грандиозное просто скрыто за ними магией. Но нет, простой двухэтажный дом в традиционном стиле. Единственная достопримечательность росла во дворе дома и была огромной сакурой, под которой медитировала какая-то женщина. Seriously, я был готов увидеть величественный храм, стоящий на высокой горе, древний замок, принадлежавший когда-то великому даймё, на худой конец — особняк, как у отца дяди. Но не обычный же дом на обочине шоссе!

— Вау! — произнес шедший рядом Акира.

— Что такого-то? — не понял я.

— Посмотри магическим зрением, — пробормотал он, разглядывая окрестности с раскрытым ртом.

Оглянувшись на Такеши, я увидел, как он на секунду крепко зажмурился, после чего широко раскрыл глаза.

— Вау! — протянул он, как и Акира.

— Так нечестно, — буркнул я, отворачиваясь.

— Ой, прости, Кеншин-кун, — всполошился Такеши.

— Действительно, — смутился Акира.

— Да ладно! — пожал я плечами. — Вам-то за что извиняться?

— Кхм, — подал голос дядя. — Надо бы уже научить тебя хоть чему-нибудь. Ладно, насмотрелись? Тогда пойдём.

Пока мы шли к дому, женщина у сакуры потянулась и, поднявшись на ноги, направилась куда-то по своим делам. Впрочем, я быстро забыл об этом, так как мы наконец зашли в дом.

— Вау! — произнес уже я.

Хотел величественный храм на горе? Получи. Пусть не на горе, но тот факт, что он находится внутри непримечательного двухэтажного дома, как бы не покруче будет. Оглянувшись, я уставился на потолок. Обычный храмовый потолок, только он явно выше дома снаружи, да и пространства тут... ну раза в два точно больше. Освещался храм бумажными фонарями под потолком. Я столько фонарей в одном месте и не видел ни разу. Самое интересное, что на том месте, где в храме обычно стоит алтарь, здесь находилась кузница. А рядом с ней размещался стол с компьютером и монитором... Меня даже через много лет всегда поражало, как маги умеют ко всему адаптироваться.

Недалеко от входа, прямо напротив нас, стояла японка лет сорока, одетая в красно-белое кимоно. Брюнетка, статная, красивая — даже меня тогдашнего проняло.

— Ичиро-кун, — подошла она к нам, — давно ты у нас не был.

— Дела как обычно, — вздохнул дядя. — Познакомьтесь, дети, Хондзё Масамунэ, младшая дочь мастера Масамунэ. А это, — слегка повернулся он к нам, — мой племянник Окава Кеншин со своими друзьями Хомура Акирой и Икеда Такеши. Один знакомый тебе тэнгу утверждает, что Акира и Такеши весьма перспективны.

На что парни засмушались. Уверен, подобное они слышат впервые — ни с дядей, ни с тэнгу они почти не общаются.

— А как же твой племянник? — спросила Хондзё-сан, подойдя чуть ближе.

— Они с Кеншином не ладят, — поморщился дядя, — а я, сама знаешь, в мечях и мечниках не разбираюсь.

— Ты хочешь меня о чем-то спросить, мальчик? — приблизилась она еще на один шаг.

— Почему вас зовут как меч, пропавший после Второй мировой войны? — спросил я, не вытерпев, хотя это было немного невежливо. Точнее, сам вопрос было не очень вежлив, но раз уж она дала разрешение...

— Потому что это я и есть, — улыбнулась Хондзё-сан. — Правда, мы с Колди не сошлись характерами, после чего я вернулась домой.

По легенде, меч Хондзё Масамунэ по окончании Второй мировой был передан сержанту кавалерийского полка США Колди Баймору, после чего его след теряется. А оказывается, он... точнее, она, сама с ним ушла.

— А остальные четырнадцать мечей? — спросил я ее.

По той же легенде, сержанту в признание поражения было передано пятнадцать мечей. Японское правительство до сих пор их ищет.

— Не слышала о таком, — ответила она слегка удивленно. — Из наших больше никто не ушел, а до простых мечей мне нет дела.

Потрясающе. Легендарный меч великого мастера, который даже не подписывал свои изделия, потому как считалось, что их невозможно подделать. Хондзё овеян... овеяна легендами и упомянута в исторических хрониках далеко не один раз.

Да, я интересуюсь такими вещами.

— Круто, — все-таки произнес я, но очень тихо.

Впрочем, Хондзё-сан стояла близко, чтобы услышать. Улыбнувшись на это, она задала вопрос:

— И все же что говорит Куфуран на твой счет?

— Он говорит, что я бездарь, — буркнул я. — Что мне никогда не стать мечником.

Парни удивились — такое они тоже слышат впервые. А Хондзё-сан, слегка приподняв голову, протянула:

— Старее тэнгу. Старее... — и, дернув рукой, вновь ее опустила. — Я отошла от битв, но если ты когда-нибудь захочешь пофехтовать, юный Окава, я с удовольствием приму тебя в Доме спящих мечей. А теперь пойдете, не стоять же нам здесь весь день. Проведу для вас экскурсию. Может, и партнера себе найдете, — развернулась она к нам спиной, направляясь в другую часть помещения, и, не оборачиваясь, бросила за спину: — Только на многое не рассчитывайте — вы все-таки еще дети, а не мечники.

— Вот видишь, — ткнул меня локтем Акира, — ты тоже крут, Кен-кун. А Куфуран-сан просто ошибся.

Повезло мне с друзьями, всегда это знал.

За раздвижными дверями в дальнем конце зала нас встретил длинный коридор, по бокам которого находились точно такие же двери, через которые мы прошли.

— Так как обходить весь Дом было бы слишком долго, — произнесла Хондзё-сан, остановившись у входа, — мы посетим лишь японский уголок. Да и школа меча у вас вряд ли иностранная. Прощу, — указала она на ближайшие к нам двери.

За ними мы увидели самое настоящее додзё. Стандартного размера, но даже это впечатляло. Напомню — с улицы дом представляет собой небольшое по размеру строение. А тут — сначала огромный храмовый зал, теперь додзё...

Когда мы зашли туда, посреди зала фехтовали двое мужчин, но стоило им только заметить нас, они остановились и, подкинув свои катаны в воздух, направились в нашу сторону. Катаны же, в свою очередь превратившись на мгновение в какую-то дымку, обернулись женщиной и еще одним мужчиной, которые тоже решили познакомиться с нами. И что я хочу сказать... Именно в этот момент, увидев преобразование райбу-ко, я осознал, что не хочу себе такой меч. Нет, все это было прикольно, несомненно, волшебное, познакомиться с легендой тоже дорогого стоит — но только если смотреть на это со стороны. А вот меч я предпочту иметь самый обычный. У учителя, например... Черт, до сих пор меня аж передергивает...

Так вот. Меч учителя, при одном взгляде на него, вызывает если и не ужас, то дрожь точно. Ярость, жажда крови, какое-то бешенство — такое впечатление, что лежащий на подставке меч всего лишь притаился, как хищник в траве, и, как тот же хищник, когда понимает, что его заметили, срывается в атаку. Вот и с тем мечом так же — смотришь на него и кажется, что он все понял и сейчас сорвется убивать тебя. Жуткая вещичка. Но стоит ему только оказаться в руках учителя, и аура меча меняется. Радость, предвкушение, кажется, что ему даже не нужно сражаться, можно просто помахать мечом, и он будет доволен, лишь бы это был учитель. Щенячья преданность и ужасающая сила. Учитель как-то говорил, что меч — это инструмент, и этот инструмент должен слушаться тебя абсолютно, но при этом ты не должен от него зависеть, ты должен взять в руки любой другой инструмент и работать точно так же. Свой меч он добыл в потасовке с разбойниками, когда ему было всего семнадцать, и забрал он его у одного из трупов. Просто как временное решение, пока не найдет что-нибудь получше. Но... Как сказал учитель, нет ничего более постоянного, чем временное. Что-то такое я и в своем мире слышал, но это лишь доказывает правоту выражения.

А что мы имеем здесь? Партнерство. То есть равноправные отношения. Уже одно это меня отталкивает. Как вообще можно сражаться, когда ты машешь живым разумным? Этак я буду постоянно опасаться сломать его. А доверие? Вон, Хондзё-сан прямым текстом сказала — не сошлись характером. Какое тут может быть доверие? Меч — это часть тебя, а я не хочу, чтобы частью меня был какой-то дядька. Да и тетка — тоже. От которых я, кстати, всегда буду ожидать подлянки!

Подошедшие райбу-ко начали знакомиться, параллельно умиляясь нашему желанию стать великими мечниками. Они даже дали подержать себя Акире и Такеши, в форме меча само собой, а те и рады. Глаза — по сто йен, улыбка до ушей, куча вопросов по делу и без.

— А юный Окава у нас, похоже, скромный мальчик, — улыбнулась Хондзё-сан, намекая на мое безучастие к происходящему.

— Познакомиться с вами, Хондзё-сан, было по-настоящему удивительно, — произнес я осторожно, — но меч я себе выберу самый обычный.

На такое мое высказывание все неожиданно замерли, глядя на меня с удивлением.

— Ты правда думаешь, — спросил один из тех, кто был в этом додзё, — что бездушная железка может сравниться с райбу-ко? — улыбнулся он под конец вопроса.

— Со временем, — пожал я плечами. — Зато мы с ним уж точно характерами сойдемся, — покосился я на Хондзё-сан.

Те, кто был в додзё изначально, выглядели удивленно, Акира и Такеши ничего не поняли, дядя стоял и хмурился, а Хондзё-сан прикрыла глаза.

— Райбу-ко не предают своих партнеров, — произнесла она безэмоционально.

— Мне не нужен партнер, мне нужен меч, — ответил я.

— Тебе нужно безмолвное оружие? Бездушный предмет? — спросила другая женщина.

— Ну да, — пожал я опять плечами. — Я же говорю — меч.

— А мы кто, по-твоему? — поинтересовался один из мужчин.

— Не знаю, — придвинулся я к дяде. Мне вдруг показалось, что этот тип сейчас на меня бросится. — Вам лучше знать.

— Давно меня так в землю не втоптывали, — покачал он головой, после чего отошел в сторону.

— Пойдемте, — вздохнула Хондзё-сан. — А то не успеем осмотреть весь корпус.

Когда мы вышли в коридор, дядя Ичиро произнес:

— Не обижайся, Хондзё, мальчик просто не воспринимает вас как оружие, все-таки вы слишком живые для того, что он знает.

— Ох, Ичиро, — качнула она головой. — Как же ты все-таки далек от мира холодного оружия. Все он прекрасно понимает и выбор свой сделал вполне осознанно. Только юный Окава, — посмотрела она на меня, — не знает, на что мы, райбу-ко, способны, вот и сравнивает нас с обычными мечами. Со временем, думаю, он изменит свое мнение.

Я промолчал. Спорить со старшими — занятие неблагодарное, так я еще и спецом по райбу-ко не был, вдруг и правда что-то не знаю.

Экскурсия между тем продолжалась. За остальными дверями коридора располагались не только додзё, но и простые комнаты. Где-то местные обитатели тренировались, где-то читали, где-то медитировали, а где-то — лежали на подставках и никак на нас не реагировали. С виду — обычные мечи, краткую историю которых нам рассказывала Хондзё-сан. Чем дальше мы шли по коридору, тем больше было «мечей» и меньше «людей». Все чаще нам попадались спящие на своих подставках райбу-ко, но, по словам Хондзё-сан, эти мечи, возможно, еще проснутся, шансы на это велики, а вот в последней комнате, расположенной в конце коридора, находились те райбу-ко, которые уже вряд ли проснутся. Сама комната представляла собой просторный зал, заставленный низкими столиками, на которых стояли стойки с мечами. Не знаю, как у остальных, а у меня от этого места мурашки по коже пробежали. Десятки разумных, которые никогда не проснутся, — это как десятки трупов, что выставлены на обозрение.

— А это не кто иной, как знаменитый Мурамоса, — остановилась Хондзё-сан у очередного меча. — Его дети соперничали с нами, детьми Масамунэ, но при этом нельзя сказать, что соперниками были сами мастера. Скажу по секрету, они были совсем не против выпить вместе чашку-другую sake, после чего...

Прервал ее звук падения в дальней части зала, куда мы еще не успели пойти.

— Да чтоб тебя! — раздалось оттуда же. Обернувшись туда, мы все стали свидетелями, как какой-то мужчина, одетый в старомодный костюм, уперев голову в пол, потирал правую ногу. — Какой идиот положил меня на такую низкую стойку?

— Когарасу-Мару-сама... — пробормотала ошарашенно Хондзё-сан.

— А? — приподнялся мужчина, посмотрев в нашу сторону. — Хондзё, мелкая пигалица, какого дьявола меня положили на... — покосился он на свою стойку и на мгновение замер, после чего стал быстро оглядываться. — Ох, ну ни фиги ж себе. Вы меня, типа, со счетов списали? На свалку выкинули? Что я здесь делаю?!

— Но... Когарасу-Мару-сама, вы же заснули, а при вашем возрасте... это...

Последовала небольшая пауза, во время которой мы пялились на него, а он оглядывал

всех нас.

— Понятно с вами все, — вздохнул он, поднимаясь на ноги. — Типа старик, типа надо с глаз долой. Типа, дать дорогу молодым, а то эти старикашки вечно ограничивают.

— Да как вы можете так говорить, Когарасу-Мару-сама?! — возмутилась Хондзэ-сан в ответ.

— Все, все, успокойся, — подошел он к нам. — Лучше представь великого меня нашим гостям! — произнес он напыщенно, но через секунду обычным голосом добавил: — Только сначала скажи, сколько я проспал.

— Сто пятьдесят три года, — ответила Хондзэ сухо. — Знакомьтесь, Когарасу-Мару-сама. Самая первая катана, самый старый бодрствующий японский меч, самый сильный райбу-ко в Японии. А это — Окава Ичиро. Сильнейший за последние пятьсот лет Окава и лучший эксперт по духовным сущностям в мире. И его племянник с друзьями — Окава Кеншин, Хомура Акира, Икеда Такеши, — представила она нас поочередно.

Я же был немного огорчен — еще одна легенда оказалась райбу-ко, а не простым мечом. Плевать, в общем-то, но почему-то жаль. Если кто не знает (а дядя Ичиро наверняка не знает), Когарасу-Мару, он же Маленькая Ворона — первая катана в мире. До него в Японии делали прямые клоны китайских мечей, и именно он задал направление в развитии мечей в нашей стране. Тысяча триста лет ему... или около того. Но Когарасу-Мару не стал бы таким знаменитым, если бы был просто первым, ведь в отличие от той же Хондзэ тот, кто создал его, не так знаменит, как Масамунэ, да и известен мастер, скорее, именно благодаря Когарасу-Мару. Так что этот меч славен своей историей и тем, что был в руках тех, кто эту историю писал. Он не убивал демонов, не рубил сотню человек за раз, он просто был повсюду и никогда не пропадал из виду.

— Какой интересный молодой человек, — произнес Когарасу-Мару-сан, глядя прямо на меня. — Приятно познакомиться, Кеншин-кун, — слегка наклонился он вперед, протягивая свою руку.

Я же, покосившись на дядю, сделал шаг назад. Мне почему-то казалось, что это рукопожатие не просто приветствие. На несколько секунд все замерли, после чего я решил поклониться так и не опустившему руку мужчине.

— Для меня честь познакомиться с вами, Когарасу-Мару-сан.

— Да ладно тебе, дай мне свою руку, парень.

— Мм... — не зная, что делать, я отступил еще чуть назад и вновь поклонился.

— Дай. Мне. Свою. Руку.

— Пошел. Прочь. От моего. Племянника! — встал между нами дядя Ичиро.

— Ого, — выпрямился Когарасу-Мару. — Ты явно выбрал не тот тон, Окава. Я таких, как ты, на завтрак ем.

— Не ты первый говоришь мне это, — придвинулся к нему вплотную дядя. — И все вы заканчивали одинаково — у моих ног!

— Типа крутой, да-а-а? — сократил он расстояние с дядей до минимума. — Может, пойдём выйдем?

— А может, прямо здесь разберемся, а? Или боишься, что злые взрослые тебя за это отругают?

— Даже не надейся здесь спрятаться. Давай-ка выйдем на улицу и посмотрим, что ты собой представляешь.

Я очень хорошо помню тот день. Очень. Уж не знаю почему. И я точно помню, что

именно в тот день впервые в жизни я захотел приложить ладонь к лицу и покачать головой. Два взрослых дядьки, две живые легенды наезжают друг на друга, как какие-то гопники из аниме. Самое смешное, что эти двое даже не подозревают, насколько знаменит их соперник. Один совершенно не интересуется оружием и всем, что с этим связано, а второй проспал возвышение первого. Может быть, если бы они знали, во что может превратиться их конфликт, они и поумерили бы пыл, а так ситуацию пришлось спасать Хондзё-сан.

— Прекратите, вы двое! — попыталась она разнять мужчин.

— Э нет. Кто-то должен ответить за свои слова, — ответил на это Когарасу-Мару.

— Вот этим я и займусь — здесь и сейчас, — произнес дядя.

— А на улице типа злые людишки, да? Помешают маленькому мальчику показать себя?

— В отличие от вас мне нечего бояться во внешнем мире.

— Окава-сан, прекратите, — попыталась вклиниться между ними Хондзё. — Когарасу-Мару-сама, вы ведете себя недостойно своего имени.

— Думаешь, мне есть чего бояться? Да я просто жду, когда начнется мировая заварушка, чтобы не бегать за противниками по всему миру. Пусть приходят, я искупаюсь в их крови!

— Так ведь уже были две мировые войны, — произнес Такеши, после чего в зале ненадолго наступила тишина.

— Как были?.. — пробормотал Когарасу-Мару, повернувшись к парню. — Как это две?! Хондзё! — развернулся он к ней.

— Это правда, Когарасу-Мару-сама, — все же смогла она втиснуться между мужчинами. — Прошу, успокойтесь, не стоит затевать бучу по такому смешному поводу.

— Я проспал мировую войну... Две мировые войны! — схватился он за голову. — Как же так, демоны вас всех подери?! Вздремнул-то всего чуть-чуть! Не-э-эт... — присел он на корточки и, продолжая держаться за голову, начал покачиваться.

— Этот тип определенно не в своем уме, Хондзё, — произнес дядя.

— Прошу за него прощения, Окава-сан. Когарасу-Мару-сама...

— Да что б ты понимал в хорошей потасовке, маг, — простонал со своего места Когарасу-Мару. — У-у-у... Две войны. Две! Да что б я еще хоть раз, хоть на годик...

— Пойдемте, дети, — обратился к нам дядя. — Думаю, на сегодня хватит экскурсий.

— Приходите еще, Окава-сан, — вздохнула Хондзё. — Мы всегда рады вам. Как и вам, мальчики, — улыбнулась она нам напоследок.

Домой я вернулся в смешанных чувствах. С одной стороны, узнал и увидел кучу всего интересного, а с другой — этот Когарасу-Мару подпортил впечатление. Хотя... кому я вру? Плевать на него, огорчает сам факт того, что известные мне герои прошлого с высокой долей вероятности и не герои вовсе. С такими-то «партнерами». Докажи теперь попробуй, что они хоть какой-то весомый вклад внесли в свои героические деяния. Тем не менее эмоций я за этот день набрался по самые уши, и отрицать, что подарок дяди удался, сложно.

— Спасибо, дядя Ичиро, — сказал я ему, когда друзья разошлись по домам, — это был классный подарок.

— Ерунда, — потрепал он меня по волосам. — Обещаю, в следующий раз мы съездим в еще более крутое место.

— А такое есть? — полюбопытствовал я.

— Конечно! Храм Вознесенных в Таиланде, например, или бездна Мира. Мало ли интересных мест на Земле! Но на день рожденья я тебе лучше что-нибудь более материальное буду дарить. А то мало ли... Идиотов вроде этого Когарасу-Мару везде хватает.

Было у той истории и продолжение, причем неожиданное. Примерно через полгода после поездки, вернувшись домой после школы, я обнаружил в холле сидящего на коленях Когарасу-Мару. Одет он на этот раз был во вполне современную одежду — черные джинсы, белую футболку и кожаную безрукавку. Дополняла это дело пара каких-то браслетов на запястьях. Едва я зашел, он протянул вперед руки и, бухнувшись лбом о пол, произнес:

— Нижайше прошу прощения за свое недостойное поведение в нашу прошлую встречу!

Я, честно говоря, офонарел от увиденного. Оглядевшись вокруг, заметил только дзашики-вараши, которая мелькала на кухне. А так как я не считал себя сумасшедшим, склонным к галлюцинациям, то решил, что ему здесь находиться разрешили, но пока я не разберусь в ситуации, а если по-простому — не посоветуюсь с дядей, лучше его будет потихому обойти и спрятаться у себя в комнате. Благо он сейчас распластался на полу и видеть меня не должен.

— Эй, пацан! — догнал меня его голос, когда я был на середине лестницы. — А как насчет ответить?! Эй!

К черту. Связываться с этим психом у меня желания нет. Надо бы прибавить скорости. Впрочем, мне повезло — на втором этаже я чуть не столкнулся с дядей, как раз подходившим к лестнице.

— Дядя Ичиро, там... — схватил я его за рукав, но договорить не успел, так как ниже по лестнице показался Когарасу-Мару. — Вот... — решил я все же закончить фразу.

— Слушай, — вздохнул устало дядя, — я ведь сказал тебе не пугать Кеншина. Что ты опять сотворил?

— Что за наглые претензии, маг! — возмутился райбу-ко. — Я всего лишь извинился за прошлую встречу. Униженно, хочу заметить. Как я его испугать-то умудрился? Ты глянь на него, по-моему, он ничуть не испуган.

— Так, стоп, — поднял руку дядя. — Униженно извинился?

— Я в дом зашел, — решил я пояснить, — а там этот на коленях сидит. Я даже сделать ничего не успел, а он вдруг упал и начал причитать... — Тут я подумал, что хуже не будет, к тому же дядя рядом, если что. — Говорил, что низшее существо и готов лизать мне обувь, лишь бы я снизошел до прощения.

— Что? — удивился Когарасу-Мару. — Как ты сказал? Ну ничего себе меня опустили! Не слушай мальчугана, я такого не говорил. А вообще неплохо, — помахал он пальцем, усмехнувшись. — Шустро сориентировался.

— Понятно все с вами, — потер лоб дядя. — Кеншин, ты мне доверяешь?

— Конечно, дядя Ичиро. — Я даже немного удивился такому вопросу.

— Тогда слушай внимательно. Я тебе обещаю: этот райбу-ко не причинит тебе никакого вреда. Мы с ним на этот счет уже все обсудили.

— Насчет вреда, — влез Когарасу-Мару. — Если меня будут оскорблять и тому подобное...

— Подзатыльник максимум, — оборвал его дядя. — И не дай тебе бог...

— Какой именно? — опять влез Когарасу-Мару.

— Что? — не понял дядя.

— Какой именно бог? — пояснил тот свой вопрос.

— Да плевать! Это просто выражение! Плевать мне на богов!

— А, ну тогда ладно. Понял я все, нечего кричать.

— Ты... — потер переносицу дядя Ичиро. — В общем, Кен-чан, — повернулся он ко мне, — не забывай, что он старше тебя, и все будет в порядке. А ты, — посмотрел он на Когарасу-Мару, — я тебя очень прошу, не играй у меня на нервах. Я не испытываю пиетета перед твоим именем.

Ну да, кое-что дядя все-таки потрудился о нем узнать еще полгода назад. Я лично ему книги из библиотеки носил.

— А зря, все могло бы быть гораздо проще, — пожал тот плечами.

— Для тебя, — уточнил дядя.

— Ну так ясное дело, не для тебя же, — и, глянув, как дядя прикрыл глаза, пытаюсь успокоиться, добавил: — Да ладно тебе, надо же уметь шутки понимать. И самому шутить. Когда живешь столько, сколько я, без этого никак. Да и для таких мотыльков, как ты, это полезно.

— Все, я пошел, — успокоился дядя. — А насчет тебя я передумал. Если что, Кен-чан, сразу бей его по голове чем-нибудь тяжелым.

— Хе-хе, так у меня же нет головы, — усмехнулся Когарасу-Мару. — Я меч!

— Бей между ног, Кен-чан.

— Стоп, — вскинул руку райбу-ко. — А вот это уже против правил.

С того самого дня Когарасу-Мару остался жить у нас, постоянно предлагая пофехтовать с ним. Ну... то есть, собственно, им. Благо рядом всегда было против кого — тэнгу хоть и отвечал за внешнюю защиту, но по большей части находился именно дома. Мои занятия в другом мире скрывать было проблематично, но дядя Ичиро мне чуть позже пояснил, что, давая разрешение жить с нами, он взял с Когарасу-Мару ряд клятв, одна из которых запрещала тому раскрывать информацию о нас посторонним. Клятва, на самом деле, многоуровневая, со многими уточнениями, но в целом надежная для того, чтобы дядя разрешил ему тут остаться. А вот что ему за это пообещал сам Когарасу-Мару, я так и не узнал. Причина же находиться здесь у него проста — он хотел стать моим партнером. Много лет спустя он даже признался, что и проснуться тогда, в Доме спящих мечей, его заставило именно мое присутствие поблизости. Вообще, ситуация уникальная — райбу-ко выбирают партнера, исходя из своего опыта и предпочтений, а не из каких-то там непонятных чувств. Но тем не менее... если бы остальные мечи не легли спать гораздо раньше Когарасу-Мару, они там, скорее всего, все бы повскакивали. Ну или как минимум — самые старые, потому что, как подсказывает опыт, молодые райбу-ко реагировали на меня не очень сильно.

Ну что можно сказать о нашем совместном проживании? Когарасу-Мару был на удивление ненавязчив. Во всяком случае, его приставания не вызывали особых негативных чувств. Если он этого не хотел, конечно, потому что когда хотел, он мог вывести из себя любого, кроме Кокиримунэ-сан и меня. Дзашики-вараши была просто непробиваемо молчалива, а меня его потуги, скорее, веселили. Дядя в такие моменты тер переносицу и уходил прочь, Кохана яростно фыркала и тоже уходила прочь, Куфуран, наш тэнгу, частенько бросался на него, после чего побитым опять же уходил прочь, Джокишимас превращался в паука и убегал... или сразу убегал, если уже был в этой форме. Старик-цукумогами вообще старался с ним не общаться. То есть вообще, а не когда райбу-ко начинал всех доставать. Но это все относится только к жителям нашего дома — остальные, как сказал тогда дядя, относились к Когарасу-Мару с большим пиететом. Ну те, кто был в курсе, кто он такой. Оказывается, дядя и тут выделился. Как выяснилось, в магическом мире имя Когарасу-Мару известно. Известнее, чем среди простых людей. Если уж быть откровенным, даже среди нас,

японцев, многие о нем и не слыхивали. А вот у магов имя одного из старейших райбу-ко известно подавляющему большинству. Маги вообще редко забывают выдающихся личностей. Наверное, даже дядю после его смерти пару сотен лет точно будут помнить. И осознание этого сильно мотивирует — если ты чего-то добьешься, то можешь быть уверен, что об этом узнают и будут помнить.

— Визжалище! — гаркнул учитель, когда мы вышли во двор. После чего оглянулся и гораздо тише произнес: — Если ты сейчас же не покажешься мне на глаза, я тебя выкину из школы.

Секунда, другая, хлопок — и перед нами стоит испуганный Док Ше.

— Ну вот, — самодовольно возвестил учитель. — А то все «не могу», «не получается». Главное — правильная мотивация и выбор момента.

Только после этих слов Док Ше — да и я тоже — осознал, что именно он сотворил. Дело в том, что мгновенные перемещения на расстояние до двухсот метров — это первая ступенька к званию мастера меча, и Док Ше уже пару лет не мог ее достигнуть. Мне даже завидно стало. Мне три дня назад исполнилось десять, два года я уже числюсь учеником Иназумы, а меня даже не пытались учить использовать Волю. В то время как на моих глазах другой ученик, пусть и медленно, но продвигается вперед к заветной цели — званию великого мастера. Пусть до этого ему еще дальше, чем до простого мастера, но я-то и вовсе никто по сравнению с ним!

— Учитель... — пробормотал ошарашенный Док Ше. И резко закончил: — Это было жестоко.

— Но действительно, — усмехнулся учитель. — Ладно, что я от тебя хотел-то? — задумался он. — А, точно. Сегодня я назначаю тебя учителем Кеншина, твоя задача — научить его использовать Волю.

О да! Жаль, конечно, что он не сам это делать будет, но учитель — это учитель. Он мне часто напоминал Когарасу-Мару своими шутками и кривляньями, они в плане поведения вообще сильно похожи, но учитель... умел внушать. При этом было невозможно спутать, когда он серьезен, а когда шутит, хотя порой оба эти его состояния похожи. И даже если учитель прикалывался, то воспринималось это как должное. А самое главное — пусть я понял это и не сразу — многие его действия имели двойное дно, и если он поручил обучать меня кому-то другому, значит, это для чего-то нужно.

— Как скажете, учитель, — вздохнул Док Ше.

— Вот и отлично, бывайте, — помахал рукой учитель.

Подождав, когда он отойдет подальше, Док Ше вздохнул еще раз.

— Ну что, готов? — спросил он меня.

— Уже два года как, — ответил я в приподнятом настроении.

— Это потому, что ты ребенок, — пояснил Док Ше. — Я бы тебя и сейчас не стал обучать, но учителю виднее.

— Это, конечно, да, — начал я скептически, — но не зря же ритуал выбрал именно меня?

— Понимаешь, тут дело немного сложнее, — начал объяснять Док Ше. — Воля — это именно воля, а какая может быть воля у ребенка? Упертость — да, каприз — возможно, но до осознанной силы воли... скажем так, — задумался он на секунду, — ребенку это не нужно, и ломать его раньше времени не стоит.

Странное дело, вроде бы я должен обидеться — я же взрослый, но Док Ше объяснял все

такими словами и таким тоном, что вместо обиды пришло понимание.

— Ты будешь хорошим учителем, Док Ше, — произнес я немного не то, что хотел сказать. — Я понял, о чем ты, но учитель дал разрешение, так что пойдём уже на полигон.

— Учителем... — покачал он головой. — Надеюсь, Кеншин, — развернулся он в сторону полигона.

Наверное, надо отметить, что за эти два года я стал видеть Док Ше очень четко. Учитель выдвинул на этот счет с десятков теорий, большинство из которых мне были непонятны, но в итоге сошлись на таком примитиве, что все зависит от силы. Чем сильнее человек, тем лучше я его вижу, а значит, и он лучше видит меня. Во всяком случае, с учителем у нас проблем в этом плане нет, он для меня как обычный человек, разве что немного прозрачный. Ну и небольшое свечение вокруг его силуэта имеется.

Дойдя до полигона, точнее, одного из шести полигонов школы «Кен-но-иши», мы остановились, и Док Ше начал пояснения.

— Воля — это то, что заставляет тебя идти вперед, даже если нет сил. Не слепая вера в возможность того или иного результата, а вера в то, что ты можешь это сделать. Не он, не кто-либо еще, а именно ты. А еще — вера в необходимость это сделать. Запомни, Кеншин, вера в себя и в необходимость. А главное — понимание того, что это сложно. Любое твоё действие, даже обычная ходьба, на самом деле очень сложно. Просто попробуй представить, что именно ты делаешь, когда поднимаешь руку или ногу. Как ты это делаешь? Что заставляет твои конечности двигаться? Сложность окружает тебя во всем, но ты не сдаешься и делаешь шаг вперед. Потому что ты можешь это сделать и потому что это надо сделать.

С каждой произнесенной Док Ше фразой я впадал в какое-то подобие транса. Понимал, о чем он говорит, осознавал всю ту сложность, которой наполнена наша жизнь. Все это давило, пригибало. Но последние несколько слов моего новоявленного учителя зародили в душе какой-то дикий протест. Меня не сломить этой жизни, я пройду свой путь до конца, и все, кто меня поддерживал, будут гордиться мной. Я могу это сделать, и я это сделаю!

Протянутый мне учебный меч я воспринял как должное, не особо разбираясь, что от меня хотят, и когда Док Ше сказал разрубить деревянный манекен в двадцати шагах от нас, я поднял руку с оружием, осознал, что отсюда сделать это невозможно, после чего взмахнул мечом.

Могу и сделаю!

— Да чтоб тебя... — было последнее, что я услышал от Док Ше, теряя сознание.

— Очнулся? — услышал я голос учителя, придя в себя. — Ну и молодец. Вставай, нечего тут валяться.

Лежал я на татами в комнате учителя. Приподнявшись, повертел головой, найдя взглядом и его самого, и Док Ше, сидящего рядом.

— Я был готов ко многому, мой юный ученик, но не к тому, что ты сможешь осознанно использовать Волю на первом же уроке, — произнес учитель. — Нет, ну серьезно, и что мне теперь делать с Док Ше?

— Учитель? — переспросил тот непонимающе.

— Мне завидно! Как так-то? Даже у меня не получалось на первом уроке заставить ученика использовать Волю, — возмутился учитель. — Остается и вправду выкинуть тебя из школы. Мне тут конкуренты не нужны!

— Учитель, — произнес укоризненно Док Ше.

— Ладно, ладно, — отмахнулся от него Иназума-сама. — Уж и пошутить нельзя. Будем считать, что это Кеншин такой крутой. Теперь серьезно, — задумался ненадолго учитель. — Твой результат, — обратился он ко мне, — не просто хорош, он уникален, я о таком и не слышал никогда. Как и о том, что после использования Воли можно потерять сознание. Точнее, из-за, — выделил он, — использования Воли. Обычную усталость никто не отменял. Но ты-то был не уставший! Могу лишь предположить, что для тебя это оказалось слишком быстрым. Не тело... хотя это в твоём случае ни при чем. Твой разум был не готов к подобному. Предположительно второй раз пройдет гораздо проще. Ты запомнил ощущения? — перевел он резко тему.

— Да, учитель, — ответил я после пары секунд обдумывания. — Я запомнил.

— Тогда идем посмотрим, сумеешь ли ты повторить результат, — поднялся он на ноги.

— Не слишком ли это опасно, учитель? — спросил Док Ше.

— Повизгун, — посмотрели на него иронично, — ты хоть раз чувствовал физическое недомогание, когда использовал Волю?

— Я уставал... — ответил Док Ше осторожно.

— А голова у тебя болела?

— Нет.

— Кости ломило?

— Нет, учитель.

— Может, мышцы готовы были разорваться?

— Я понял вас, учитель, — поджал губы Док Ше. — Но Кеншин все же потерял сознание.

— Я как-то раз заставил потерять сознание двадцать человек разом. От страха, — произнес учитель. — При этом пальцем их не трогал. Сознание теряют не только из-за физических проблем, Визглярикус.

— Учитель, — потер переносицу Док Ше, — если вы не прекратите давать мне прозвища, я сам от вас уйду.

— Да ладно, — поднял тот руки. — Что ты сразу так радикально-то?

— Сразу? Вы четыре года надо мной издеваетесь!

— Все, все, я понял. Не хочешь быть Визжунчиком, не надо.

Четыре года... Так он при мне еще и не повторился ни разу...

Вернувшись на полигон, осмотрел дело рук своих. Из четырех манекенов, что тут стояли, осталось всего три, последний просто отсутствовал. Все, что уцелело, — это деревянная стойка от него.

— Как ты мог заметить, — произнес стоявший рядом учитель, — у тебя хоть и получилось, но крайне грубо. Ты все же мечник и должен рубить, а не сносить начисто, как те бугаи со своими палицами. Сила воли есть, а вот разум еще не подготовлен. Давай, — подтолкнул он меня в спину, заставляя выйти чуть вперед, — Попробуй сделать это еще раз. Вон на том манекене, — указал он на крайнего справа.

Если коротко, то у меня получилось. Вспомнил свои ощущения, махнул мечом, после чего манекен на моих глазах превратился в прах. После этого у меня немного потемнело в глазах, но быстро вернулось в норму.

— Ты в порядке, Кеншин? — спросил Док Ше.

— Да, — ответил я, прислушавшись к себе, — все нормально.

— Ну-ка попрыгай, — сказал пристально следящий за мной учитель. — И колесо сделай.

Пожав плечами, я передал меч Док Ше и выполнил указания учителя.

— Надо бы ему нормальный тренировочный клинок выдать, — сказал Док Ше, разглядывая меч, — а не эту деревяшку.

После его слов я и сам заметил, что деревянный меч, похожий на боккэн, буквально рассыпается в труху. Воля негативно влияет на проводник, но хорошая сталь при этом держится неплохо. Особенно если не злоупотреблять Волей. И за мечом ухаживать.

— Как ощущения? — спросил учитель.

— Нормально, — пожал я плечами.

— Вот и отлично. Отдай ему меч, еще на разок этой деревяшки хватит. Левый манекен, Кеншин, уничтожь его.

Сказано — сделано.

— Учитель, — решил я задать вопрос. — Помните тот случай, когда я ударил Кохану-сан... того ёкая. Вы меня еще учили, как сделать, чтобы этого не повторилось.

— Помню, — посмотрел он на меня, — но я учил тебя самоконтролю. Полагаю, у тебя появились подозрения, что тогда ты воспользовался не Волей?

— Да, учитель. Я точно не помню, но ощущения в тот раз были... нет, не помню. Но таких точно не было.

— Для того чтобы понять, что это была не Воля, достаточно осмотреть твою руку. Если ты в ближайшие годы попробуешь использовать вместо меча... или какой-нибудь палки руку, то ты ее, скорее всего, потеряешь. Просто посмотри, во что превратился твой тренировочный меч, и все поймешь. Со временем это ограничение ослабнет, но хороший меч тебе ничто и никогда не заменит.

— Но как я тогда...

— Не знаю, — пожал плечами учитель. — Скорей всего, это было что-то из твоих семейных способностей. Магия, если проще.

— Но я не могу колдовать, — заметил я резонно.

— Ты не можешь творить заклинания, — поправил меня учитель, — а магия тебе доступна. Ты ведь можешь использовать магический взор?

— Могу.

— Ну вот, чем не магия. Ограниченная, но тем не менее. А уж дары крови вообще сложно объяснить. Бог его знает, что тогда произошло, но, если решишь когда-нибудь заняться магией, стань сначала великим мастером, а уж потом делай что хочешь. Правда, я не верю, что в магии ты многого добьешься. Уж прости, — пожал он под конец плечами.

— Да ладно, мне она и не нужна.

— И правильно, — кивнул учитель. — Маги — это наша законная добыча. Смазка для наших мечей. Желать их силы — просто блажь!

Я конечно же похвастался дяде своими успехами и, дождавшись его похвалы, побежал хвастаться остальным жителям дома, сделав особый акцент на тэнгу. Пусть не забывает, как ошибся во мне. Он меня даже похвалил, если слова: «Да, да, молодец, только отвали», — можно считать за похвалу. Когарасу-Мару опять предложил пофехтовать.

Дальнейшие два года не запомнились какими-то важными событиями. Учился в школе, заработав статус школьного принца. Занимался у учителя, подобравшись к тому уровню, когда начинается сама суть школы «Кен-но-иши», которая заключается в скорости. Не в силе, способной рубить горы пополам, а в скорости. Ученик школы «Кен-но-иши» рубит горы настолько быстро, что даже стоящие рядом люди не способны заметить движение меча. Сначала идет обучение точности, потом — скорости, а потом — силе и скорости. Ну и вечное самосовершенствование. И чтобы вы понимали — Док Ше обучение уже прошел, сейчас он как раз на ступени вечного самосовершенствования.

Акира с Такеши тоже делали успехи на пути меча, но тут им повезло — Куфуран взялся за их обучение после того, как я в очередной раз достал его словами, насколько он слепой, — такого гения, как я, не разглядел! Подозреваю, дядя Ичиро также поучаствовал в его решении. Он вообще старался помогать парням в пределах... социальных норм и традиций, скажем так. Раздавать знания у магов было не принято, но если очень надо и эти знания не семейная тайна... Впрочем, «прокачивал» он их только в боевом плане, что тоже немало, но обвинить его в том, что он раздает нажитые его родом секреты, будет проблематично.

Основная его помощь заключалась в предоставлении протекции, без которой они, к примеру, не смогли бы заключить контракт с духами тьмы, обитающими в бездне Мира. Встречаются-то те духи повсюду, а вот обитают именно там. И заключить контракт с ними можно только там, в самом глубоком месте Марианского желоба — бездне Челленджера, в магическом мире больше известной как бездна Мира. Так себе местечко эта бездна Мира — мне больше понравилось спускаться в глубину внутри воздушного пузыря, чем лицезреть Пещеру духов.

Среднюю школу мы с друзьями выбрали каждый свою. По обоюдному согласию решили продвигать клубы кендо в своих школах и в конечном итоге сойтись в турнирных баталиях. Так-то мы ни разу серьезно не спарринговали, потому что это было опасно, а если несерьезно, то силы оказывались примерно равны. Плюс ограничения кендо, где надо было строго соблюдать правила, должны были показать наши личные способности. Плюс еще школьная команда — мало ведь выиграть самому, надо еще, чтобы и команда выиграла. В общем, это звучало интересно, а так как я и сам собирался продвигаться в рейтинге кендо, то все оказалось один к одному.

Первого апреля я топал в свою новую школу — средняя «Ташикаги». Спина прямая, голова поднята, плечи расправлены, но так, чтобы не выпячивать грудь. Чист, умен и немного пафосен. И да, насчет ума — я окончил младшую школу, заняв первое место в рейтинге успеваемости, и ни один человек при этом не посмел бы назвать меня слабаком и заучкой. О

да, взглядом я давить научился. Причем никто меня этому специально не учил. Скажем так... в каменных джунглях иначе нельзя. Школьным принцем просто так не стать, что бы там в аниме ни говорили. Ну и пара дельных советов дяди Ичиро помогли, не без этого.

На школьном собрании в честь начала первого дня нового учебного года мне как лучшему ученику первого года обучения отводилась честь выступить с речью. Я, признаться, не хотел этого... выступать я имею в виду, но так как сдал вступительные тесты с лучшим результатом, отвергаться было сложно. Создавать себе репутацию бунтаря не хотелось. Еще повезло, что Кохана помогла с речью, и в результате я просто озвучил выученный текст, в соответствующих местах изображая нужные эмоции. Вроде всем понравилось.

После собрания разошлись по классам, где уже классный руководитель выдал проникновенную речь. Как оказалось, он только из института, и мы у него первые, так что надоесть ему это еще не успело. Час на знакомство друг с другом, где я пока только запоминал имена, — и мы всей гурьбой пошли осматривать школу. Первый день как-никак, вся школа утопает в атмосфере праздника. Лично я сразу отправился во двор, где старшеклассники устроили презентацию своих клубов — мне, если кто не забыл, еще в клуб кендо вступать. Школу выбирала Кохана, на которую дядя Ичиро вечно спихивает такую работу, а она у нас юки-онна ответственная: сказали — хороший клуб кендо, значит, будет хороший. Проблема в том, что наш город вообще не сильно славится спортивными клубами, и «хороший», по меркам Химедзи, может быть... так себе, на самом деле.

Момент для поиска клуба я выбрал не очень удачный — старшеклассники уже расположились во дворе, а наплыв младшеклассников еще не начался. Как-то так получилось, что я оказался одним из первых. Пока шел по двору, ко мне успели пристать раз десять, и если от баскетбольного клуба удалось отвязаться, просто глянув на парня снизу вверх, то клуб любителей крутить педали изрядно мне нервы попортил.

— Да что тебе этот клуб кендо? С твоей комплекцией ты идеально впишешься в клуб велосипедистов!

— Я с восьми лет занимаюсь фехтованием, — вздохнул я устало. — Неужто вы думаете, что я в мгновение ока все брошу и пойду заниматься велоспортом?

— Знаковые события в нашей жизни именно так и случаются! — не сдавался приставший ко мне парень.

— Так, может, пойдем со мной в клуб кендо? — склонил я голову к плечу.

— А вот это уже будет неправильно, — не растерялся парень, — ведь тогда, в отличие от тебя, мне придется бросить свою мечту и своих друзей!

— А мои мечты, значит, ничего не стоят? Понятно. Что ж, всего хорошего, — поклонился я сбитому с толку парню.

До столика, за которым сидел представитель клуба кендо, я все-таки дошел — хотя было бы странно, случись иначе. Парень был вполне обычный — короткие черные волосы, невыразительное лицо, средний рост. С одной стороны его подпирал столик с представителем клуба дзюдо, а с другой — пара девушек из клуба гимнастики.

— Здравствуйте, — поклонился я ему.

— Привет, — поднял он глаза. — Хочешь записаться в клуб?

— Да.

— Хм, — осмотрел он меня. — Если пришел к нам только потому, что считаешь это крутым, советую подумать еще раз. Кендо — это тяжелый труд, требующий от человека сильной воли. Вкалывать придется как никогда до этого.

— Убираться, — улыбнулся я, — чистить инвентарь, бегать по поручению сэмпаяв^[24]... Не волнуйтесь, я готов к этому.

— Кхм, какой-то ты... — попытался он подобрать слово. — Не важно. То, о чем ты сказал, тоже часть тренировки, но большую часть времени из тебя будет выжимать все соки именно кендо, и поверь мне на слово — легко не будет.

— Прошу прощения, сэмпай, — решил я поинтересоваться, — вы пытаетесь меня отговорить?

— Конечно нет, но нам не нужны нытики, которые бросят клуб после пары недель занятий.

— Не волнуйтесь, сэмпай, я занимаюсь кендзюцу с восьми лет, и вам придется постараться, чтобы я устал. Моя задача — поучаствовать в как можно большем количестве турниров, выиграть сколько смогу и перейти в старшую школу уже с достойной репутацией.

— Наглый, — припечатал парень. — Вот какой ты. Думаешь, кендо — это просто?

— Совсем нет, сэмпай, наоборот. Уверен, что это сложно. И я не наглый, это вам кажется, просто я держу спину прямо, — улыбнулся я.

— Глянь, какой красавчик... — шушукались между собой проходящие мимо девушки.

— Кхм... — решил я не подавать виду. — Ну как-то так.

Проводив их взглядом, парень вздохнул, выложил передо мной бланк заявления о вступлении в клуб и ручку и произнес:

— Это твой выбор, но я тебя предупреждал. Надеюсь, что ты не только языком молоть умеешь.

— Выложусь по полной, сэмпай, — ответил я, придвинув бланк поближе к себе, и взял ручку.

Скажу вам по секрету, первое время мне действительно пришлось быть мальчиком на побегушках, я даже задумывался — а не ошибся ли я, желая учиться в школе с нормальным клубом кендо? Не лучше ли было выбрать школу, где этот клуб дышит на ладан и там рады хоть кому-нибудь? Тогда бы меня точно на руках носили. Но есть и плюс, который я, правда, осознал далеко не сразу, — у средней школы «Ташикаги» был женский клуб кендо. Точнее, клуб-то был один, но он делился на женскую и мужскую часть, и занимались там все вместе. Так что нашу суровую мужскую компанию разбавляли девчонки.

Через восемь дней — девятого апреля — наступил день рождения дяди. Праздновать его в поместье Окава я перестал уже давно, так как из года в год праздник оставался все тем же, с неизменным составом участников и повторяющейся программой, а любопытство я свое уже удовлетворил в первый раз. В своем кругу мы праздновали его с утра или днем, после чего дядя уходил через зеркало в поместье и продолжал отмечать уже официально.

Запомнился и мой день рождения, наступивший через полтора месяца после дядино. А примечателен он был тем, что дядя Ичиро подарил мне катану. Настоящую, красивую, прекрасную, великолепную катану. Выполненная в черно-серебристом цвете, она была элегантна и смертоносна. На черных лакированных ножнах — редкие серебристые линии, цуба^[25] в виде двух драконов, черная обмотка рукояти, касира — навершие на рукоятке стилизована под пасть дракона, по краям которой идут длинные драконьи усы. На лезвии выгравирован опять же китайский дракон. Меч новый, сделанный специально для меня, с примесью редких магических металлов, усиленный двумя ритуалами дяди и семью заклинаниями бабушки.

Этот меч даже в руках простого обывателя может резать металл и отражать магические

атаки. И если этого еще недостаточно, так он еще и сам по себе неслабый защитный артефакт. Обработаны и ножны, главная задача которых — принимать на себя удары и отводить глаза. Я могу ходить с этим мечом где угодно, и ни один простой человек или слабый маг его попросту не заметит. Точнее, не обратит внимания. Но главная особенность этого оружия в том, что со временем он подстраивается под хозяина и его удары становятся все сильнее и сильнее. Не знаю, как это будет работать с Волей и будет ли, но все равно — здорово! Императорский подарок! В который дядя и бабушка вложили душу. С последней я хоть и вижу нечасто, но за те редкие посещения она таки сумела завоевать мое доверие. В отличие от козла-деда. То есть, конечно, он Окава-сан, но если называть его дедом, то определение «козел» просто необходимо.

На следующее утро после дня рождения я пошел в школу со своей новой катаной. Не смог удержаться. Однако... Это было неудобно. Ну и то, что ее никто не видел, а значит, и похвастаться нельзя, не добавляло желания и дальше таскать меч в школу. Перед друзьями тоже не похващаешь — они ее видели и все высказали еще на дне рождения. Но это мелочи по сравнению с обладанием такой чудесной вещью. Единственный, кто кривил лицо, был Когарасу-Мару, но даже после того, как у меня появился свой меч, он продолжал жить с нами. Очень упертый тип.

— Кеншин, — обратился ко мне дядя за ужином, — как ты смотришь на то, чтобы посетить... — пожевал он губами. — Как бы это сказать... Представление миру очередного гения.

— Это как? — удивился я. Даже рис до рта не донес.

— Официально это день рождения Даан Мин Мэй. Помнишь ее?

— Мм? А, да, помню, ты еще просил ее за мной присмотреть.

— Да. Так вот, официально это день рождения, но по факту клан Даан представляет миру очередного гения в своих рядах. Им на таланты вообще везет. Интересно... и в целом, и лично тебе будет интересно посмотреть на представление, которое устроит Мин Мэй. Она будет демонстрировать всем желающим, насколько стала сильна.

— Мм... вызывать на дуэль? — поднял бровь.

И тут же нахмурился, так как игра бровями у меня получалась еще плохо. Я буквально чувствовал, что и на этот раз не получилось.

— Нет, конечно, — усмехнулся дядя. Черт, лишь бы не из-за моего кривляния. — Гости будут приглашены в специальное место, где она покажет все, на что способна. Ты ведь хочешь увидеть, на что способен очень могущественный маг?

— Хочу! — воскликнул я, осознав перспективы.

— Только учти — это не мой день рождения, мы будем лишь многими из приглашенных, и, скорее всего, тебе придется выслушать пару нелестных слов из-за того, что ты драбл.

— Ой, да плевать, — отмахнулся я левой рукой, поскольку в правой все еще были палочки для еды с рисом.

Который я тут же и отправил в рот, а то уж больно долго я его на весу держу.

— Хорошо, что ты так к этому относишься, — усмехнулся дядя.

— А представь, если бы ты не пустил меня к учителю, — заметил я, прожевав. — И что бы я сейчас делал?

— Давай не будем об этом. Я до сих пор не уверен в своем решении.

— До сих пор? — посмотрел я на него с удивлением.

— Когда-нибудь ты поймешь, — улыбнулся дядя грустно.

Мероприятие запланировано на вечер завтрашнего дня, так что времени подготовиться у нас полно. Жаль только, Акира с Такеши поехать с нами не могут — я как представитель приглашенного рода Окава еще мог там быть, а вот их просто не пустили бы.

Оделся я на праздник примерно так же, как и на первый день рождения дяди Ичиро, то есть кимоно, штаны, помпон на пузо и хаори. Заодно и меч взял, благо дядя подтвердил, что конкретно в этот раз все нормально, а так на дни рождения оружие лучше не брать. Из зеркала мы вышли в корейском доме дяди и уже оттуда добрались на машине.

На дворе царствовало лето — шестое июля, если кому интересно, так что за окном, когда мы выехали за город, все утопало в зелени. Как и везде, в принципе, просто дома я за пределы города почти не выбираюсь, и поэтому такие виды приятно радовали глаз.

Поместье клана Даан, как и поместье Окава, было построено в традиционном стиле, но стояло на холме, и постройки не были связаны крытыми переходами, как у Окава. Там создавалось впечатление единого огромного особняка, а здесь — просто комплекс отдельных строений.

Когда мы прибыли, гостей уже было приличное количество, да и традиции встречи прибывающих виновником мероприятия тут, похоже, не имелось. Слуги встретили, слуги проводили к остальным гостям, слуги принесли напитки. Ни одного духа при этом видно не было. Мелькали двухметровые големы в вычурных корейских доспехах, но различать големов и духов я умел, так что спутать не мог.

— Дядя Ичиро, — спросил я тихо, — а почему тут духов нет?

— Потому что они Даан, а не Окава, — ответил он так же негромко. — С духами работает всего с десяток семей в мире, остальные довольствуются классической магией и артефактами.

— Круто... — пробормотал я совсем уж неслышно.

Я, конечно, знал, что Окава специализируются на духах, но думал, что именно специализируются. То что у остальных с этим проблемы, я узнал только сейчас.

До какого-то момента этот... праздник представлял собой унылое перемещение между людьми и нелюдьми, короткие разговоры дяди с другими приглашенными, в которых я не участвовал, и редкие пробы представленных здесь кушаний. Пару раз меня пытались опустить. Подозреваю, что пытались задеть дядю через меня, но он не давал этим людям спуска, и все заканчивалось взаимными притворными улыбками. Моих ровесников почти не было, а детей младше меня не было совсем. Запомнился один парнишка моего возраста, с которым я пообщался, пока дядя разговаривал с его... отцом, наверное. Но учитывая, что дядя тоже выглядит как мой отец, хотя им не является, я поостерегусь от таких выводов. Спросить самого парня я как-то постеснялся. Звали его Ким Ву Ган, и разговор он начал необычно.

— Слушай, я понять не могу — ты человек или дух?

— Я драбл, — ответил ему спокойно.

— Это я вижу, но у тебя... — замялся он. — До фигищи силы, полно маны и какой-то нереальный уровень для нашего возраста, а главное...

— Что, прости? — абсолютно не понял я его.

— Ну уровень, — замялся он, покосившись на своего отца, который беседовал с дядей, отойдя чуть в сторону. — В компьютерные игры рубишься? Знаешь, что такое РПГ?

Этот парень сумел меня удивить и сбить с толку.

— Иногда играю... — ответил я осторожно. — Но редко. Что такое РПГ, знаю.

Дядя регулярно обновляет мне портативную приставку, в которую я играю, как правило, в школе на переменах. Играл. В средней школе нужно блюсти облик морале.

— Ну вот, уже проще. Если коротко, то моя магическая способность состоит в том, что я воспринимаю мир как РПГ. Я вижу уровень людей, их характеристики, статус, звание, титулы... и все такое. Да и себя так же вижу. Качаюсь, как в играх...

— Постоянно кого-то убиваешь? — пробилося любопытство сквозь удивление.

— Да не, задания других людей выполняю.

— Оу...

— Но скоро дядя Хей Ван купит мне тренировочный зал восьмого уровня, и я смогу прокачиваться на мобах. Ну то есть на духах.

Тренировочные комнаты делятся на уровни, где высшим считается десятый. Восьмой тоже неплохо — большая территория, время ускорено в восемь раз, само собой, эффект старения отсутствует, привязка духов разного ранга, на которых можно тренировать свои силы. Крутая вещь, короче. И очень дорогая. Если бы дядя не был одним из тех, кто делает такие тренировочные залы, он вряд ли потянул бы его покупку. То есть с помощью рода — запросто, а вот лично — вряд ли. Но даже так, поставить мне в доме тренировочный зал восьмого уровня обошлось дяде Ичиро весьма недешево. Плата духам, плата за материалы, общая сложность. Например, тренировочный зал более высокого уровня он просто не потянет в одиночку — там и сил больше надо, и хотя бы один напарник нужен, причем если напарник только один, то уровень его компетенции должен зашкаливать.

— А... мм... а если просто отжиматься, сила повысится? — поинтересовался я.

— Ага, — вздохнул он, — но это поначалу было можно делать, сейчас у меня такие статьи, что качать силу, отжимаясь, уже невыгодно. Можно целый день этим заниматься и в лучшем случае на единичку повысишь.

— Круто... У тебя крутая способность, — покачал я головой. — А еще у меня что-нибудь интересное видишь?

— Ну да, я ж чего разговор начал — у тебя есть параметр силы духа, а я его только у духов видел, причем у тебя как-то ну очень много СД.

— СД... понятно... И сколько у меня СД?

— Тысяча семьсот двадцать, — ответил он. — Я больше двухсот пятидесяти только у дяди видел.

— У дяди?! — Я даже оглянулся на двух разговаривающих и не обращающих на нас внимания мужчин.

— Ну да... — замялся Ву Ган. — Он не человек. Оформил на меня опеку, когда мама умерла, — закончил он грустно.

— Соболезную, — произнес я. — Такая же фигня.

— Ты тоже сирота?

— Не совсем... — сбился я, не зная, как лучше сказать. — Просто скажем так, род меня видеть не желает, я же драбл.

— Оу, извини, — смутился он.

— Да ладно, — пожал я плечами. — Привык уже. Да мне и плевать было всегда. А сколько у твоего дяди СД?

— Больше пяти тысяч, — усмехнулся он. — Великий дух как-никак.

Вот это было по-настоящему удивительно. Мало ли какая способность бывает у мага, а

вот опека великого духа над человеческим ребенком... я и не слышал о таком никогда.

— Плевать на твою способность, ты и без нее крут, — произнес я под впечатлением.

— Хех, стараюсь соответствовать, — усмехнулся он. — Восемнадцатый уровень уже. Это, конечно, меньше, чем у тебя, но у наших ровесников и вовсе от четвертого до седьмого уровня встречаются.

— А у меня сколько?

— Пятьдесят первый, — вздохнул он. — Я совершенно не представляю, как ты мог такого добиться.

— Ага, — почесал я удивленно лоб. — Особенно учитывая, что я драбл.

— Ну да, кстати, так еще удивительнее.

— А у моего дяди какой уровень?

Ну не мог я не спросить об этом.

— Не знаю, — пожал плечами Ву Ган. — У него я только знаки вопроса вижу.

— Типа слишком маленький уровень?

— Или способность «Опознание», — кивнул он. — Смысл от этого не меняется. Максимальный уровень, который я видел на этом приеме, — девяносто девятый, — начал он оглядываться. — Вот у того мужчины.

Посмотрев, на кого он указывает, я заметил какого-то типа в черном фраке и цилиндре, общающегося с неизвестной мне старушкой.

Поговорив с Ким Ву Ганом еще немного, я выяснил, что у меня в статусе есть пара титулов — «Избранный» и «Старший ученик школы Кен-но-иши». И если второй титул редкостью не был — у них в Корее много разных «учеников» бегают, то первый — уже редкость. Ву Ган за свою жизнь видел всего двоих с таким же титулом. Жаль, было бы прикольно оказаться единственным, но и так сойдет. Когда наши опекуны наговорились, на прощанье Ким Хей Ван приглашал в гости, а мы с Ву Ганом даже обменялись телефонами. Нельзя же терять из виду такого интересного парня. Может, и правда навещу.

На мой рассказ о новом знакомом дядя только головой покачал.

— Какие только в мире не встречаются способности, — произнес он на это.

В отличие от родовых магические способности могут появиться у любого мага, но происходит это редко. У дяди была помимо родовой еще и магическая способность. Кровь давала ему возможность лучше чувствовать духов, что выводило род Окава в тройку мировых лидеров в своей специализации. А магия давала ему способность понимать любые языки. С оговорками, но любые. И человеческие, и магические. Я в этом плане тоже отличился — магия наделила меня способностью видеть сквозь любые отводы глаз и многие маскировочные заклинания. В основном из-за этого я постоянно вижу столько... странных существ. Не все они духи, тем же оборотням порой проще накинуть на себя заклинание или отвести глаза, чем... ну, например, толкаться в забитом автобусе. Раз! И с огромной скоростью бежишь домой. Да и маги многие этим грешат. По факту после тестов дяди Ичиро мы выяснили, что только заклинания высшего порядка могут с гарантией в сто процентов скрыть нечто от моего взгляда, в остальных случаях — как повезет, но средние и среднесложные заклинания на меня не действуют совсем. Точнее, я вижу сквозь них. Например, в нашем доме никто не может спрятаться от моего взора, и все те исчезновения, которые раньше я принимал за невидимость, — банальная телепортация, а вот Джокишимас так перемещаться не может, поэтому ему остается только убегать. Да, быстро, но передвижение я все же успеваю заметить. И это — помимо родовой способности. Наверное,

только благодаря ей я в детстве не сошел с ума, ну или как минимум вырос обычным парнем, а не заикой. Но повторяюсь — мы с дядей попали в топ редкостей этого мира, и судить по нам о количестве людей со способностями не стоит.

Главная часть праздника началась примерно через час. Глава клана Даан, отец Мин Мэй, произнес проникновенную речь, в которой благодарил всех нас за то, что мы пришли сюда в столь особенный для его дочери день, который знаменателен не только ее восемнадцатилетием, но и вхождением в стан сильнейших магов планеты. После чего предложил засвидетельствовать это самое вступление, которое пройдет в тренировочном зале клана Даан.

Вход в зал... Я представлял его несколько иначе, во всяком случае, не как две огромные колонны на краю поместья. До того момента считал, что это просто какое-то украшательство. Между колоннами виднелось все то же самое, что и вокруг поместья, то есть деревья, кусты, поляна... и гора, которой в реальности тут не было.

— Прикольно, — оценил я увиденное, идя вместе с дядей и остальными гостями к колоннам.

— Десятый уровень, — произнес на это дядя Ичиро. — Создан еще лет двести назад членами нашего рода.

— Десятый? — удивился я.

— Да, — усмехнулся он. — Их всего двадцать один во всем мире. Семнадцать лет назад таких залов было двадцать, но эмир Хакам аль-Мустаин решил сделать подарок своему сыну, и теперь их двадцать один.

Внутри тренировочный зал выглядел, как... как если бы мы просто переместились на поляну в каком-нибудь лесу. Простор поражал, границ зала видно просто не было. У меня, например, то есть у нас дома, границы зала отмечены стеной серой дымки, а тут ее просто нет. Слава богу, что дядя пояснил данный факт, а то я начал бы завидовать. Оказывается, это просто иллюзия, тут от силы квадрат километр на километр. Тоже впечатляет, но уже в пределах разумного. Всяко больше, чем триста метров в нашем зале. Ну и никаких лесов у нас тоже нет — обычный газон.

Дальше последовало эффектное представление, на котором Мин Мэй крошила различных монстров, кидаясь эпичными заклинаниями. Мне, например, понравились сотни зеленых мечей, которые как дождь падали на приближающуюся волну всякой нечисти. Ну или огромный серп зеленого света, снесший пяток рычащих пятиметровых ящеров. Настоящим апогеем стало появление по-настоящему большого... европейского демона. Уж больно он походил на те картинки, что я видел.

— Высший демон инферно, — прошептал мне на ухо дядя Ичиро. — За его призыв Даан наверняка заплатили огромную сумму.

Двадцать метров мышц, огня и злобы Мин Мэй пинала в течение пяти минут. Пять минут на него обрушивались мощнейшие и — что уж там говорить — эффектные заклинания. Всего на мгновение, но я пожалел, что драбл. Потом мне стало немного стыдно, но данный факт не изменить. Зато после этого моя воля стать сильнейшим в мире была крепка как никогда. Да, Мин Мэй гений, да, у нее фора в пять лет, зато я ученик школы «Кенно-иши». Единственный в этом мире, черт подери. Призванный великим ритуалом, а значит, тоже гений, пусть и в узкой области, но мне больше и не надо. Когда-нибудь я стану настолько сильным, что... впрочем, ладно. Мое возвышение неизбежно, надо просто подождать и усердно тренироваться.

— Надо будет ее лично поздравить, — произнес дядя, когда демон начал заваливаться на спину, истлевая при этом кровавой дымкой.

Надеюсь, девчонка выросла и мне не придется выслушивать бахвальство и издевательство над моей силой. Хотя о чем это я? Плевать на нее. Я чистый, умный и немного пафосный, а девчонки любят таких парней.

После того как представление, устроенное Мин Мэй, закончилось, толпа гостей напоминала потревоженный улей — если не прислушиваться к отдельным разговорам, доносился лишь ровный гул.

— И это — в семнадцать лет, — покачал головой дядя. — При таком темпе развития она к двадцати станет великим магом.

— А я к двадцати стану сильнейшим в мире, — произнес я немного ревниво.

Какого черта он восхищается ею, а не мной?!

— Конечно, станешь, — потрепал он меня по голове.

— И почему семнадцать? Вроде тут говорили, что ей восемнадцать.

— Это корейская традиция — при рождении ребенка ему сразу накидывают год, на деле же ей всего семнадцать.

Корейцы, что с них взять?

Вернувшись в поместье, гости разбрелись кто куда, и в целом создавалось впечатление, что ничего и не произошло, — все стало точно так, как было до речи отца Мин Мэй. С самой виновницей торжества мы встретились минут через двадцать, мне даже показалось, что именно нас она и искала, уж больно целенаправленно пошла в нашу сторону сразу, как только увидела.

— Окава-сан, — поклонилась она с улыбкой дяде, — рада вас встретить тут. Я уж было подумала, что вы решили не приходить.

Двенадцать лет — вполне достаточный возраст, чтобы начать ценить женскую красоту, так что нет ничего удивительного в том, что я посчитал ее весьма похорошевшей с нашей последней встречи. И красное ципао только подчеркивало ее прекрасную фигуру.

— Как можно? — усмехнулся дядя. — Пропустить такое событие было выше моих сил. И хочу заметить, ты показала себя с наилучшей стороны. Кеншину тоже понравилось. Помнишь моего племянника?

— Конечно помню, — перевела она на меня взгляд. — Малыш превратился в маленького красавчика, как я посмотрю. Все еще хочешь стать самым сильным в мире?

Все-таки поддела. Да и слышать из ее уст «малыш» было неприятно. В общем, зря она так.

— С таким-то призом в конце? Конечно, хочу.

— С каким призом? — поинтересовался дядя Ичиро.

Пауза была небольшой, но я еще успел подумать: сама ли она скажет или мне придется?

— Если он сможет превзойти меня, — натянула она на лицо улыбку, — то я выйду за него замуж.

— О-о-о... — протянул дядя, а Мин Мэй немного покраснела. — Достойный повод, — покивал он. И тут же нанес удар в спину. — То-то ты все время говоришь о том, что станешь лучшим. Ради такой невесты стоит постараться.

— Никогда! — вспыхнула она. — Он никогда не превзойдет меня. Окава-сан, о чем вы вообще говорите? Он же драбл, пусть забудет все мечты о силе!

Пауза после ее слов была просто оглушительная, но затем дядя все же решил высказаться.

— Вот, значит, как Даан встречает гостей, оскорблениями? — Тон дяди Ичиро

изменился разительно. Холодный и царапающий слух.

— Что? Все не так, Окава-сан, — произнесла испуганно Мин Мэй. — Я ничего такого...

— Пойдем, Кеншин, похоже, нам тут не рады, — бросил дядя, после чего развернулся и пошел прочь.

— Окава-сан, я не хотела! Простите...

Я же немного задержался. Холодный взгляд, небольшая пауза, короткий поклон — вежливое послание куда подальше я освоил в совершенстве. Хотя, откровенно говоря, поведение дяди Ичиро и для меня стало неожиданностью. Похоже, мое... даже не знаю, как это назвать... то, что я драбл, печалит его куда серьезнее, чем меня. Мне-то вообще по фигу. Да еще и от Мин Мэй он удара явно не ждал.

Догнав дядю, я все же поинтересовался:

— Тебе не кажется, что ты немного переборщил?

— Никто не смеет оскорблять моего племянника, — произнес он хмуро, продолжая движение. — Тем более — в моем присутствии.

— Мне ее даже немного жалко стало.

— Отстань, Кеншин. Ты для меня важнее чужого ребенка, кем бы он ни был. Захочет извиниться — пусть приходит, нет — ну и черт с ней.

— Так она вроде уже пыталась извиниться...

— Отстань, — буркнул он.

— А бабушка говорила, что ты не такой вспыльчивый, как мама.

— Я умею признавать ошибки, в отличие от Ханы и твоего деда, вот и вся разница. Говорю же — захочет извиниться, мы ее примем. Отец бы сразу все отношения порвал.

— То есть ты признаешь, что ошибся? — Я и сам не знаю, зачем к нему пристал.

— Вспылил, а не ошибся. Мин Мэй была не права, и игнорировать я это не намерен. Кеншин, тебя же оскорбили! Возмутись уже!

— Я ведь не раз говорил, дядя Ичиро, мне плевать на подобные уколы.

— Но и пропускать оскорбления мимо ушей тоже нельзя!

— Ну так я же поддержал тебя, — пожал я плечами. — И всегда буду поддерживать, так что ты в следующий раз... того... не вспыхивай так быстро.

На это дядя Ичиро улыбнулся и вновь взлохматил мне волосы.

— Я только что придумал, что подарю тебе на день рождения.

— И что? — заинтересовался я.

— Увидишь, — усмехнулся дядя.

— Так нечестно, — буркнул я в ответ. Ничего, потерплю, тут осталось-то... восемь месяцев. — Это доспехи?

Через месяц после того дня рождения произошел случай, про который я не могу не упомянуть. Я тогда занимался на одном из полигонов школы учителя, когда мимо нас, то есть меня и других парней на полигоне, пробежало несколько учеников, один из которых крикнул:

— Учителю бросают вызов!

Естественно, мы побежали за ними. Успели только под самый конец, когда учитель интересовался у какого-то типа явно европейской наружности, укутанного в дорогой плащ:

— Раз договорились, я просто обязан тебя спросить — ты вообще в курсе, к кому пришел?

— За идиота меня держишь? — прорычал мужик в плаще.

— Что ж, я понял. В таком случае не говори потом, что просто мотылек, на огонь летящий.

Подойдя к Док Ше, стоявшему чуть поодаль от толпы учеников, я спросил у него:

— О чем это учитель говорил?

— Просто присказка, — покосился он на меня. — За годы жизни он столько раз ее произносил, что сейчас получаются вот такие вот композиции. Ты же знаешь, как он не любит повторяться, а банальность вроде: «Не жалуйся, что ошибся адресом», — он, наверное, еще будучи подростком кому-нибудь ляпнул.

Четыреста лет говорить одно и то же разными словами? Вау. Учитель крут, но я это и так знал.

— А кто его вызвал-то? — спросил я у Док Ше.

— Конкур Латэ, великий мастер двухклинкового боя, — ответил он, поджав губы. — Очень известный воин, а в нашем мире это многое значит.

— Они насмерть будут драться? — спросил я осторожно.

— Кеншин, — повернулся он ко мне со вздохом, — как ты представляешь себе битву мастеров не насмерть? Думаешь, они будут себя ограничивать?

— Но ведь учитель победит? — уточнил я.

Что-то мне неуютно стало. А этот паразит еще и не отвечает, позволяя мне себя накрутить.

— Я не знаю, — все-таки ответил он. — Не буду врать, просто не знаю.

Отметив, что этот Конкур уже ушел, я подбежал к учителю.

— Вы... — начал я. — Круто вы его.

К черту сомнения — учитель лучший!

— А ты думал, — усмехнулся он, задрав нос. — Я таких, как он, на своем веку уже с десяток на тот свет отправил, а уж сколько было послабее, совсем со счета сбился. Уж чего-чего, а опыта опускания с небес на землю у меня достаточно.

— Научите?

— Это вряд ли, — покачал головой учитель. — Тут именно опыт нужен, но пару советов дам. Вот, например... Ты чего такой хмурый? — обратился он к подошедшему Док Ше. — А, не важно. Вот, например, — переключился он на меня, — когда тебе нечего сказать, молчи и улыбайся. Вообще молчание и улыбка могут сильно взбесить собеседника, так что не стесняйся пользоваться этим, даже когда тебе есть что сказать. Тут главное — не улыбаться как идиот, но над этим мы с тобой поработаем. Завтра у меня бой, так что начнем послезавтра. Пройдемся по всем оттенкам улыбки! — закончил он, умудрившись воодушевить самого себя.

— Надо бы хорошего целителя нанять, — произнес Док Ше.

— Эй, ты не веришь в своего учителя? — возмутился тот в ответ. — Хотя да, мелкие царапины могут и появиться. Нанимай, — махнул он рукой.

— Я не дуэль имел в виду, а то, что у вас с головой не все в порядке.

— Оу. Ну... — грустно покачал головой учитель, положив ему руку на плечо. — Смирись, это не лечится. Как тебе прозвище Попрыгунчик? — сменил он резко тему. — Ты когда взвизгиваешь, так смешно подпрыгиваешь.

Дяде я о произошедшем в том мире не рассказал. Просто он ничем помочь не мог, а нагружать его лишней раз своими проблемами не хотелось. Немного раздражало и то, что во время дуэли я должен себе учиться в школе, хотя, как и дядя, я тоже ничего не мог с этим

поделать. Из-за накрученных нервов в клубе кендо я нагрубил одному из своих сэмпаев, отчего был поставлен против него в спарринге, дабы он научил меня паре трюков. Ну что тут скажешь? Я был зол, а он — откровенно слаб. Хотя за сломанную руку я долго кланялся и просил прощения. В самом деле сорвался, как последний слабак.

Когда я наконец добрался до школы учителя, то сразу побежал выяснять обстановку. И быстро выяснил, так как, наверное, все ученики школы находились на переднем дворе и скандировали во славу учителя. А он сам, с виду — абсолютно целый, сидел на пороге и благожелательно кивал толпе. Док Ше тоже там был — стоял рядом с учителем и улыбался.

— О, явился? — спросил он меня, когда я приблизился. — Все, дорогие мои ученики! Порадовались — и хватит! Сегодня остаток дня всем отдыхать, старшие ученики могут выбраться в город. Разошлись! А тебя, мой юный ученик, я никуда не отпускал.

— Да вроде... — пожал я плечами.

— Вот и отлично, — кивнул учитель. — Сегодня тебя ждет увлекательное обучение, посвященное тому, как правильно двигаться. Ибо это — половина победы! — поднял он палец. — Знаете, почему проиграл Конкур? У него были проблемы с передвижением. Пока стоял на месте, он был непробиваем, но стоило только навязать ему маневренный бой, и он тут же проиграл. Это, конечно, все относительно, великим он был по праву.

— А мне вы говорили, — заметил Док Ше, — что половина победы — это знание противника.

— Ну... да. Что не так-то? Половина — движение, половина — знание.

— А как же Воля? — не сдавался Док Ше. — Про нее вы тоже говорили, что это половина победы.

— Знаешь... — почесал бровь учитель. — Иди-ка ты лучше... по своим делам. Не мешай мне ученика просвещать.

Проводив взглядом ухмыляющегося Док Ше, я задал учителю вопрос:

— Так что в бою главное?

— Ты это брось, — нахмурился он. — Учись смотреть в суть. Нет в бою главных вещей — любая мелочь может стать решающей. Если ты можешь контролировать все, то никакая удача не поможет сопернику. Правда, до такого уровня не дошел даже я, — решил он все же уточнить. — Пойдем, нечего штаны просиживать.

Поднялся на ноги он вроде как обычно, но что-то мне глаз все же резануло. Слишком плавно? Чуть медленней? Или еще что? Не знаю, но вопрос все же задал:

— Вы ранены, учитель?

— Хех, — глянул он на меня. — Глазастый. Одобряю. Да, Конкур таки сумел меня зацепить, но не волнуйся — через месяц от раны и следа не останется.

— Мама говорила, — вздохнул я, — что даже порез может стать причиной серьезной болезни.

— Правильно говорила, — ответил учитель уже на ходу. — Повезло, что у меня не порез, а перелом.

— Еще лучше... — пробормотал я.

Пришли мы не на полигон, а на одну из учебных площадок, где не было ни одного манекена или других препятствий. Именно здесь, как правило, отрабатывали ката одновременно большое количество учеников.

— Итак, — остановился на краю площадки учитель. — Сегодня я научу тебя быстрому перемещению. Не прыжкам, игнорирующим препятствия, а просто очень быстрым рывкам в

ту или иную сторону. С чего бы начать? — почесал он подбородок. — Среди тех, кто использует Волю, есть множество способов... — Он помолчал. — Основных способов... мм, быстрого перемещения. Одни применяют для этого какие-то эмоции, а другие... собственно, не применяют. Первый вариант легче, особенно если надо хотя бы научиться, но и перейти на другой вид после этого трудно. Поскольку у меня, в отличие от тебя, никогда не было учителя, особенно такого гениального, мне приходилось собирать слухи и экспериментировать. А так как первый вид, как я и говорил, проще, начал я именно с него. Эх, — покачал он головой, — никогда я еще не был так близок к смерти, как в тот раз. В спокойной обстановке еще ничего, а вот во время боя столько нюансов всплыло... В общем, этот вариант мы пропустим. К демонам его. До второго вида я доходил методом проб и ошибок и вот что тебе скажу — после того, как у меня все получилось, я понял одну важную в нашем деле вещь. Знаешь какую? Конечно, не знаешь. Так вот — сломать можно все что угодно. Даже пространство. Если твоя Воля сильна, перед тобой нет границ. Попробуй осознать это, проникнуться каждой буквой в словосочетании «нет границ». Если тебе надо, а тебе должно быть очень надо, то расстояние между двумя точками будет всего лишь один шаг. Какое бы оно ни было на самом деле. Один шаг, ученик. Один. Сделай его, и ты сможешь прямо отсюда пересечь всю эту площадь. Ведь тебе это надо. Сильно надо. И ты можешь. Потому что ты лучший. Отсюда. Всего один шаг. Туда. Сделай его!

И я сделал. Один шаг, и все размывается, превращаясь в какой-то туннель. Вроде всего миг, но я успел почувствовать, как меня словно сам воздух сжимает в одну точку, и когда стало совсем невмоготу, все кончилось. Первым делом я осознал, что до другого края площадки я так и не дошел, но метров на двадцать переместился точно. Неужто я не так крут, как думал о себе? Нет, стоп. Это всего лишь первая попытка. Учитель не должен меня ругать за это.

— Простите, учитель, — склонил я голову, когда он подошел ко мне, — я не смог пересечь всю площадку.

— Ой, да плевать, — махнул он радостно рукой. — Хе-хе-хе... Все-таки я гений, да, — покивал он. — Знаешь, сколько видов перемещений имеют пользователи Воли?

— Два, — произнес я осторожно. Сейчас явно какой-то подвох будет. — Ускорение и прыжок.

— Правильно, — кивнул он. — Чем ты воспользовался сейчас?

— Ускорением, — еще более осторожно ответил я.

— Неверно! Ускорению ты обучился полгода назад, а это был прыжок!

— Но как же... — растерялся я. — Вы же говорили...

— А я соврал! Муа-ха-ха! Ха-ха-ха!!!

— Вы реально сумасшедший, учитель.

— А? — глянул он на меня. — Кхм. Зато теперь Док Ше не будет задирать нос, я тоже могу с первого урока чему-то серьезному научить! Выкуси, Док Ше! — выкрикнул он в сторону здания школы. — Ладно, шутки в сторону, — повернулся он ко мне. — Первым делом расскажу тебе об этой технике. Как ты знаешь, она позволяет игнорировать препятствия на твоём пути и в целом безопасна. В крайнем случае прыжок просто завершится, и ты остановишься. Чувствовал, как пространство сжимается вокруг тебя?

— Да, — кивнул я.

— Тренируемый навык, — указал он на меня пальцем. — Но прыжки более чем на двести метров невозможны. Точнее, я и не слышал о таком. Сам я прыгаю на сто пятьдесят

— просто потому, что больше мне и не надо. Рукопашники и вовсе прыгают метров на тридцать — пятьдесят, а вот лучники — очень неудобные противники. Кхм, но не для меня. Я гений. Чем чаще тренируешь прыжок... хм, дальность прыжка, тем дольше можешь бороться со сжатием пространства. Запомни — если просто прыгать туда-сюда, не пытаясь увеличить расстояние, то оно никогда не увеличится. Борись с ним, но не переусердствуй. Чем дальше ты сможешь перемещаться, тем сложнее будет становиться тренировка. Если задашься целью прыгать на километры, потратишь свою жизнь зря — дальше двухсот — двухсот десяти метров даже лучники прыгать не могут, а ведь они специально тренируются. Далее... В ближайший год я запрещаю тебе тренироваться в закрытых помещениях и заполненных препятствиями местах. Сам прыжок безопасен, но если ты выйдешь из него внутри стены или дерева, то ждет тебя не самая приятная смерть.

— Как будто есть приятная, — поежился я.

— Конечно, есть, — произнес учитель слегка удивленно. — Некоторые виды ядов, наркотики, специально обученные женщины... полно таких способов. Ну или вон, в родной стране Док Ше есть вид призраков, который убивает песней, прикинь. Поют — и жертвы засыпают с улыбкой.

Это да, в Чжунго с призраками прямо беда. Я за время обучения здесь столько всего узнал об этом... В моем мире призраки все-таки подбробнее будут.

— А вы еще над Док Ше издевались, — произнес я укоризненно.

— Ой да ладно тебе. Ему полезно встряхнуться. Если бы не я, он бы совсем забросил саморазвитие. Ленивый, паразит.

— Док Ше ленивый? — удивился я.

— А то, — хмыкнул учитель. — Умный, гений в фехтовании и при этом ленивый. Был бы поглупее — и даже до нынешнего уровня не добрался бы. Да и ты бы не задавал таких вопросов — лень свою скрывать он умеет.

— Это ж надо... — все не мог я переварить новость.

— Не бери в голову, это моя проблема. Идем дальше... Куда идем-то?.. А, точно! С настоящего момента тренировки в этом мире отменяются. Теперь здесь ты будешь только обучаться, а тренироваться — у себя дома, — произнес учитель, после чего, немного помолчав, вздохнул. — Эх, мне бы такое тренировочное место, как у тебя, и я бы... Ладно. Смысл ты понял? Здесь учишься — там тренируешься. Тебе скоро тринадцать, тело и разум подготовлены идеально, пора уже делать из тебя маленького монстра.

После школы я даже не стал забегать домой, а сразу завернул к Акире. Меня переполняли эмоции, и я должен был их выплеснуть. Можно было и к Такеши зайти, но он, как правило, и сам у Акиры тусовался. Кроме того, к нему пришлось бы подниматься на второй этаж. А самое главное, именно дом Акиры находился ближе по дороге из школы. То есть сначала стоял он, потом мой, и лишь потом — дом Такеши.

— О, народ, — забежал я в калитку и, вместо того, чтобы зайти в дом, свернул налево во двор, где находились оба моих друга.

— Привет, — лениво махнул Такеши, сидящий на полу веранды и наблюдающий за тренировкой Акиры.

— Здравствуй, Кеншин, — кивнул тот, очередной раз махнув боккэном.

— Меня взяли в основной состав клуба! — выпалил я, подойдя к ним. — Единственного среди первоодок.

— Ого, — вздохнул Такеши, — может, и мне кому-нибудь руку сломать?

— Поздравляю, — улыбнулся Акира. — Получается, в этом году мы все же встретимся с тобой на турнире.

— Или, может, ногу, а? — продолжал рассуждать Такеши.

— Лучше не стоит, — покачал головой Акира.

— Тебе-то хорошо, ты у нас капитан клуба, а что делать бедному мне? — поинтересовался Такеши.

— Быть более ответственным и усилить тренировки, — посоветовал Акира.

— Эх вы, — вздохнул я. — Где взрыв радости? Множество поздравлений? Вы будто и не друзья.

— А где сочувствие и куча подбадриваний? — ответил на это Такеши. — С такими сэмпаями, как у меня, я вовек в основной состав не войду. Говорю вам — они точно завидуют моей силе.

— Так, может, и правда, — кинул я портфель рядом с Такеши, — пойдём сломаем им что-нибудь?

— Вы как два ребенка, в самом деле, — раздалось мне в спину, когда я заходил в дом. Где у Акиры запасной инвентарь лежит, я, понятное дело, знал.

— Добрый вечер, Хомура-сан, — помахал я деду Акиры, сидящему за газетой у них в гостиной.

— И тебе того же, Кеншин-кун, — ответил тот, оторвавшись от чтива.

Я же поспешил за боккэном — меня переполняли эмоции, и мне хотелось помахать мечом. Но не просто так, а именно с друзьями.

Вернувшись наконец домой, первым делом нашёл тэнгу.

— Выкуси, носатый, меня взяли в основной состав клуба!

— И что? — перевел он взгляд с телевизора на меня. — Мастером кендо даже обезьяна может стать. Хотя нет, слишком уничижительно для обезьян... даже мокрица сможет стать мастером кендо. А потом придет обезьяна и раздавит ее.

— Ты... — Я даже не знал, что на это ответить. — Ты... Ты просто слабак, который не хочет признавать свою ошибку.

— Хочешь проверить меня на слабость?! — поднялся он с дивана и расправил плечи.

— Кстати, да, давно пора! — принял я вызов. — Нарезу тебя на множество маленьких тэнгу!

— Ты сначала нарезалку свою отрасти, а потом уже рыпайся!

— У тебя той нарезалки вообще нет!

— Что-о-о?! Да у меня...

— В пах ему бей! — раздалось с лестницы азартные вопли. — А как согнется, кадык рви, все равно это его не убьет!

— Тьфу на тебя, старикашка, — сплюнул Куфуран в сторону выглядящего на тридцать Когарасу-Мару и вновь уселся на диван. — Весь настрой испортил.

— Эй, а как же драка?!

— Вас не учили не лезть в чужие дела, Когарасу-Мару-сан? — вздохнул я успокаиваясь.

Приходится признать — появился он вовремя, но не делать же этого вслух?

На первый в своей жизни турнир по кендо я отправился только осенью, и пусть он был всего лишь школьным, причем среди средних школ, радости от этого у меня не прибавилось. Во-первых, с чего-то же надо начинать, а во-вторых, я был единственным из первоодков, а

выделяться таким образом я люблю. Правда, приходилось скрывать свою радость — все-таки я формирую себе вполне конкретный образ, дабы и здесь стать школьным принцем, а выражение детской радости для этого образа неуместно. Холодный, но вежливый, не лишенный эмоций. Умный и внимательный, готовый помочь окружающим. А главное — немного пафосный. Так что, как видите, нужно было сдерживаться.

Турнир, на который мы прибыли, организовали бывшие ученики школы «Ошен». В мире кендо у школьников вообще проблема с турнирами. Нет, их полно, но ничего... глобального, масштабного. Единственный турнир, который проходит под эгидой Всеяпонской федерации кендо, — это национальный турнир кендо среди старших школ. Всем остальным и в другое время приходится довольствоваться местечковыми турнирами, некоторые из которых, справедливости ради замечу, крупные. Например, в префектуре Хёго, где находится наш город, раз в год проводится турнир средних и старших школ под патронажем университета «Бокаку» в городе Нисиномии. Увы, но проходит он летом, и туда я уже не успел.

Наш турнир состоял из командного и индивидуального туров. Само собой, я участвовал и там и там. В команде бывает пять человек, и бьются они до трех побед или поражений из пяти схваток. Порядок выхода на площадку участников команды распределен заранее и выглядит примерно так — первым выходит лидер нападения, фактически — лицо команды. От того, выиграет он или проиграет, зависит расклад дальнейшего матча. Ну и боевой дух нельзя списывать со счетов — согласитесь, начинать с выигрыша куда приятней. Вторым номером идет или новичок, или самый слабый член команды. Это место мало на что влияет. Третий номер — очень важная фигура. Он либо завершает матч, если первые двое победили, либо дает шанс команде продолжить, если первые два неудачника проиграли. Даже если у первых двух — ничья, то его позиция не теряет актуальности. На третье место, как правило, ставят второго по силе в команде. Четвертым номером идет тот, кто может хорошо контролировать ход боя. Ему чаще всего удается свести вничью даже бой с более сильным противником. Ну и пятый номер — так называемый генерал. Тот, кто наносит решающий удар, если уж до этого дошло. Самый сильный боец в команде.

Как вы понимаете, меня поставили на второе место, то есть наш капитан решил использовать стандартную раскладку выхода бойцов. Нормально, штука эта универсальная, так что, если не уверен, смело выбирай ее. В данном случае я ничего не знал про наших будущих противников и, соответственно, судить, прав капитан или нет, не мог. А капитан... ну он был опытным кендоистом. Не сильным, не слабым, зато опытным. Команда нашей школы всегда занимала место как минимум в середине турнирной таблицы, что, учитывая отсутствие у нас нормального тренера, говорило о многом. Тренер был, если что, только вот... тренер из него — одно название. Учитель математики — и этим все сказано. Фактически он был не тренером, а простым куратором клуба.

— Кеншин, — раздалось сбоку от нас.

Поединки еще не начались, и все команды дожидались начала в спортивном зале школы «Ошен». Уже одетые в защитное снаряжение, кроме масок, мы стояли у стены и наблюдали за нашими возможными соперниками.

— Акира, — улыбнулся я, повернувшись в его сторону. — Рад, что ты здесь.

— Куда же я денусь? — улыбнулся он в ответ. — Скорее всего, это последний турнир для третьегодок, и не дело его пропускать.

«Сегодня ты познаешь страх», — хотелось мне сказать, но образ накладывал ограничения, поэтому пришлось говорить совсем иное:

— Уверен, в старшей школе ты покажешь себя не хуже, чем в средней. Надеюсь, смогу встретиться с тобой и там.

— Старание и труд тебе в помощь, Кеншин. Наверняка мы с тобой еще не раз встретимся на площадке. А сейчас прости, меня зовет наш тренер, — кивнул он в сторону махнувшего ему рукой мужчины.

— Удачи, Акира, сегодня она тебе потребуется, — слегка кивнул я ему.

— Она всегда со мной, Кеншин, — улыбнулся он в ответ.

Стоило ему только отойти подальше, и вся команда набросилась на меня с вопросами.

— Тихо! — прикрикнул капитан. — Кеншин-кун, с каких пор ты знаком с Хомура-саном?

— Мм... да лет с восьми, — пожал я плечами, оглядев собравшихся вокруг меня парней. — Мы с ним соседи. А что-то не так?

— Вот черт, — протянул капитан, — а мы-то уже напридумывали себе всякого. А дело в том, Кеншин-кун, что Хомура-сан — лучший фехтовальщик нашего поколения. Один из лучших, — поправился он. — Победитель турнира «Бокаку» этого года, а значит, сильнейший в нашей префектуре среди средних школ. За его спиной — с десятков выигранных турниров, а его команда может дать жару и ученикам старшей школы. Он легенда нашей префектуры, можно сказать. В старшей школе он сможет претендовать на национальный кубок, а такого в префектуре Хёго не случалось уже несколько лет.

— Впечатляет, — слегка улыбнулся я на слова капитана. — Значит, нас таких уже трое. Нашему городу есть чем гордиться.

Следующие пару секунд все молчали и тупо хлопали глазами.

— Трое? — все же переспросил капитан.

— Акира, я и еще один наш сосед — Такеши. Мы примерно на одном уровне. Правда, Такеши не повезло с сэмпаями, в отличие от меня, — решил я немного польстить им, — так что встретить мы его сможем разве что в следующем году.

— Если он такой же наглый, как ты, я могу понять его сэмпая, — пробурчал капитан.

— Как вы можете так говорить, капитан, я педантично вежлив, — изобразил я легкое возмущение.

— Вот! Вот об этом я и говорю, — потыкал он в меня пальцем и, вздохнув, продолжил: — Ладно, проехали, я с этим твоим Такеши в любом случае не встречусь. А вот второгодкам, — глянул он на Ванду Бенжиро, — лучше держать нос по ветру.

Ванда-сан был на год старше меня и единственным представителем второго года обучения в основном составе. Именно его нынешний капитан пророчит себе в преемники. А еще, чтобы вы понимали его перспективы, он уже сейчас считается вторым по силе в команде. Меня, понятное дело, в этом раскладе не учитывают.

— Приложу все усилия, капитан, — поклонился он.

— Учись, кохай^[26], — глянул на меня капитан, — вот что значит уважение.

— Прошу прощения, если вел себя вызывающе, — поклонился я вслед за Вандой-саном.

— Уже лучше, — усмехнулся капитан, — но породу, похоже, просто так не спрячешь.

Сам турнир начался только через полчаса, и еще столько же мы ждали своей очереди. Трудности, конечно, закаляют, но лишнее время, проведенное в защитном снаряжении, прямо скажем, напрягает. Бог с ним, с весом, но упарился я знатно. Самое обидное, что примерно половина команд оделась в последнюю очередь, так что это не более чем пунктик в голове нашего капитана. Да и не только нашего, судя по всему.

Всего в турнире участвовало восемь школ, и проходил он в два этапа, сегодня — командный, завтра — индивидуальный. Сегодня — три боя до победы, завтра — от пяти и больше. Уж не знаю, как они там распределяют участников. Самое главное, я участвую во втором этапе, турнир такое позволяет, а то обычно клуб выделял самого сильного своего участника и выставлял его на индивидуальные бои. Как вы понимаете, в моем случае пошел бы, скорее всего, капитан. Не уверен, что меня даже проверять стали бы. Наши шансы на победу сегодня капитан определил как маловероятные, но до финала дойти, возможно, получится, так как команда Хомура Акиры оказалась с другой стороны турнирной сетки, и мы не должны с ними встретиться до самого конца. Но даже это — всего лишь шанс: не считая Акиры и его команды, все остальные клубы в нашем городе были примерно равны.

Наш первый боец выступил идеально, в пух и прах разбив своего оппонента, так что там и рассказывать нечего. Вслед за ним вышел я. Мне достался какой-то тип выше меня на голову, но это все-таки не рукопашный бой, так что серьезного преимущества он не имел. Выйдя на площадку, называемую сий-чо, я прошел к ее центру, где был нарисован крест, по бокам которого начертаны две линии. Вот у одной из них я и остановился, как раз напротив своего соперника. Поклон судьям соревнований, поклон судьям площадки, отдельный поклон синпан-чо — главному судье площадки, и только потом — поклон друг другу, после чего должны ждать команды от судьи.

— Сагето! — что-то вроде: «Подготовились». На самом деле, это положение, в котором мы носим меч, но мы и так стояли в положении сагето.

— Нукето! — Команда вытащить меч.

— Сонкё!

Мы сели на корточки с мечами наготове. После чего последовали сакральные несколько секунд на подготовку и приведение мыслей в порядок.

— Чудан! — Мы поднялись и приняли базовую стойку чудан. — Хаджиме!

После команды на начало поединка соперник, не медля ни секунды, сделал рывок в мою сторону. Попытался сделать, потому что не успел он еще опустить ногу после первого шага, как мой синай сбил его с ног уколом в лоб.

— Иппон! — орет судья. — Мен-ари.

То есть одно очко и чистый удар в мен, защитную маску. Я убрал меч и принял позицию сагето, дожидаясь, пока мой противник поднимется на ноги. Славно я его на шаге подловил! Бои в кендо идут до двух очков, так что мне осталось выиграть еще один раунд — и в этом матче моя задача выполнена. Во втором раунде на корточки садиться уже не нужно. Сагето — положение готовности, нукето — вытащили меч, чудан — положение готовности с вытасненным мечом.

— Хаджиме! — Команда к началу.

На этот раз противник не спешил бросаться на меня, но стоило ему замахнуться мечом, и тут же последовал мой удар, попавший ему в предплечье. Он даже меч опустить не успел.

— Иппон. Котэ-ари, — чистый удар в область котэ — от кисти до плеча. Ну или предплечье, если по-простому.

— Ямэ! — Команда завершения боя.

Вот и все. Быстро, а главное — красиво. Вернувшись к своей команде, снял маску.

— Ну как вам, капитан? — спросил я.

— Позер, — буркнул он в ответ. — Но молодец. Этот матч, считай, наш.

Надо бы перед сэмпамом, которому я руку сломал, извиниться более материально, все-

таки я его место занял. Да и не прав был, что уж там. Он, конечно, первым начал придирается, но он сэмпай, ему можно, не хотелось бы, чтобы уже мои кохай вели себя, как я.

— Ну я пошел, — надел на голову маску Ванда. — Я принесу нам победу, капитан!

— Меньшего и не ожидаю, — хлопнул тот его по плечу.

Со счетом два — один Ванда таки одолел соперника. Три — ноль в общем зачете, и наша команда выходит в следующий тур. Самое интересное, следующий матч мы тоже выиграли, правда, уже с трудом — кто выйдет в финал, на этот раз решали капитаны команд. Но победа есть победа. Три — два — тоже неплохой счет, если выиграли мы. А вот команда Акиры разбомбила нас почти всухую — свой бой выиграл только я. До моего друга очередь так и не дошла. Печалился ли я? Ну... немного. Особых иллюзий насчет командной победы я не строил. А вот завтра все будет гораздо интереснее. Завтра мы выясним, на чьей стороне удача.

Я проиграл. Увы, но если не использовать способности, Акира, оказывается, лучше. Не намного, но шесть из десяти боев остается за ним, вот и на этот раз он вышел победителем в финале турнира «Ошен».

— Второе место тоже неплохо, кохай, — похлопал меня по плечу наш капитан. — Всяко лучше моего восьмого.

— Вы правы, сэмпай, — чуть не сорвался я. — Для первого раза — неплохой результат.

— Правильный настрой, кохай! Ты еще всем покажешь! К тому же у него два года форы было, и проиграть ему незачем.

Сдержаться второй раз было гораздо сложнее. Два года форы? Да если посчитать все то время, что я провел в тренировочном зале, фора как бы не у меня должна быть. Даже с учетом того, что зал восьмого уровня у меня появился только год назад. Прав, похоже, был тэнгу — я бездарь во всем, что не касается «Кен-но-иши». Как там дядя говорил: «Лишился таланта во всем остальном»? А может... ну их, эти правила? Поймать-то меня на использовании Воли никто не сможет. Да мне много и не надо, хватит одного ускорения... Нет, не стоит. Пока, во всяком случае, не стоит. Я занимаюсь кендо ради известности, а не ради самого кендо, так что потом — может быть, но сейчас еще рано. Может, я и смогу подтянуть свой уровень к старшей школе.

К тому моменту когда я вернулся домой, эмоции почти улеглись. Ну в самом деле — бог с ним, с этим кендо, главное ведь не оно. Ну а если не смогу выделиться до старшей школы, начну мухлевать. Да, это плохо... Или нет? Чисто теоретически я просто буду использовать чуть больше своих возможностей. Почему я вообще должен сдерживать себя? Другие за этим что-то не замечены — на одной ноге не дерутся, глаза не закрывают, а я как дурак должен калеку из себя изображать? Да вообще... Что это за ерунда?

Я зашел в дом, и меня посетило легкое дежавю. Прямо посреди прихожей стояла Даан Мин Мэй, одетая в традиционное корейское платье, чуть дальше стоял дядя, ну и наши духи мелькали то тут то там. Пара секунд моей растерянности перешла в офигевание, когда гостья плавно склонилась передо мной в глубоком поклоне и уже из такого положения произнесла:

— Недостойная Даан Мин Мэй просит простить ее за принесенные господину Окава Кеншину оскорбления.

Я от неожиданности чуть не ляпнул какую-то глупость типа: «Не прошло и года», — но, глянув на дядю и увидев его пожатие плечами, решил не тупить. Мне-то плевать, а вот ему с такими людьми и таким кланом лучше дружить.

— Я принимаю ваши извинения, Даан-сан, — поклонился я в ответ. Но не так глубоко, как она, понятное дело. — И надеюсь, что наше общение больше ничем не омрачится.

Так же плавно выпрямившись, Даан поклонилась еще раз, уже простым поклоном уважения.

— Благодарю за ваше понимание, — произнесла она при этом.

После чего повернулась к дяде и совершила еще один поклон, на этот раз молча. Показывать гостье дом или что-нибудь вроде такой же фигни меня, слава богу, никто не подрядил, так что, умывшись и переодевшись, я отправился к учителю. А учитель ни с того ни с сего решил преподать мне пару уроков по рукопашному бою.

— Хороший удар кулаком нужен не только рукопашникам, — вещал он на полигоне,

стоя рядом с деревянным манекеном. — Он нужен и мечникам, и лучникам, и сапожникам, и поварам, и крестьянам. Всем нужен хорошо поставленный удар. А лучше — парочка ударов. Учить тебя чему-то... профессиональному я не буду, ибо и сам не умею, но основы преподам. Итак, — пожевал он губами. — Помнишь, я говорил тебе, что использовать свое тело как проводник Воли опасно?

— Да, — подтвердил я. — Так я, скорее всего, потеряю руку.

— Именно. Тогда как рукопашники умудряются использовать Волю?

— Мм... — сбил меня с толку его вопрос. — Не знаю. Никогда об этом не думал.

— А все просто, — усмехнулся учитель, — они используют в качестве проводника тело противника. Как ты понимаешь, техники рукопашного боя при этом кардинально отличаются от наших, но это верно и для других направлений боевых искусств. Но нам не надо вдаваться в подобные дебри, твоя задача — научиться всего одному удару, точнее — одной технике, которую ты сможешь использовать хоть правой, хоть левой рукой. Или ногой, — добавил он неуверенно, — если потренируешься... В общем, если потренируешься. Лично мне и рук всегда хватало. Подойди поближе, встань так, чтобы доставать до манекена. Отлично. Твоя задача — как можно больше расфокусировать технику укола мечом и выпустить ее ровно в момент удара. Сосредоточься. Это будет трудно, но в этом — наша жизнь. Видеть трудности, бороться с ними и побеждать. Бить со всей силы, даже если сил нет. Бить, даже если бить нечем. Жить вопреки всему. Вопреки противнику. Стоящему у тебя на пути. Мешающему тебе. Убери его со своего пути. Сейчас!

И я ударил.

— Ах ты ж!.. — выругался я и крутанулся на месте, потрясая отбитой рукой.

— М-да... — протянул учитель. — Мечник ты все-таки получше. Дай руку гляну...

Нормально, просто кожу содрал.

— Я даже Волей не смог воспользоваться, — пожаловался я ему.

— А ты думал, — вздохнул он. — Рукопашка далека от фехтования, как ползание по земле — от полета в небе. Совсем другие принципы построения техник. Да и я далек от этого, а уж обучать... Ладно, полгода тренировок, и хоть что-нибудь да должно получиться.

— Да я раньше руки себе сломаю! — возмутился я.

— Не беда — вылечим. Ну то есть твой дядя вылечит. Учитывая твою «призрачную» особенность, нашим магам я доверять не могу. Еще сделают хуже, чем было, устанем исправлять.

— Вот черт... — протянул я тоскливо.

Заниматься такой ерундой желания у меня не было.

— Смирись, Кеншин, — положил он мне руку на плечо. — Когда-нибудь подобный навык может спасти тебе жизнь, не дело его игнорировать.

Когда вернулся от учителя, Мин Мэй все еще была у нас. И не просто была, а находилась в моей тренировочной комнате! Узнал я это от Коханы-сан, которая занималась моей рукой. Юки-онна, конечно, далека от медицины, но наша аптечка могла творить чудеса. Даже с таким лекарем.

— Вот и все, — улыбнулась она, убирая склянку с мазью. — Минут через десять ваша рана исчезнет и вам останется лишь вымыть руки.

— Так что мне делать-то, Кохана-сан? — спросил я юки-онну.

— Что именно, молодой господин?

— Ну... с этой девчонкой. Как я тренироваться-то буду?

— На этот счет вам лучше спросить Окава-саму.

Пришлось идти к дяде Ичиро.

— Ну не прогонять же ее, — пожал тот плечами. — Согласись, это будет невежливо. Да ладно тебе, Кен-чан, — усмехнулся дядя, увидев мой кислый вид, — отдохни немного. Ничего с твоими тренировками не случится. Ты же тренировался уже сегодня.

Ну а я что? Пришлось. Пошел к Акире. К тому же ужин скоро, а его бабушка готовит гораздо лучше Кокиримунэ-сан.

Посреди ужина мне в голову закрался вопрос, не скажу, что неожиданный, просто то, что у меня так нагло отжали тренировочный зал, раздражало до сих пор.

— Слушай, Акира, — прожевал я кусочек рыбы, — а ты не знаешь, сколько стоит тренировочный зал восьмого уровня?

[Купить полную версию книги](#)

notes

Сан — суффикс, указывающий на уважительное отношение. Используется для общения с незнакомыми людьми или по отношению к старшим, в том числе к старшим родственникам (братьям, сестрам, родителям). — *Здесь и далее примеч. авт.*

Ёкай — сверхъестественное существо японской мифологии.

Чан (тян) — аналог уменьшительно-ласкательных суффиксов русского языка. Обычно используется по отношению к младшему или низшему в социальном смысле, с которым складываются близкие отношения.

Кендо — искусство фехтования.

Боккэн — деревянный макет японского меча, используется на тренировках.

Ямабуси — горные отшельники в древней Японии. **Ямабуси тэнгу** — крылатое краснолицее существо огромного роста с длинным носом.

Цучигумо — гигантский паук в японской мифологии.

Кумо — паук-оборотень в японской мифологии.

Бенто — обед.

Дзашики-вараши — японские домовые, хранители очага и уюта.

Юки-онна («снежная женщина») — персонаж японского фольклора.

Женское имя, в переводе с японского означающее «маленький цветок».

Капа — водяной.

Сама — суффикс, выражающий наивысшую степень уважения. Обращение к богам и духам, к духовным авторитетам, девушки — к возлюбленному, слуг — к высокородным хозяевам.

Зал или клуб для восточных единоборств.

Призванные колдуном духи.

Читер — тот, кто использует нечестные, обманные методы для получения преимущества в игре.

Комплекс движений, объединяющий атакующую и защитную технику.

Кун — более «теплый», чем «-сан», суффикс, обозначающий вежливое обращение. Используется людьми равного социального положения, чаще всего — приятелями, одноклассниками, коллегами, при обращении старших к младшим, а также при обращении начальника к подчиненному, когда на этом факте не стоит заострять внимание.

Боевое искусство преимущественно наступательного характера.

Дорама — японский телесериал.

Крупнейшие военные феодалы средневековой Японии.

Национальное китайское платье.

Сэмпай — человек, у которого больше опыта в той или иной области деятельности по сравнению с другими.

Ц у б а — аналог гарды у японского клинкового оружия.

Человек, менее опытный в одинаковой с кем-либо сфере деятельности.